

ЧЕКИСТЫ

ЧЕКИСТЫ

ВОСПОМИНАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЗБЕКИСТАН» • ТАШКЕНТ • 1967

Р2
Ч-37

ЧЕКИСТЫ. Воспоминания. Т., «Узбекистан», 1967.
248 стр. Тираж 20000.

1-6-4
1967

Р2

Господа капиталисты, российские и иностранные! Мы знаем, что вам этого учреждения не полюбить. Еще бы! Оно умело ваши интриги и ваши происки отражать как никто, в обстановке, когда вы нас удушали, когда вы нас окружали нашествиями, когда строили внутренние заговоры и не осганавливались ни перед каким преступлением, чтобы сорвать нашу мирную работу. У нас нет другого ответа, кроме ответа учреждения, которое бы знало каждый шаг заговорщика и умело бы быть не уговаривающим, а карающим немедленно.

В. И. ЛЕНИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1967 году советский народ и все человечество земного шара отмечает знаменательный юбилей — пятидесятую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Но в юбилейном году есть еще одна дата, имеющая историческое значение, — пятьдесят лет с момента создания, по предложению Владимира Ильича Ленина, карающего органа диктатуры пролетариата — Всероссийской Чрезвычайной комиссии.

Органы ВЧК, затем реорганизованные в ОГПУ, а ныне именуемые Комитетом государственной безопасности, под водительством Коммунистической партии, всегда были надежным щитом для мирного труда советского народа от происков внутренней и внешней контрреволюции, острым карающим мечом, метко разящим врагов государства.

Чекисты, как стали называться сотрудники Чрезвычайной комиссии, — выходцы из народа, его верные сыны, последники славных традиций Феликса Эдмундовича Дзержинского, этого рыцаря пролетарской революции.

Победа советской власти, гражданская война, восстановительный период, строительство социализма, отечественная война, переход к коммунистическому строительству — на всех этих этапах чекисты, руководимые партией, вскрывали и разоблачали деятельность контрреволюционеров всех мастей, пресекали подрывную работу иностранных разведок. История органов государственной безопасности — это увлекательные страницы борьбы за упрочение советской власти, укрепление могущества социалистического государства.

В дни пятидесятилетия Великого Октября, оглядываясь на пройденный органами госбезопасности путь, можно с удовлетворением отметить, что одним из решающих условий их успешной борьбы с врагами нашей родины являлась тесная связь с трудящимися, помощь и поддержка всего советского народа.

Но время неумолимо идет, все меньше остается в живых участников бывших боев с контрреволюцией. Поэтому такой большой интерес и ценность представляют воспоминания старых чекистов, являющиеся яркими страницами героической истории нашего народа, примером беззаветного служения делу народа и воспитания молодежи в коммунистическом духе.

Здесь уместно будет вспомнить слова Владимира Маяковского:

Юноше,
обдумывающему
жизнь,
решающему —
сделать бы жизнь с кого,
скажу,
не задумываясь —
«Делай ее
с товарища
Дзержинского».

Вот поэтому данный сборник адресуется главным образом молодому поколению строителей коммунизма. Старые чекисты вступили в революцию, начали борьбу за ее завоевания юношами, молодыми рабочими и деревенскими парнями. Прошлые их подвиги как бы перекликаются с трудовыми подвигами современной молодежи, строящей коммунистическое общество.

Сборник воспоминаний охватывает период становления советской власти и гражданской войны в Средней Азии. Старые чекисты вспоминают и свое революционное прошлое (т. Желтиков), и свое участие в организации пограничной охраны (тт. Норейко, Сабиров, Журавлев), и борьбу с басмачеством, белогвардейцами, пронсками иностранных разведок (тт. Валишев, Хамзабаев, Гибшман-Ивановский, Калмыков, Мухаммедов, Галиев), и участие в расследовании контрреволюционных заговоров (т. Юденич). Некоторые чекисты первого поколения принимали активное участие и в дальнейшей работе органов госбезопасности (т. Адамович, Сабиров).

Рекомендуя сборник воспоминаний старых чекистов для широкого круга читателей, следует высказать признательность всем товарищам, принимавшим участие в подготовке к печати материалов сборника.

С. И. Киселев,
генерал-майор

ГРОЗАМИ ОПАЛЕННЫЕ

Желтиков Федор Никифорович

1894 года рождения, член КПСС с 1917 года, в органах ВЧК и ОГПУ работал с 1920 по 1934 год. Персональный пенсионер.

Трудно пересказывать содержание сложной многоплановой книги, однако еще труднее пересказывать содержание книги о самом себе, еще никем не написанной, о том, что давно затерялось в вихре времени.

Поэтому, если я иногда перепутаю страницы моих грозовых лет или переверну несколько листов, пусть меня простит мой читатель. В одном только я буду последовательным до конца: стану рассказывать лишь о виденном и слышанном, ничего не добавляя и не преувеличивая.

Отец сказал:

— Жена, слушай. Я решил передать дом селу.

Мать всплеснула руками, спросила, словно обвинила отца:

— Даром?

— Даром, жена... Ты подожди, не расстраивайся. Мы переезжаем в Москву, верно? Дом с собой ведь не возьмешь. В селе много детей. Учитель есть, а школы, как ты знаешь, нет. Разве это хорошо, мать? Пусть ребята учатся.

— Деньги ж нам нужны, отец,— слабо запротестовала мать.— Москва, поди, не наша Хута. В ней для всякого дела копейка понадобится.

— Ничего. Матрена Павловна. обойдемся.

— Смотри.

Дом передали селу дня через три после состоявшегося разговора. Люди по-разному отнеслись к этому событию. Одни — одобряли, другие — смеялись над нами, третьи — недоумевали. К последним, между прочим, принадлежал поп Михаил, живший в соседнем селе Озерки. Он не пожалел ног — прошел пять километров пешком, чтобы поговорить с отцом.

— Решил, Никифор, голытьбу в князя выводить? — сел поп на лавку под образами. — Небогоугодное это дело. От грамоты прельщение содеется. Люди, аки в бардаке, станут жить, господи, прости меня грешного. Одумайся, ибо не поздно еще. Голытьбу клюкою да плеткою учить надобно.

— Несогласен я, батюшка, — остановился отец посреди избы. — Клюкой да плеткою хорошему не научишь, да и народ устал в потемках жить.

— Не богохульствуй, Никифор. Попадешь в геенну огненную, — предупредил поп. — Забери дом, говорю тебе. Семья у тебя немалая. Детки, аки мухи, с голоду перемрут. Помни мое слово.

Помню, отец после ухода попа долго был не в духе, говорил матери:

— Вот так нас испокон веку и увещевают. То одно нельзя, то другое... Можно лишь спину гнуть на господ да лебеду жрать... Нет, русский народ не таков. Пятый год еще повторится. Обязательно повторится, мать!

...Москва не понравилась мне. Я никак не мог привыкнуть к ее высоким домам. Казалось, что они вот-вот упадут и придавят меня.

Меня неудержимо влекло в родную Хуту, и я с трудом отгонял от себя мысли о ее голубых садах и полях, начинающихся сразу за хатой бабки Аграфены.

Лишь месяца через три или четыре я начал с интересом присматриваться к тому, что возбуждало во мне страх вначале. Больше всего меня тянуло к шелкоткацкой фабрике, где работал отец. Поток людей, который каждый вечер тянулся из ее проходной, наполнял мою душу неизъяснимой радостной тревогой. Я словно слышал отца: «Нет, русский народ не таков, батюшка Михаил, не таков. Пятый год повторится!»

Осенью отца с группой рабочих направили в Горки строить дачу для хозяина фабрики. Переехали и мы за го-

род. Поселились недалеко от дома подрядчика Дмитрия Абрамовича Павлова.

У Павлова было одиннадцать сыновей и две дочери. Я хорошо всех помню, особенно Александра, Ивана и Дмитрия. Это были рослые, красивые парни, очень похожие друг на друга. Всем казалось, что братья живут дружно. Однако дело обстояло не так. Позднее я узнал причину этого: Александр был большевиком, Иван — меньшевиком. Дмитрий — монархистом.

Вскоре Александр исчез. Я узнал после, что его сослали в ссылку. Мне было жалко этого веселого общительного человека, и я часто вспоминал о нем, не зная, что через некоторое время мне придется принимать непосредственное участие в его судьбе.

...Случилось это поздним вечером. На улице моросил мелкий, холодный дождь. Я, отец и мать были в избе. Мать болела — лежала на кровати, укрытая дерюгой. Я и отец сидели у открытой печки на лавке. Отец, помню, рассказывал мне сказку о Кашее Бессмертном. Вдруг послышался частый стук в окно. Отец прильнул к стеклу, однако ничего не увидел — вышел на улицу. Я выскользнул за ним. К нам тотчас метнулась мужская фигура. У меня так и запрыгало в груди: Александр! Как он оказался в Москве? Неужели сбежал?

— У нас обыск, дядя Никифор!

Отец задумался, по-видимому, решал, как поступить. Я не выдержал, дернул его за холщовую штанину, зашептал торопливо:

— Тятка, ты его в собачью конуру спрячь. В ней не найдут. Полкана привяжи короче. Он знает дядю Сашу. Лаять не будет.

Отец метнул на меня суровый взгляд:

— Цыц, постреленок! Не твое это дело!

— Подожди, дядя Никифор.— Александр взял отца под руку.— Парень, пожалуй, дело говорит.

Он пригнулся и, не ожидая разрешения, полез в собачью конуру, а мы вошли в дом.

— Кто там, Никифор?— спросила мать.

— Заблудился мужик. Просил указать дорогу,— зевнул отец.

Жандармы пришли к нам минут через сорок. Они обшарили все места, где мог бы укрыться человек, потом

подошли к отцу. Один из жандармов, высокий, красномордый, хрипел:

— Говори, собака, где большевика прячешь?

Отец сказал тихо:

— О каком большевике вы говорите, господин Кравцов?

Жандарм потемнел, под его острыми калмыцкими скулами заходили тугие желваки:

— Ты не знаешь?.. Смотри у меня, я шутить не умею, быстро упеку тебя в Сибирь!.. Кто это? — кивнул он на мать, лежавшую на кровати.

— Жена, — ответил отец. — Нездоровится ей.

— Нездоровится, — передразнил жандарм.

Он подошел к кровати, бросил следившей за ним матери:

— Подыхаешь, ведьма?

— Все мы под одним богом ходим, — слабо проговорила мать.

Очевидно, эти слова не по вкусу пришлись «представителю власти». Он сорвал с матери одеяло, перевернул вместе с нею кровать быстрым рывком, зло выругался, не обнаружив под ней разыскиваемого.

— Вы, господин Кравцов, полегче, — подошел отец к матери. — Не со скотиной обращаетесь!

— Поговори у меня, — показал жандарм кулак.

Я подумал, что он хочет ударить отца и, будто помешанный, бросился к нему, вцепился за саблю, закричал не своим голосом:

— Не трожь тятку, он самый лучший!

Жандарм, по-видимому, не ожидал такого «большевистского» поступка от меня: оторопело заморгал белесыми глазами, затем с силой отшвырнул меня ногой:

— Прочь, змееныш!

После ухода жандармов мы долго сидели в темноте. Не знаю, какие мысли волновали в это время отца и мать. Я же думал об Александре и о его словах, сказанных еще давно: «Хорошая жизнь скоро настанет, Федюха. Без царей и буржуев». Я не представлял жизнь без царя. Александр рассмеялся, когда я сказал ему об этом: «Ладно, ежели так обстоит дело, то мы твоего отца царем сделаем!» Это было вообще что-то непонятное, однако я обрадовался, представив на миг, как будет выглядеть отец в царской одежде. «Может быть, поэтому он спрятал Александра?» —

подумал я.— Кому же царем не хочется быть! Мама, наверно, сразу выздоровеет».

— Тятка, а, тятка,— позвал я.— что ты будешь делать, когда тебя царем поставят?

— Кем-кем?— поинтересовался отец.

— Царем,— повторил я.

— Кто это тебе вбил в голову эту дурацкую мысль?

— Дядя Саша.

Отец некоторое время молчал, глядя на меня задумчиво, потом закурил, подошел к окну и, не оборачиваясь, сказал негромко:

— Я бы, сынок, в первую очередь простому люду свободу дал да накормил досыта!

Мать попросила жалобно:

— Поддай мне водицы, отец... Пока ты еще не самодержец наш...

Поздно ночью отец перевез Александра на лодке через речку Бахру. Больше я ничего о нем не слышал, однако слова его запомнил на всю жизнь.

Хорошее время, между тем, не наставало. Отец по-прежнему гнул спину с утра до позднего вечера, мать не знала покоя тоже, потом настала моя очередь работать — я бросил школу и поступил учеником в сапожную мастерскую.

Но я не стал скорняком — через год убежал из мастерской, не в силах вынести побоев, которые сыпались на меня ежедневно, как град.

Отец сначала рассердился, увидев меня дома с котомкой за плечами, а потом сказал, вздохнув:

— Ладно, сынок, отдохни немного.

Я, действительно, отдыхал немного — через три дня меня приняли на работу в бакалейный магазин.

— Ты служишь у этих толстобрюхих торговцев,— встретил меня как-то знакомый студент.— Увольняйся. Я устрою тебя к настоящим людям. Станешь человеком... Договорились?

Узнав, что студент может устроить меня в электромеханическую мастерскую, я от радости чуть ли не заревел. Не каждому пацану выпадало такое счастье... Впрочем, в электромеханической мастерской я тоже недолго проработал — через полгода я уже имел пропуск на ту самую фабрику, где начал работу в Москве отец.

С этого времени моя жизнь стала другой. Я неожиданно оказался в центре событий, которые вскоре круто изменили судьбу миллионов таких же неимущих, как я.

Шла первая мировая война. Патриотический угар все сильнее охватывал москвичей. По улицам ежедневно шествовали манифестанты, среди которых выделялись священнослужители в полном церковном облачении. Манифестанты несли хоругви, портреты царя и его семьи, пели «Боже, царя храни».

На фабрике заметно редели ряды старых рабочих. Был взят в армию и машинист Копейкин. Я уже неплохо разбирался в машинах, и меня поставили на его место. Мать хвалилась соседкам: «Слышали? Мой Федька самого Копейкина заменил». Отец довольно улыбался в усы. Женщины и подростки, работавшие на фабрике вместо ушедших на фронт мужчин, здоровались со мной, как с человеком, выдавшим виды.

Однажды вечером, когда я возвращался домой с дежурства, меня остановил кочегар Дмитрий Радионов.

— Тебя как будто не проверяют в проходной? — словно между прочим поинтересовался он после обычных расспросов о здоровье родителей и о моих успехах на новой должности.

— Не проверяют, — простодушно ответил я.

— Послушай, Федюха, сделай мне одно одолжение...

— Какое?

— Понимаешь, я завтра не смогу придти на работу, у меня брат заболел... Ты знаешь кузнеца Белова, который со мной дежурит? Ему надо передать кое-какие вещички. Сделай это. В следующий раз я тебя выручу. Нам с тобой вместе не один год кашу есть.

— Где ваши вещички?

— Завтра утром получишь... Только ты никому не говори о моей просьбе. Договорились?

— Договорились... Что это за вещички? Вы можете мне сказать?

Я, конечно, догадывался, о чем шла речь, однако хотел, чтобы Радионов мне сам обо всем сказал.

— Ладно, слушай, — усадил Радионов меня на скамейку, около которой мы стояли. — На фабрику надо пронести листовки. Меня проверяют в проходной, понимаешь?

— Листовки? Здорово! — не сумел я удержать своего ликования.

— Только ты смотри, Федюха, никому ни слова,— опять предупредил меня Радионов.

— Не беспокойтесь, дядя Митя, я не подведу вас... Увидите.

— Верю. Спасибо.

Он пожал мне руку как взрослому и исчез в темноте ночи.

Моей гордости не было предела, особенно тогда, когда я получил, наконец, сверток с листовками. Идя на фабрику в этот день, я всем своим видом хотел показать встречающимся рабочим: какой я бесстрашный и самостоятельный.

К сожалению, от моей самостоятельности не осталось и следа, как только показались двери проходной. У меня словно что-то оборвалось в груди, по спине потекли предательские холодные капли пота, язык, казалось, одеревенел. Старик-вахтер, увидев меня, сразу понял, что я «не в своей тарелке» и поманил к себе пальцем.

— Аль нездоров, Федюха? — поинтересовался он.

— Здоров, — трусливым голосом ответил я.

— Ну-ну, лица на тебе нет... Смотри, ежели плохо будет, приходи ко мне... Дам хорошее лекарство. Все болезни начисто лечит.

— Не надо, дедушка.

— Ну иди, коли так... Иди, парень.

Не знаю, как я только добрался до аккумуляторной и запер в нее сверток. Потом я, конечно, осмелел — таскал листовки безбоязненно, так, будто в свертках были обеды, приготовленные матерью.

Радионов хвалил меня:

— Ты у нас настоящий связной, Федюха!

Я краснел от похвалы, как девица, однако старался показать, что недоволен:

— Настоящий? Конечно... Почему же вы не взяли меня с собой в прошлое воскресенье на митинг?

— Подожди, Федюха, немного... Возьму еще.

Первый митинг, на который я вскоре попал, чуть ли не стал для меня последним.

Между фабрикой Броккара и заводом Чибисова-Струкова была известная всей Москве Коровья площадка. На ней по праздникам устраивались базары, проходили товарищеские встречи местных футбольных команд... Кстати, я был одним из страстных футболистов фабричной команды. Сынки богачей прозвали ее «Тыркало-Мыркало», в

официальных сообщениях она называлась «Товарищеским кружком футбола».

Рабочие собрались на митинг на Коровьей площадке перед вечером. Было теплое весеннее время. Дул легкий ветерок. Зажигались первые звезды.

Я не слышал о чем говорили ораторы, так как находился далеко от них, однако по одобрительному гулу собравшихся понимал, что они говорили о том, что волновало каждого человека, пришедшего на митинг. У меня снова, как и после разговора с Радионовым, от радости кружилась голова и я снова вглядывался в то будущее, за которое был сослан на каторгу Александр Павлов.

Вдруг кто-то недалеко от меня закричал неистовым отчаянным голосом:

— Жандармы!!.

Жандармы врезались в толпу с двух сторон и начали избивать людей плетками. Люди метались, будто угорелые, натыкались друг на друга, разбегались.

«За что же они бьют нас?— подумал я о жандармах.— Что мы плохого сделали? Что?»

Я весь дрожал от нервного возбуждения, не зная, на что решиться.

— Чего ворон считаешь, горемыка? Бей гадов!— становился около меня парень с булыжником.

— У них ружья,— кивнул я на жандармов.

— Ха, ружья!... Трус ты, видать.

Парень размахнулся и метнул булыжник в усатого толстого жандарма, избивавшего старика. Булыжник угодил жандарму по руке. Должно быть, удар был сильным, потому что он взвыл, как белуга, и остервенело зарыскал глазами по толпе, пытаясь узнать, кто решился на такое преступление. Меня словно ветром сдуло с места. Я подскочил к куче камней, лежавшей у стены, схватил один и запустил в усатого, когда он принялся избивать другого человека. Однако жандарм заметил меня и дважды огрел по спине плеткой, да так, что кровь брызнула из-под разорванной рубашки. Не знаю, ушел бы я от него живым, если бы не перемахнул через забор.

За забором была тишина и пахло жареным луком: я огляделся и увидел девочку лет четырнадцати, стоявшую в стороне. Мне стало неловко перед ней. Я быстро прикрыл руками разорванную рубашку и полез на забор, позабыв, что за ним ждало меня еще большее испытание.

— Куда же ты? — позвала девочка. — Иди сюда. Там убьют тебя. Слышишь, начали стрелять?

Девочка подошла ко мне, увидела окровавленную спину, всплеснула руками и тихонько охнула, как взрослая:

— Господи, ты же ранен весь!

Она схватила меня за руку и, несмотря на мое отчаянное сопротивление, потащила в дом, находящийся в конце двора. Через час перевязанный, в залатанной, но выстиранной рубашке я выходил из него с моей спасительницей.

— Ты больше никогда к нам не придешь? — спросила она, когда мы очутились на тихой, залитой лунным светом, улице.

— Не знаю, Дина, — ответил я как можно самостоятельнее. — Сама понимаешь, какое сейчас время... Вообще, если случай подвернется, приду, — пообещал я, видя, как разом сошлись брови девочки.

— Приходи, Федя.

Я еще что-то сказал ей и быстро зашагал по деревянному тротуару, тянувшемуся вдоль двухэтажных каменных домов. Мне было удивительно легко, и я с наслаждением прислушивался к собственным шагам, гулко раздававшимся в ночной тишине.

Утром ко мне пришел Радионов.

— Жив?

— Жив.

— Эх, Федюха, Федюха, некому, я вижу, пороть тебя... Ну какого черта ты ввязался в драку? Наверно, думал, что твой поступок перевернет вселенную? Дурачок!

— Дядя Митя! — побледнел я.

— Ладно, ладно, — улыбнулся Радионов. — Смотри, в следующий раз будь осторожней. Слушай, ты где хранишь листовки?

— В аккумуляторной.

— Сегодня к тебе придет «знакомый». Возьмешь у него листовки. Принесешь на фабрику завтра утром. Я заберу в обеденный перерыв. Надо, чтобы рабочие знали, под чью дудку танцуют жандармы.

— Хорошо.

«Знакомым» мы называли человека, который давал мне листовки. Где он работал, как его звали — я не знал.

— Ты бываешь в лазарете?

— Нет, — сказал я.

— Сходи. Это тебе не повредит. Послушай, что солдаты говорят о войне. Тебе, кажется, тоже скоро придется взять в руки винтовку. Должен знать: в кого нужно стрелять.

В фабричный лазарет я пришел на второй день. Солдаты сначала настороженно отнеслись ко мне, должно быть, подумали, что я шпик, потом мы разговорились, и я узнал правду о тех, кто развязал войну.

Утром перед работой я передал своим товарищам разговор с ранеными. Товарищи внимательно выслушали меня и попросили узнать у солдат, что думали о войне германцы.

Я с радостью выполнил эту просьбу. К сожалению, побеседовать второй раз с рабочими мне не удалось. Для меня через три дня вызвал к себе управляющий фабрикой Москвин и сказал, что я... уволен.

— За что?— спросил я, хотя и догадывался о немилости хозяев.

— Не разговаривать,— закричал Москвин.— Немедленно забирай свои шмотки и убирайся отсюда. Ясно?

— Я же ничего плохого не сделал,— не отступал я.

Очевидно, у меня был чересчур убитый вид, или, может быть, управляющий хотел, чтобы я сохранил о нем хорошую память, не знаю: во всяком случае, он буркнул на прощание примирительно:

— У тебя длинный нос, Желтиков. Суешь его не туда куда следует. Советую запомнить это, иначе окажешься там, откуда не очень-то многие возвращаются.

Я пришел в машинное отделение. В конуре, где я отдыхал, уже хозяйничали сыщики. К счастью, никому из них не пришло в голову заглянуть в аккумуляторную.

...А вскоре меня призвали в армию. Служба началась в Мерве. Я не буду рассказывать о всех тяготах солдатской службы, это займет слишком много времени, да и не к чему, пожалуй, ворошить «мелочи». Начну с того, что в дальнейшем определило мою армейскую судьбу.

...Вечером в казарму ворвался голос фельдфебеля Мещерякова:

— Выходи строиться!

Мы за несколько секунд выстроились в линейку, вытянулись, будто вкопанные, не сводя с фельдфебеля глаз. Это был крутой, самоуверенный человек. Он не давал спуска тем, кто проявлял недисциплинированность. Особенно

много доставалось от него перешительным людям. «Русский солдат должен быть тверд, как гранит, и подвижен, как ящерица!»— говорил он, и делал все, чтобы мы были такими, не жалея для этого ни собственных кулаков, ни наши спины.

Мещеряков долго, прищурясь, оглядывал каждого из нас.

Его волосатые руки то сжимались, то разжимались.

— Смирно!— гаркнул фельдфебель, хотя мы и так стояли словно статуи. Он прошелся вдоль строя, снова отошел на положенное расстояние, спросил, будто назначая наряд вне очереди:— Кто из вас умеет лудить котлы?

Гробовое молчание было ответом.

— Значит, никто из вас не умеет лудить котлы?— снова прошел около строя Мещеряков.— Зачем же вы тогда одели солдатскую форму?.. Скоты!— вдруг рявкнул он.— Русские вы или французы? Чего молчите? Я вас спрашиваю!

Меня словно кто-то толкнул в спину: я вышел из строя, отчеканил:

— Русские мы, господин фельдфебель... Разрешите доложить?

Мещеряков оглядел меня так, будто никогда до этого не видел:

— Докладывай!

— Я могу лудить котлы!

Не знаю, почему я это сказал. Дело в том, что я не имел никакого понятия о лужении. Может быть, во мне заговорила оскорбленная гордость.

Фельдфебель еще раз оглядел меня с головы до ног, распустил взвод и сказал, чтобы я следовал за ним.

— Понимаешь,— сказал он мне в каптерке обыкновенным человеческим языком,— у нас ничего нет: ни кислоты, ни олова, ни наждачной бумаги... Придется тебе сходить в город и разыскать все... Торговая жилка у тебя есть?

Я сказал, что когда-то работал в бакалейной лавке. Это его обрадовало. Он довольно засиял, выписал мне угольничную, дал три рубля и, погрозив кулаком, выводил из каптерки.

Мне не везло. Ни в одном магазине не было необходимых материалов. Продавцы беспомощно разводили руками, как бы говоря: «Война все сожрала».

Отчаявшись, я зашел на базар. Здесь один пожилой мужчина в солдатской форме посоветовал мне обратиться к машинисту Вадьялевской мельницы Петру Анисимову.

Анисимов встретил меня приветливо. Это был человек среднего роста, лет сорока пяти, с большим покатым лбом и настороженными, глубоко посаженными глазами.

— Значит, кроме материала еще нужна консультация? — улыбнулся Анисимов, выслушав меня.

Я, должно быть, сильно покраснел, потому что он тут же дружелюбно заверил:

— Ладно, не краснейте, мы научим вас лудить котлы... Где вы жили до армии?

— В Москве.

— В Москве? Далеко. Я, признаться, никогда не видел ее... Знаете, почему на вас надели эту форму?

— Так точно, господин Анисимов, — вытянулся я по привычке.

— Почему?

— Так ведь война идет, — удивился я такой неосведомленности своего собеседника. — Сейчас каждый русский человек должен одеть солдатскую форму. Отечество в опасности.

— Нет, война нужна царю да буржуям, простому люду она ни к чему. — Глаза Анисимова загорелись. — Ну, а чтобы такие, как вы не щадили живота своего, вам и говорят, что надо бить германца... Бить надо не его, — перевел он на меня взгляд. — Бить надо тех, кто развязал войну. Буржуев да царя. Понял?

Я уже во многом разбирался, помогла дружба с Радионовым, однако таких откровенных речей мне еще не доводилось слышать.

Заметив мое смущение, он ободряюще улыбнулся.

— Ладно, Желтиков, я дам тебе материалы и научу лудить. — Ему, должно быть, не хотелось больше возвращаться к опасному разговору. — Думаю, что мы будем друзьями?

В эту ночь я не спал. Из головы не выходили слова машиниста. Они будто огнем жгли меня. Нечего грех таить, в то суровое время многие были заражены шовинистическим угаром. Коснулся он и меня.

Утром я встал, будто разбитый, так до конца и не осознав всего. Фельдфебель заметил мое состояние, однако ничего не сказал, не хотел, должно быть, тревожить челове-

ка, решившего спасти роту от голода: в нелуженых котлах врачи запретили готовить пищу.

Я растягивал работу — часто ходил в город то за оловом, то за кислотой... Встречался с Анисимовым. Он рассказывал мне о событиях в России, о положении на фронте...

— Скоро, Федор, жаркое время настанет. Скоро,— слушал я его горячий прерывистый голос.

«Жаркое время», действительно, скоро настало. Однажды поздним февральским днем мы узнали о свержении царя Николая II. Это известие до того было потрясающим, что некоторые солдаты и офицеры долгое время не могли прийти в себя. Не буду скрывать, оно и на меня произвело огромное впечатление, хотя я уже и был несколько подготовлен к нему.

Жизнь в полку стала меняться. Фельдфебель Мещеряков уже не давал волю своим кулакам. Притихли и господа офицеры.

Вскоре был создан полковой комитет. В него вошли самые активные солдаты и офицеры. Председателем был избран поручик Огибалов, а я — его заместителем. Мне, как говорится, с первого же дня пришлось взяться за работу.

О моем «повышении» каким-то образом узнал Анисимов и попросил зайти к нему на чаек.

— У тебя есть друзья среди солдат? — поинтересовался он после обычных, ничего не значащих вопросов.

— Есть, — сказал я.

Я не кривил душой. У меня было много друзей в полку. Собственно, если бы это было не так, то меня, пожалуй, не избрали бы в полковой комитет.

Анисимов прошелся по мастерской, вытащил из-под ящика с инструментами кипу газет и листовок, положил передо мной:

— Сделай так, чтобы все, кому ты веришь, прочли это, — хлопнул рукой Анисимов по кипе.

— Хорошо.

— Только смотри: чтобы газеты и листовки не попали к врагу — в них статьи Ленина.

Я впервые слышал эту фамилию.

— Кто это?

— Кто? — Анисимов с минуту недоуменно смотрел на меня, потом дружески улыбнулся. — Неужели ты ничего не слышал о Ленине?

— Нет,— признался я.

Долго в тот день Анисимов рассказывал мне о Владимире Ильиче. Я слушал его, стараясь запомнить все, что было сказано о жизни Ленина, просил повторить то, что особенно поражало меня.

«У рабочих и крестьян есть вождь,— думал я.— Значит, мы победим. Значит, скоро народ встанет у власти? Сбываются слова Александра Павлова. Сбываются... Где он теперь? Что делает?»

Уходил я от Анисимова поздно вечером.

— Будь осторожен, Федор,— еще раз предупредил он.— Никто из наших врагов не должен знать о твоей связи с нами. Тебя могут посадить в тюрьму. Понял?

— Понял, товарищ Анисимов, не беспокойтесь,— пожал я на прощанье крепкую руку машиниста.

— Желаю успеха... Заходи.

— Спасибо... Зайду обязательно.

Ленинские призывы произвели на солдат огромное впечатление. Все чаще стали раздаваться голоса:

— Чего ждем? Надо уходить домой. Буржуев бить.

— Правильно.

— Не тревожься, время подойдет — начнем бить.

Такие разговоры, как правило, заканчивались беседами о войне. Война еще полыхала в России. Еще гибли ежедневно крестьяне и рабочие, одетые в солдатскую форму. Еще не остывал шовинизм. Нет-нет да раздавались крики: «Смерть германцам!» Были и среди солдат рвавшиеся постоять за веру и отечество. Царя уже не упоминали. Правда, таких людей было мало. Это особенно стало ясно, когда в нашем полку побывали «эмиссары».

Они прибыли к нам теплым майским утром. Холеные, с золотыми цепочками на жилетах, обтягивавших толстые животы. Офицеры, как воронье, закружились около них, рассыпаясь в любезностях... Только поручик Огибалов держался особняком. Он продолжал играть роль борца за справедливость и противника войны.

«Эмиссары» умели говорить, должно быть, они прошли специальный курс. Особенно усердствовал один невысокий человек, в пенсне, совершенно лысый, с крутым круглым подбородком.

— Отечество в опасности. Германцы наступают,— сжимал он кулаки над головой.— Вступайте в ударные баталь-

оны. Отстаивайте родную землю от порабощения. Народ вечно будет помнить вас!

Вместе с «эmissарами» к нам пришли Анисимов и Лысенко... Лысенко я видел раньше у Анисимова. Это был крупный, смуглый мужчина, отдававший всего себя делу революции... Он подошел ко мне, как только начал выступать другой «эmissар».

— Ты что молчишь? Смени его. Скажи, что солдатам нужен мир!

— Не умею я говорить, товарищ Лысенко,— слабо протестовал я.— Ничего не получится у меня. Опозорюсь только.

Мои слова услышал стоявший рядом со мной толстый «эmissар». Он приятельски похлопал меня по плечу:

— Выступи, солдатик... Выступи... Поддержи нас. Ты же патриот России. Я знаю... Мы должны грудью встать на защиту Родины!

— Сами-то вы почему не отправляетесь на фронт?— не удержался я.

— Какой из меня вояка,— мелко рассмеялся «эmissар».— Мне, солдатик, уже шестьдесят лет.

Я оглядел его полную, коренастую фигуру, подумал, что ему было не больше сорока лет. Когда солдаты умолкли, я крикнул, не узнавая своего голоса:

— Друзья, не слушайте этих господ. Они втянули Россию в войну, пусть они и воюют... Нам нужен мир!

Я не видел, какие были лица в это время у «эmissаров», я видел лица солдат, стоявших передо мной, и понял: сказал то, что они ожидали, что, очевидно, давно тревожило каждого из них.

Мне долго аплодировали.

Короче говоря, план «эmissаров» был сорван. В ударный батальон записалось всего двадцать человек. Такое же положение было и в других частях. Примерно через неделю я получил письмо от друга Николая Фролова, служившего в Самарканде, в 7-м Сибирском запасном полку. Он писал, что у них на фронт изъявили желание выехать... десять солдат.

— Хорошо,— говорил Анисимов,— Очень хорошо. Прозревают солдаты. Прозревает народ... Нет, на этот раз мы будем более решительными. Господам буржуям не удастся нас обмануть.

«Господа буржуи» между тем не унимались. Не унимались и наши господа офицеры. Они во что бы то ни стало решили изолировать от солдат тех, кто по их мнению сеял смуту. Вскоре повисла угроза и надо мной.

После провала плана «эмиссаров» командир полка Заремский был переведен в другую часть, его место занял полковник фон Флясс. Это был хитрый и жестокий человек. Он держал нос по ветру и поэтому начал заигрывать с полковым комитетом. Анисимов предупредил меня:

— Смотри, Федор, держи ухо востро!

Как-то поздним вечером я зашел в сад, который примыкал к зданию штаба полка. В одном из слабо освещенных окон я увидел фигуры фон Флясса и Огибалова. Полковник, судя по жестам, что-то доказывал поручику. Я незаметно подошел к окну, которое, к моему счастью, оказалось открытым, и услышал такое, что невольно почувствовал озноб во всем теле.

— Желтикова необходимо немедленно убрать! — голос фон Флясса перешел на фальцет. — Иначе все наши солдаты откажутся выполнять наши приказы.

— Я не могу это сделать, господин полковник, — в базе Огибалова слышались беспомощные нотки. — Желтиков — мой заместитель. Вы же знаете, как относятся солдаты к полковому комитету.

Некоторое время за окном было тихо, потом полковник сказал, должно быть, приблизившись вплотную к поручику:

— Вот что, милейший, отправь его с каким-нибудь поручением в Ташкент. Я свяжусь с генералом, и он избавит нас от крамольного солдата... Иного выхода я пока не вижу.

— Не лучше ли вам самому сделать это? — осторожно заметил Огибалов.

— Пожалуй, ты прав, — после продолжительного молчания ответил полковник.

Едва утром я успел привести себя в порядок, как меня вызвал к себе прапорщик Поличевский:

— Вам поручается доставить в Ташкент секретный пакет, — сказал он, выслушав мой рапорт.

— Слушаюсь, — вытянулся я, однако не утерпел, чтобы не сказать: — Может быть, пакет доставит кто-нибудь другой? Сами понимаете, сколько сейчас у меня работы.

— Это приказ полковника.

— Странно,— сделал я удивленное лицо.

— Не думаю,— подал Поличевский мне пакет.— В общем, у вас есть голова на плечах. Подумайте, возможно поймете, почему вы должны поехать в Ташкент.

В тот же день встретился с Анисимовым и Лысенко. Они внимательно выслушали меня.

— Это нужно было ожидать. Господа офицеры поняли, что открыто расправиться с нами сейчас нельзя, поэтому решили взять нас хитростью... Ну что ж,— помолчал немного Лысенко,— мы тоже не останемся в долгу... Думаю, что тебе не нужно пока возвращаться в полк.

— Где же я буду жить?

— Ты должен съездить в Москву.

— В Москву?— от неожиданности у меня сорвался голос. Я сразу будто наяву увидел наш небольшой деревянный домик в Перове, будто услышал до боли родные голоса отца и матери.

— Да-да, в Москву,— не заметил Лысенко моего волнения.— Деньги и документы тебе даст Поличевский.

— Поличевский?— снова удивился я.

— Прости,— Лысенко на этот раз понял мое состояние.— Я не сказал тебе, что он связан с нами... Впрочем, он тоже не знал, что ты встречаешься с нами... Конспирация, Желтиков, ничего не подделаешь.

«Так вот почему прапорщик пытался предупредить меня об опасности»,— подумал я.

Из Москвы я возвратился месяца через три. Анисимов обрадовался, увидев меня, угостил крепким черным чаем и, задав два-три вопроса, почти силой уложил спать.

— Вечером придут наши... Отдохни.

— Я не устал.

— Не ершись... Побереги силы для встречи. Думаю, что тебе придется отвечать не на один вопрос. Люди у нас любопытные.

— Я кого-нибудь знаю?

— Знаешь... Спи...

Анисимов ушел. Я разобрал постель, однако уснуть не мог — сказывалось волнение недавних дней.

Вечером пришли большевики Лысенко, Мальцев, Паршина, Алексеевский, Ионин, Казанцев, Бондаренко... Я коротко рассказал о московском восстании, в котором принимал участие, поделился своими впечатлениями о событиях, происходящих в России и в Туркестане, передал

задание революционного московского комитета о создании в Мерве Красной Гвардии. Меня выслушали, судя по всему, с большим интересом, хотя я и сбивался все время. Особый интерес вызвало у всех задание революционного комитета.

— Красная Гвардия нужна,— сказал Анисимов.— Положение у нас тяжелое. Одними речами не добьемся победы.

— Создадим Гвардию, Федор... Спасибо за информацию,— добавил Лысенко.— Люди у нас есть. Хорошие. Правильно, товарищи?

— Но ведь у нас нет оружия. Если мы и создадим Красную Гвардию, то от нее никакого толку не будет,— тревожно произнес Мальцев,— голыми руками врага не возьмешь!

— Оружие будет!— сказал я.

— Может быть, у тебя имеется собственный арсенал?— быстро взглянул на меня Мальцев.

— Лично у меня нет,— не смутился я.— Однако в полку есть. Мы сможем взять из него винтовки и патроны. Да и пулеметы не помешают...Я беру это на себя, если вы, конечно, не возражаете.

Вскоре в городе власть перешла в руки рабочих и дехкан. Большевистская группа, созданная Анисимовым, переросла в крупную большевистскую организацию. В нее входили проверенные, мужественные люди. Они делали все, чтобы в городе царил порядок. Особенно много времени отдавали борьбе с эсеровской организацией, возглавляемой бывшим директором гимназии Зиминим.

Из перечисленных мною большевиков выделялся Атабаев. Впоследствии он стал председателем Совнаркома Туркменистана. Мне нередко приходилось участвовать с ним в сложных операциях.

С первых же дней создания Красной Гвардии я был назначен инструктором отряда, боровшегося с басмаческими бандами Азизхана и Рахман-нияза.

О всех битвах с басмачами невозможно рассказать. Мы почти ежедневно участвовали в какой-нибудь боевой операции. То из одного района, то из другого нам сообщали о зверствах бандитов, и мы немедленно седлали лошадей и выезжали, несмотря ни на погоду, ни на страшную усталость, валившую нас с ног.

Сражались мы и с регулярными частями белогвардейцев, вооруженных до зубов иностранным оружием.

Тяжелое это было время. Среди нас еще встречались колеблющиеся элементы и предатели. Они тайно и открыто вредили нам всюду, где только могли.

Некоторо дней длился неравный бой с белогвардейцами на станции Ялатай. Многие наши товарищи оросили кровью потрескавшуюся под горячим солнцем землю. Спасти отряд мы могли только одной ценой — немедленным отступлением. Я сказал об этом комиссару Балабушенко.

— Поговорим с товарищем Алексеевским.

Начальник участка был тяжело ранен. Он молча выслушал нас и также молча одобрил наше решение.

— Только не забудьте отправить зерно в Ташкент со склада хлопкозавода, — сказал нам на прощание Алексеевский.

— Как же мы? — удивился Балабушенко.

— Отступим на конях... Помните: в Ташкенте голод. Людям нужен хлеб.

Мы в этот же день подогнали к складам вагоны и погрузили все зерно. Однако отправить его оказалось не так просто. Начальник станции категорически отказался выполнить наше распоряжение, он показал нам ворох каких-то бумаг, запрещающих перевозить хлеб в вагонах, которые мы заняли без его разрешения, стал доказывать, что зерно было более необходимо в Полломани, чем в Ташкенте.

— О беляках заботишься, с-сука! — прервал начальника станции Балабушенко, — Пристрелю, собака!

Я удержал руку комиссара, в которой уже поблескивал наган, сказал как можно спокойнее:

— Подожди, не горячись. Какая польза от его смерти, — кивнул я на ссутулившегося начальника станции, не сводившего глаз с нагана.

— Да-да, ты прав, ты прав, молодой человек. Какой толк от моей гибели, — с трудом проговорил начальник станции. — Погорячился я, понимаете. Со всяким это может случиться. Егоров, — позвал он стоявшего на перроне мужчину, — отправь состав с хлебом в Ташкент!

— Сразу бы с этого и начал, — остыл Балабушенко.

Вечером мы оставили Полломань и отошли к станции Байрам-Али. Сюда к нам и был прислан эсер Петренко.

Откровенно говоря, Петренко произвел на нас хорошее впечатление. Он собрал красноармейцев сразу же как только принял командование и произнес яркую убедительную речь. Ее запомнили все и долго в этот день повторяли вслух понравившиеся фразы.

— С этим не пропадешь,— говорил артиллерист Герасименко.

Его товарищ, скуластый узбек Абдуллаев, смеялся в ус:

— Он, конечно, умеет говорить, однако наша красная артиллерия говорит лучше. Враг очень прислушивается к ее голосу.

— Это уж так, паря,— соглашался с Абдуллаевым сибиряк Иванов, тоже артиллерист.

К вечеру Петренко заменил охрану людьми, с которыми прибыл.

— Вы отдыхайте,— сказал он нашим бойцам.— Завтра — в бой! Силы надо беречь. Как ты смотришь на это, комиссар?

Балабущенко кивнул:

— Отдых нужен, товарищ Петренко. Четвертые сутки на ногах. Молодых красноармейцев ветер качает. Да и у нас, стариков, нервы начинают пошаливать,— признался он, взглянув на меня.— Думаю, что небольшой сон нам не помешает.

Ночь прошла спокойно. Ее тишину нарушали только беспокойные гудки паровозов да грохот проходивших через станцию поездов.

Утром Петренко собрал командиров к себе в «штаб» — так назвал глинобитный домик, в котором поселился, как только прибыл на станцию.

— Мне сейчас сообщили, что белогвардейцы ночью покинули свои позиции и ушли в степь,— сказал он, когда мы по-туркменски расселись на большом текинском ковре, разостланном на полу.— Судя по всему, они решили не беспокоить нас до подхода основных сил. Думаю, что это нам на руку. Мы должны привести себя в порядок.

— Привести себя в порядок не мешало бы,— согласился комиссар.— Только я не верю белякам. Они, по-видимому, что-то задумали. Как бы не попасть впросак.

— Не попадем, не беспокойтесь,— заверил Петренко.— Я все уже продумал. Сейчас с группой бойцов пойду по следам бандитов. Попробую узнать, что они собираются

делать. В случае чего — пришлю посыльного... Ты побеседуй с красноармейцами, — посмотрел он на Балабущенко. — Объясни обстановку... Смотри только, чтобы они от радости не напились. Я постараюсь возвратиться к вечеру.

— Будьте осторожны.

— Спасибо, товарищ Балабущенко.

Не знали мы, не догадывались, что Петренко был связан с белогвардейцами, и это едва не привело весь наш отряд к гибели.

Часа в два ночи на северной окраине станции прозвучали один за другим несколько выстрелов. Не успели мы что-либо предпринять, как послышались выстрелы со стороны вокзала, потом все потонуло в сплошном гуле и грохоте.

— Товарищ комиссар, белогвардейцы, — ворвался к нам в вагон красноармеец. — Наверно, мы окружены. Слышите, гудит со всех сторон. — Он подал мне сапог, который я от волнения не мог найти, и повторил, словно обвиняя нас, — слышите?

Балабущенко и я выпрыгнули из вагона — увидели справа и слева мечущиеся фигуры красновардейцев.

— Желтиков, беги к артиллеристам, я останусь здесь... Сделай все, понимаешь, все, что можешь!

Комиссар сильно толкнул меня в плечо и скрылся с группой бойцов за старыми вагонами, стоявшими на заброшенной колее. Там, на небольшой площади, располагались главные силы нашего отряда.

Я побежал к водопроводной башне — недалеко от нее, в винограднике, было укрыто «хозяйство» Герасименко — две пушки, которые мы захватили у бежавых месяца полтора назад.

Артиллеристы встретили меня молча. Я сделал вид, что ничего особенного не произошло, и спросил, готовы ли они к бою.

— Мабуть, Петренко свинью нам пидложив, — вместо ответа высказал предположение Герасименко.

— Мабуть, — сказал я, не зная, впрочем, что означало это слово.

— Ну ничего, не падайте духом, товарищ командир, — перешел артиллерист на русский язык. — Мы встретим гадов честь по чести. Век помнить будут!.. Ну-ка, Карим, подбрось-ка огонька. Видишь, бронепоезд топает, — обратился он к Абдуллаеву.

Абдуллаев молча направил пушку на бронепоезд. Минуты через полторы я невольно отпрянул в сторону, оглушенный выстрелом. У бронепоезда взвился столб пламени.

— Хорошо, Карим, хорошо,— одобрил Герасименко.— Действуй в таком же духе дальше... Малинин, ты чего ворон ловишь. Посчитай-ка вон те огоньки!

Я посмотрел в сторону, куда указывал артиллерист, и увидел яркие вспышки винтовочных выстрелов. Должно быть, белогвардейцы залегли за главным арыком, проходившем через центр, и вели бой с нашими бойцами, занявшими позиции у железнодорожного полотна.

Малинин, как и Абдуллаев, молча выполнил распоряжение Герасименко — взрыв, раздавшийся сразу за выстрелом, очевидно, попал в цепь белогвардейцев: раздались крики, ржание лошадей, топот ног...

— Молодец, Карим, молодец,— похвалил Герасименко.— Теперь... Он не договорил — рядом упал снаряд, и все потонуло в грохоте и пыли. Я почувствовал, как что-то сильное толкнуло меня в грудь и земля неожиданно перевернулась.

— Ничего, товарищ командир, ничего,— очнулся я от успокаивающего голоса.— Мы еще дадим гадам прикурить, увидите... Лежите, лежите, мы без вас управимся.

Я открыл глаза и увидел Герасименко. Он широко улыбался, хотя, по-видимому, ему было не до веселья. На его правой щеке темнел сгусток крови, смешанной с грязью, в фуражке зияла дыра.

— Все живы?— приподнялся я, несмотря на просьбу артиллериста.

— Та вси, шо з нами зробыцца,— прогудел Герасименко.— Як вы? Я злякався, думав, шо на сим свити уже нэ выпью горилки з вами... Карим, как ты там? Готов?

— Готов,— отозвался Абдуллаев.

— Бей клятых собак, щоб воны до самой смэрти помятали цэй динь! Бей, Карим!.. Иванов, чего галок ловишь?.. Малинин, выше голову!

Артиллеристы бились насмерть. Они не уходили с занятых позиций до тех пор, пока не приказали отступить. Особенно отличились Герасименко, Иванов, Абдуллаев, Малинин, Якубов, Сорокин...

Стойко сражались и стрелки. Никто не дрогнул перед превосходившими силами противника. Никто не поддался

панике... Перед рассветом мы закрепились на станции Учатджин.

Петренко не вернулся в отряд. Не вернулся он и на следующий день.

— Предал, гад,— ругался Балабущенко.— Понимаешь, Желтиков, предал!.. Нет, какие мы еще олухи!.. Ты не виноват, не-нет,— успокаивал он меня.— Я во всем виноват... Поверил... Все же было ясно, как дважды два... Зачем я только согласился снять охрану? Герасименко, ты можешь объяснить мне, зачем я снял охрану?.. Нет, меня мало за это ругать, к стенке поставить надо!

— К стенке поставить — нетрудная задача,— сказал Герасименко.— Важнее вовремя исправить ошибку... Ничего, товарищ комиссар, мы еще с ним встретимся.

— Не знаю.

— Встретимся!

Нет, не встретились мы с Петренко. Он исчез, словно в воду канул. О его предательстве мы сообщили в штаб. Были ли приняты какие-нибудь меры, мне до сих пор неизвестно.

Собственно, судьба Петренко как предателя меня никогда больше не интересовала. Если я время от времени и возвращался к событиям, связанным с его именем, то лишь потому, чтобы лишний раз проверить свое отношение к людям, с которыми скрещивались мои пути в суровые годы становления страны Советов.

Кстати сказать, дней через десять после посылки в штаб рапорта о предательстве Петренко, я навсегда оставил свой отряд.

Случилось так, что мне пришлось срочно выехать в Ташкент. В Ташкенте на Первом красногвардейском и красноармейском съезде я был избран членом военсовета республики. На съезде встретил одного старого друга Евгения Горлова. Он познакомил меня с работником Турккомиссии, и я вскоре с особым поручением отправился в Шахрисабз.

Это было в конце 1919 года.

Горлов, работавший к тому времени в Турккомиссии, внимательно выслушал мой доклад, сделал кое-какие замечания и, поднявшись, попросил следовать за ним. Я, кажется, спешил куда-то, поэтому принял его предложение

без особого энтузиазма. По-видимому, он заметил это — остановился у двери, взглянул с улыбкой на меня:

— Неужели ты не хочешь встретиться с Куйбышевым?

— С кем? — остобенел я.

— С Валерианом Владимировичем Куйбышевым.

— Как же... Может быть, побриться, а?

Горлов рассмеялся:

— Чудак-человек. Он же не девица... Впрочем, побриться тебе следовало бы, когда ты собирался к нам. Не забывай, с тебя должны брать пример рядовые товарищи, — официальным тоном добавил он. — Пойдем... Пойдем, пойдем!

С Валерианом Владимировичем Куйбышевым был Шалва Захарович Элиава. Они стояли у карты Туркестана, висевшей на стене, и о чем-то оживленно разговаривали.

— Мы не помешали? — спросил Горлов.

— Товарищ Желтиков? — шагнул к нам Куйбышев, не ответив на вопрос Горлова. — Очень рад видеть вас... Здравствуйте.

Я, словно заведенный, тотчас вытянулся, приложив руку к головному убору, гаркнул по-военному:

— Здравия желаю, товарищ комиссар Революционного Совета!

— Ну и горло же у вас, — подал Куйбышев руку. — Шалва Захарович, не сделать ли нам его глашатаем? Как ты думаешь?

— Думаю, что он справится с более серьезной обязанностью, — подошел к нам Элиава. — Здравствуйте, товарищ Желтиков... Материалы подготовили?

— Так точно! — снова вытянулся я.

— Солдатская служба, я вижу, пошла вам впрок, — засмеялся Элиава. — Садитесь, пожалуйста, — указал он на кресло.

Я сел, не в силах унять волнения, рассматривал пятно, темневшее на полу, пока Элиава и Куйбышев знакомились с материалами, которые я привез из Шахрисабза.

— Хорошо. Молодец, — проговорил Куйбышев.

Я поднял голову и встретился с его взглядом.

— Спасибо, вы сделали большое дело, товарищ Желтиков.

— Что вы, — ничего другого не мог я сказать.

— Шалва Захарович, — обратился Куйбышев к Элиаве, — я согласен с тобой: товарищ Желтиков справится с

более серьезной обязанностью. Не дать ли ему особый отдел? Что ты на это скажешь?

— Пока только одно: отдел окажется в надежных руках, — улыбнулся Шалва Захарович.

У меня от неожиданности перехватило дыхание:

— Товарищ Куйбышев... Товарищ Элиава... не смогу я работать в особом отделе... Нет, нет, назначьте лучше другого человека. Я не смогу... Понимаете, не смогу.

— Не принижайте себя, товарищ Желтиков, — сказал Элиава. — Вы грамотный человек и отлично справитесь с новой работой. Поручение, которое вы выполнили, подтверждает это... Желаю успеха.

— Я надеюсь, что вы оправдаете наше доверие, — встал Куйбышев.

— Оправдаю! — неожиданно для себя сказал я.

Нет, это не было бахвальством. Мне, действительно, к концу беседы казалось, что я справлюсь с любой работой, какую бы ни поручили мне Куйбышев и Элиава.

К сожалению, обстоятельства вскоре сложились так, что я вынужден был сдать дела другому человеку, так и не проявив по-настоящему своих возможностей. По распоряжению ЧК Туркестана я был назначен начальником укреплённого особого отдела и командирован в Чимкент.

Здесь формировалась национальная бригада для борьбы с белогвардейцами и басмачами. Люди съезжались сюда со всей России и нужно было точно знать, не было ли среди поступающих в бригаду врагов советской власти. Не буду скрывать: для меня это была трудная задача, хотя я уже и имел некоторый оперативный опыт.

Свою работу я начал с посещения секретаря обкома Константинопольского. Это был властный энергичный человек, отдающий всего себя делу революции. Он встретил меня в небольшом полутемном кабинете. Узнав, что я беседовал с Куйбышевым и Элиавой, он не начинал разговора о деле, пока я подробнее не рассказал ему о встрече с ними.

— Замечательные люди! Настоящие ленинцы!.. Я горжусь, что живу и работаю в одно время с ними... Жаль только, что я не видел их... Вам повезло, Федор Никифорович, — искренне сказал Константинопольский.

Я почувствовал, как к вискам прильнула кровь. Меня еще никто не называл по имени и отчеству. Теперь мне смешно вспоминать об этом, однако в то время он, сам

того не сознавая, будто влил в меня хорошую порцию силы и уверенности.

Через два дня Константинопольский приехал ко мне на работу, чем-то взволнованный. Я насторожился, уверенный в том, что он сейчас назовет мне фамилию человека, которого необходимо немедленно арестовать и добиться от него признания в измене Родине.

К сожалению, секретарь обкома был расстроен по другой причине. Его беспокоило то, что в бригаде не было военных специалистов.

— Понимаешь,— говорил он,— нам нужно обучать людей военному делу. Враг не дремлет. В любую минуту может нанести нам удар в спину... У нас триста человек бездельничают, понимаешь?

— Я не согласен с вами,— сказал я.— Люди занимаются... Правда, без системы.

— Во-во! Именно, без системы!.. Почему медлит Кзыл-Орда?

Военные специалисты прибыли на другой день поздно вечером. Это были два еще сравнительно молодых человека. Они честь по чести доложили о своем прибытии военному области Астраханскому и, сославшись на усталость, обратились к нему с просьбой поговорить о деле завтра. Он разрешил и, когда мы остались в кабинете одни, сказал мне с нескрываемой радостью:

— Теперь мы поработаем по-настоящему!... По-моему, эти товарищи с головой... Особенно Усманов. Видел, какая выправка? У Иванова есть что-то штатское. Однако ума у него — палата! Занимать у других не будет.

— Посмотрим,— сказал я, поднимаясь.

Я беседовал с прибывшими отдельно. Откровенно говоря, об Усманове у меня сложилось другое мнение. Что-то мне не нравилось в его слишком точных движениях, в глазах, вечно настороженных и как будто боявшихся чего-то. «Уж не враг ли он?» — невольно подумал я.

Это мое подозрение усилилось после того, как Иванов сказал мне, что встретился с Усмановым в поезде перед прибытием в Чимкент.

Я пошел к Астраханскому и попросил дело Усманова.

— Ты уже в чем-то подозреваешь его,— усмехнулся военком.— Ну-ну, действуй. Только смотри, не зарывайся. Будь объективным.

— Конечно.

Астраханский позвонил в колокольчик: в кабинет вошла секретарша.

— Пригласите, пожалуйста, начальника канцелярии.

Начальник канцелярии — невысокий, полный мужчина с огромной плешью сказал, что у него не было дела Усманова, не было и препроводиловки.

— То есть? — приподнялся Астраханский. Он перевел взгляд на меня, однако ничего не сказал — подошел к окну и долго стоял молча, должно быть, не видя того, что происходило на улице.

Я сказал начальнику канцелярии.

— Пригласите немедленно Усманова и скажите, чтобы он написал автобиографию и приложил к ней две фотокарточки... Кстати, фотограф поправился?

— Поправился, — ответил начальник канцелярии.

Военком резко обернулся:

— Только вы сделайте это деликатно... Понимаете, чтобы у Усманова не появилось никаких подозрений. Это очень важно.

В тот же день я послал запрос в Кзылординский военкомат, в котором просил ответить, направлялся ли к нам на работу Усманов. В письме в особый отдел Уфы я просил подтвердить, действительно ли он родился там.

Усманов между тем начинал развивать активную деятельность.

Однажды, проходя мимо группы бойцов, с которыми он разговаривал, я невольно замедлил шаг, услышав, как кто-то из красноармейцев спросил с недоумением:

— Выходит, мы будем стрелять в своих отцов и братьев?

— Правильно, Джурабай, — сказал Усманов.

— Что же это получается? Значит, комиссары нас обманывают?.. Товарищ Усманов, что же вы молчите?

— Э-э-э, вас никто не обманывает, — улыбнулся Усманов. — Ты неверно меня понял. Я сказал, что мы вас научим воевать, потом отправим на фронт... Ты где родился?

Красноармеец ответил.

— Твой кишлак сейчас находится в руках белогвардейцев, правильно?..

— Да.

— Отлично... Мы пошлем тебя освобождать его. Ты будешь стрелять во всех, кто преградит тебе путь... Разве ты можешь поручиться, что среди обороняющихся не будет

твоих родных: отца или брата? Поручиться ты в этом не можешь... Что же получается? Получается то, что ты будешь убивать своих людей. Теперь ты все понял?

— Все, товарищ Усманов.

— Вот так обстоят дела... Вообще, наша война — самая кровопролитная. Таких войн мир не знал. Наши потомки скажут: дураки жили на земле — убивали друг друга.

Среди красноармейцев, будто ветер, пробежал ропот. Усманов понял, что переборщил и поспешил исправить ошибку. Он поднял руку и, сжав кулак, выкрикнул вдохновенно:

— Пусть говорят! Мы выше разных толков. Наш долг — сражаться с врагами революции. До последней капли крови!

«Быстро же ты начал действовать,— подумал я об Усманове, стараясь незаметно отойти.— Придется прижать тебя, пока не поздно...»

Вечером я пришел в казарму, где находился Джурабай, и поговорил с красноармейцами о положении на фронтах, о том, какое огромное внимание уделял Туркестану Владимир Ильич Ленин, о будущем этого богатого края.

Красноармейцы слушали меня внимательно. Беседа получилась душевной. Я рассказал о своем тяжелом детстве, об Александре Павлове, который прятался у нас в собачьей конуре, о помощи девочки Дины, которую впоследствии убили беяки.

— Чтобы наши дети не видели тех ужасов, которые пришлось видеть нам,— говорил я,— мы не должны щадить наших врагов. Людей, пытающихся убедить нас в бесполезности борьбы с буржуями и баями, мы должны разоблачать на месте и сурово наказывать.

Дня через три меня остановил в темном переулке Джурабай и сказал, что хочет поговорить со мной.

— Пойдем ко мне,— предложил я.

— Нет-нет, лучше здесь,— зашептал красноармеец.— Понимаете, у вас опасно... Он может убить меня.

— Кто?— спросил я, хотя и догадывался, кого имел в виду Джурабай.

— Усманов... Он вчера предложил мне помогать ему, и я согласился... Нет-нет, вы не подумайте, что я продался,— поспешно добавил красноармеец.— Я дал согласие помогать ему, чтобы разоблачить его... Вы не осуждаете меня за это?

— Ты верно поступил, Джурабай,— сказал я.

Мы расстались с ним перед вечерней поверкой. Он согласился ежедневно ставить меня в известность обо всем, что решит сделать Усманов. Я обещал ему оказывать поддержку и помощь, предупредив его, чтобы он наш разговор держал в строгой тайне.

Джурабай оказался честным парнем. Он регулярно сообщал мне все, что узнавал от Усманова. Так мне стало известно, что у него в Уфе был убит отец, и он поклялся отомстить большевикам, какие бы трудности ни встали на его пути. Из ответа, полученного из Кзыл-Орды, мне стало известно также, что к нам никакого Усманова военкомат не посылал.

Своими сведениями и подозрениями я поделился с Константинопольским. Секретарь обкома, внимательно выслушав меня, потребовал немедленно арестовать Усманова. Я стал убеждать, что арестовать его мы всегда сможем, надо узнать, какие цели у него были, кто поддерживал с ним связь. Не мог же он один бороться с нами.

— Ладно,— согласился Константинопольский.— Действуй.

Шли дни. Усманов все больше наглел. Должно быть, думал, что мы еще не «доросли» до того, чтобы разоблачить его волчьи повадки.

Однажды Джурабай сообщил мне, что Усманов предлагает ему большие деньги, если он, Джурабай, откроет ему склад с оружием, когда будет в карауле.

— Ты дал согласие? — поинтересовался я.

— Нет. Сказал, что подумаю,— ответил Джурабай.

— Правильно сказал... Ты когда идешь в караул?

— Завтра ночью.

— Значит, завтра ты и откроешь ему склад... Только смотри, действуй осторожно, чтобы он ни о чем не узнал. Помни, от тебя сейчас зависит многое. Если мы поймаем его с поличным, то ему не выкрутиться, он вынужден будет назвать тех, с кем поддерживал у нас связь. Это необходимо нам знать. Ты понимаешь?

— Понимаю, Федор Никифорович.

В этот же вечер мы создали оперативную группу, которую возглавил молодой чекист Лисичкин. На следующий день около склада была устроена засада.

Ночь выдалась тихой. Луна освещала землю ровным медным светом. Яркие дрожащие звезды перемигивались

друг с другом, словно чего-то боялись. Только Млечный путь спокойно катил свои величественные волны с темными бездонными провалами, перепоясывая дремавшее небо.

Мы лежали в укрытиях.

Часа в три тишину ночи нарушил далекий перестук колес. Мы прижались к земле, пытаюсь понять откуда ехала арба. Но вот невысокая мужская фигура метнулась к складу, где стоял Джурабай.

— Усманов, — шепнул Сабир Гулямов.

Перестук колес прекратился. Очевидно, это кто-то приехал за оружием, которое должен был взять из склада Усманов.

— Зашли, — снова прошептал Гулямов.

— Да, — подтвердил я.

— Что будем делать?

— Подождем... Возьмем Усманова с поличными. И того, кто приехал за оружием. Понимаешь?

— Понимаю, Федор Никифорович.

К сожалению, меня опередил Лисичкин. Он подошел к складу, как только в него вошли Усманов и Джурабай, и закрыл дверь. Почти тотчас из склада раздался отчаянный, заглушавший все звуки крик Джурабая:

— Помогите!

Мы бросились на помощь, быстро взломали дверь и ворвались в помещение... Усманов и Джурабай лежали на полу, у полки с оружием. Я подбежал к Джурабаю, склонился над ним. С сердца будто свалилась гора — он был жив.

— Видите, какое дело, товарищ Желтиков!

— Лежи, лежи, Джурабай, — предупредил я его попытку приподняться.

— Как он?

— Усманов?.. Не знаю... Главное, что ты — жив, понимаешь?.. Лежи, лежи. Не беспокойся. Лежи.

К нам подошел Лисичкин. На его виноватом лице дрожали бледные лучи фонаря, стоявшего в стороне, на бочке.

— Мертв.

— Жаль.

Больше я ничего не мог сказать. Злость душила меня. Провал операции был налицо, хотя врагам революции и не удалось забрать оружие. Лисичкин пытался успокоить меня — всю вину брал на себя, клялся найти тех, кто послал к нам Усманова.

— Увидите, товарищ Желтиков, увидите, они не уйдут от нас... Увидите!

Дня через два после этой истории из Уфы пришел ответ — Усманов оказался Исмаиловым — одним из активных участников уфимского валидовского восстания.

В тот же день я пошел к Константинопольскому. Секретарь обкома, должно быть, не хотел «портить» мне настроение — о провале операции ничего не говорил, только поинтересовался, как чувствовал себя Джурабай. Я сказал, что опасность миновала — солдат скоро снова сможет держать в руках оружие.

— Мужественный человек!

— Да, товарищ Константинопольский!

У меня в горле стоял предательский комок. Я готов был разреветься, как мальчишка. Секретарь обкома, по-видимому, заметил мое состояние и поспешил закончить нашу аудиенцию.

Но на следующее утро я снова был у него в кабинете. На этот раз он несколько минут уделил делу Усманова: сказал, что, несмотря на мою неудачу, оно принесло огромную пользу, и предложил немедленно заняться шахтой Лингер, на которой в последнее время был совершен ряд диверсий.

— У меня нет опыта, — попробовал отказаться я.

— Ничего. Опыт придет. У тебя есть главное — хватка. Действуй.

Пришлось, конечно, действовать, хотя, откровенно говоря, я не был уверен в своих силах. У меня, действительно, не было никакого опыта. Я еще не сталкивался с невидимым врагом. Усманов не шел в счет. О том, что он мог совершить преступление, я знал заранее и не выпускал его из поля зрения. Попробуй теперь узнать, кто из шахтеров и мастеров носил за пазухой камни?

Я стал присматриваться к шахтерам и вскоре начал встречаться с молодым забойщиком Сервестрюком. Он был умным, смышленным парнем и почти безошибочно угадывал малейшую перемену в человеке.

— Из тебя вышел бы неплохой чекист, — как-то полушутя, полусерьезно, сказал я ему.

— Получился бы, — сверкнул он черными глазами. — Не боги горшки обжигают. Только вот злости во мне много: могу наломать дров.

— Злости много — это хорошо. Сейчас время такое, —

заметил я.— Вчера опять кто-то вывел из строя узкоколейку в первой шахте.

— Слышал... Я даже пытался узнать, кто это сделал,— посмотрел на меня Сервестрюк.— Жаль, не удалось... Но узнаю... Если даже вы запретите мне... Вы же не запретите, правда? — спросил он.

Я был, конечно, не против его помощи, однако не сказал ему об этом — решил посоветоваться с секретарем обкома Константинопольским.

Константинопольский приветливо встретил меня и, несмотря на большую загруженность, часа полтора не отпускал. С первых же вопросов я понял, что он был в курсе всех событий, происходивших на руднике. Это облегчило мою миссию ходатая, и я, улучив момент, заговорил с ним о Сервестрюке.

— Что-то слишком ты расхваливаешь его,— улыбнулся Константинопольский.— Не собираешься ли взять к себе в помощники?

— Собираюсь,— признался я.

— В чем же дело?

— Понимаете, товарищ Константинопольский, по штату не положено... Дел, между тем, по горло. Может быть, вы что-нибудь придумаете?

— Быть тебе. Желтиков, дипломатом,— встал секретарь.— Бери парня. Только смотри: спрос с тебя увеличу втрое.

— Почему втрое? Вдвое,— попробовал я отделаться шуткой, от радости не зная что и говорить.

— Нет, Желтиков, втрое, я не оговорился... В общем, держи вожжи потуже. Будь настоящим чекистом, таким, как товарищ Дзержинский. Не забывай — враг не дремлет.

— Я никогда не забываю об этом.

— Верю... Желаю успеха. В случае чего — заходи. Не стесняйся. У нас с тобой одно дело. Святое!..

Сервестрюк обрадовался, когда я предложил ему перейти на работу в ЧК. Он словно повзрослел сразу. Купил книги по криминалистике и все свободное время посвящал самообразованию. Лучшей школой, конечно, была действительность, которая ежедневно задавала ему одну задачу за другой.

Неодолимое стремление Сервестрюка знать как можно больше вскоре повлияло и на меня — я так же, как и он начал много времени уделять учебе.

— Федор Никифорович, я, кажется, нашел ниточку,— сказал мне однажды Сервестрюк.

— Надежную? — поинтересовался я, без особого энтузиазма приняв сообщение парня, так как он перед этим уже «находил» не одну ниточку. — Я слушаю.

— Знаете «нору» в первой шахте?

— Знаю.

— Я обнаружил в ней бикфордов шнур,— пригнулся Сервестрюк над столом. Он глядел на меня широко распахнутыми глазами, с нетерпением ожидая, как я отнесусь к этому сообщению.

Откровенно говоря, оно произвело на меня «должное» впечатление. Наконец-то, подумал я, у нас действительно была ниточка, которая могла привести к тем, кто устраивал диверсии. Однако я ничем не выдал своего интереса. Наоборот, как можно равнодушнее сказал:

— Ты, наверное, спутал бикфордов шнур с веревкой.

Сервестрюк не обиделся, должно быть, разгадал мой ход.

— Я не спутал, не-ет, Федор Никифорович... Скажите, что делать?

— Во-первых, сделать вид, что ты ничего не нашел. Во-вторых, надо установить наблюдение... Подожди, не перебивай... Тебе самому, пожалуй, нельзя часто бывать в шахте. Диверсанты уже наверняка знают, что ты работаешь у нас.

— Ничего они не знают,— заверил Сервестрюк.— Я для всех шахтеров прежде всего шахтер. Ясно? Нет, вы только поймите: я никому не могу доверить это дело.

— Может быть, мне доверишь? — позавидовал я горючести парня.

— Нет-нет, никому!.. Вам? — очевидно, только что дошел до него смысл моего вопроса.— Вам, пожалуй, можно доверить. Боюсь только, что вы все испортите. Вас-то они хорошо знают.

Несмотря на недоверие Сервестрюка, я все же принял непосредственное участие в операции: слишком много вреда приносили нам диверсанты и я не мог ограничиться лишь «руководящими» указаниями. Жизнь, между прочим, показала потом, что я верно поступил.

Однако перед тем, как были разоблачены диверсанты, мне пришлось пережить немало неприятных дней, связанных с «разоблачением» Сервестрюка...

Секретарь обкома, судя по всему, был чем-то расстроен. Он неторопливыми шагами мерил свой огромный кабинет, время от времени на секунду-другую задерживаясь у раскрытого окна, за которым ярко светило жаркое полуденное солнце.

Я сидел у приставного стола, думая, зачем он вызвал меня в это время. Обычно мы говорили с ним о делах рано утром или поздно вечером.

Наконец, секретарь остановился около меня, зачем-то переложил с места на место подшивку газет и тяжело опустился в кресло.

— У тебя все в порядке?

— Пока тихо,— взглянул я в глаза Константипольскому.

— Диверсантов, конечно, еще не нашли?

— Нет.

— Шнур не исчез?

— Лежит.

— Может быть, его кто-нибудь принес в шахту, чтобы отвлечь вас от готовящейся диверсии? Сервестрюк где сейчас?

— На работе.

— Послушай,— закурил секретарь,— он не мог сам все это устроить?

— Что?

— Подбросить шнур, например?

— Зачем ему это? — удивился я.

— Причин может быть много,— Константипольский встал, прошелся по кабинету снова, затем положил передо мной измятый лист бумаги.— Познакомься.

То, что я прочел в следующую минуту, никак не укладывалось у меня в голове. Кто-то сообщал секретарю о том, что Сервестрюк влез в доверие к гражданину начальнику ЧК, чтобы творить свои темные дела.

«Это ни чиловек, а змия,— читал я.— Не верьте ему, товарищ сикритарь РКПБ. Он враг нашей красной родины. Мне известно што его отес гнида белая. Иско собчаю — этот любимчик Желтикова обищался убить всех большевиков».

— Ну?!

Я пожал плечами, не зная, что ответить Константипольскому. Слишком тяжким было обвинение неизвестного автора. Невозможно было сразу поверить ему. Мыс-

ли, будто потревоженные осы, завертелись в голове, не находя выхода.

— Надо подумать,— сказал я.

— Надо проверить сообщение,— поправил меня секретарь.

— Надо,— согласился я.

— Ты только ничего не говори Сервестрюку. Делай вид, что по-прежнему доверяешь ему. У тебя есть человек, который смог бы последить за ним?

— Есть... Я думаю, что нужно воздержаться от слежки... Пока,— поспешил я, видя, как разом взлетели вверх брови Константинопольского,— нужно сперва установить автора анонимки.

— Смотри,— снова сел секретарь,— Сервестрюк — твой подчиненный, тебе и карты в руки.

Я ушел из обкома совершенно разбитый. Нет, несмотря ни на что, сообщение анонимщика не укладывалось в мой сознании. Я искренне привязался к Сервестрюку и верил ему, как самому себе. Не мог он пойти на подлость, не мог, думал я. Не такой у него был характер.

Сервестрюк каким-то образом сразу угадал мое состояние, хотя я и постарался при встрече принять беззаботный вид, и спросил, как и всегда, с беспокойством:

— Что-нибудь случилось, Федор Никифорович?

— Нет, что ты! — обманул я.

В этот день мы больше не обменялись ни словом. Утром встретились в шахте — в той, где хранился злополучный шнур. Сервестрюк, должно быть, понял вчера, что я уклонился от разговора с ним, поэтому молча поздоровался со мной и повел в дальний забой, где по его мнению диверсанты могли совершить очередное преступление.

— Ходим-бродим, товарищ начальник,— остановил нас на полпути старый забойщик.— Чего ищите, может, скажете? Я человек бывалый. Видел много, знаю много, так что не прогадаете.

— Что ищем, то и найдем,— сказал Сервестрюк.— Проходи, проходи...

— Вы ходите, я тоже. Вольному — воля, спасенному — рай,— показал прогнившие зубы старик. Он отошел в сторону и зашагал к выходу, что-то бормоча под нос.

— Ты его знаешь? — посмотрел я на Сервестрюка.

— Немного. Он недавно у нас на работе,— отвернулся Сервестрюк.

Мне показалось, что он был чем-то взволнован. Уж не встречей ли с «бывалым человеком»? Возможно, они давно знакомы? Что, если Сервестрюк, действительно, был врагом?

— Тебе нравится новая работа?

— Очень,— мгновенно ответил Сервестрюк.— Знаете, мне кажется, что я заново родился. Жаль только, что я никак не установлю, кто совершает диверсии... Ничего, устанавливаю,— заверил он.— Никто от меня не уйдет. Увидите!

Я замедлил шаг:

— Будь осторожен. Диверсанты не дремлют.

Это были обычные, дежурные слова, однако я почувствовал, как Сервестрюк весь сосредоточился, стал как будто взрослее и вдумчивее.

— Я знаю... Они не дремлют,— помолчав, он сказал:— Не дремлем и мы, нет! Я иногда думаю о том времени, когда на земле не будет ни диверсантов, ни войн... Представляете, какая это будет жизнь!

— Представляю.

— Я на днях прочитал статью Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами»,— остановился Сервестрюк.— Он считает, что мы когда-нибудь покинем Землю и полетим на Луну или на Марс... Интересно, есть ли на них люди?.. На Луне, конечно, нет,— поправился он.— На Марсе могут быть... Неужели и марсиане воюют? Как вы думаете, Федор Никифорович?

Я пожал плечами. Откровенно говоря, мне ничего не было известно о Марсе вообще. Я даже не знал, что где-то в небе существовала такая планета.

— Нет, пожалуй, марсиане не знают, что такое война,— продолжал между тем Сервестрюк.— Марс — старая планета, люди на ней — старые тоже. Они научились ценить жизнь. Мы еще, к сожалению, не ценим ее... Махнуть бы, Федор Никифорович, на Марс, а?

— Как это?

— Обыкновенно. На аэроплане. Наверно, за границей есть такие аэропланы... У нас тоже будут,— пошел вперед Сервестрюк.— Обязательно будут. Вот покончим с разной сволочью — и построим. Русский человек — смекалистый. Ему только дай волю да хлеба вдоволь — он из воздуха дворцы будет строить. Не верите?

— Ты, оказывается, фантазер.

Сервестрюк поправил:

— Нет, Федор Никифорович, я — не фантазер, я люблю мечтать. Это не одно и то же... Жаль, времени у меня маловато да и грамота небольшая, а то бы я тоже, как Циолковский, придумал что-нибудь... Например, аппарат... который бы всех людей делал честными. Здорово, правда?

— Правда.

В это время откуда-то из глубины шахты донесся до нас истошный приглушенный расстоянием голос:

— Помогите!

Сервестрюк быстро взглянул на меня:

— Это там, где шнур спрятан. Подождите меня...

Я не успел что-либо сказать: Сервестрюк метнулся в сторону и исчез почти тут же, поглощенный темнотой. Я шагнул за ним, однако, проделав несколько шагов, остановился, увидев сбоку, в заброшенной штольне, слабый свет фонаря.

«Кто это там может быть», — подумал я.

Мне стало немного не по себе, и я помимо своей воли укрылся за выступ, оказавшийся рядом.

Минуты через две недалеко от меня остановились два человека — один низкий, широкоплечий, второй — высокий, тонкий, как жердь.

— Никого? — спросил низкий.

— Никого, — ответил высокий.

Я сильнее прижался к стене и не спускал глаз с мужчин. В том, что они были врагами, я уже не сомневался. Не сомневался я и в том, что они собрались совершить преступление.

— Клади сюда, — сказал высокий.

Низкий положил тяжелый сверток в углубление, на которое указал высокий, засыпал породой и потянул в сторону шнур. Высокий потушил фонарь и осторожно пошел за ним. Я пошел тоже.

Кругом стояла такая глубокая тишина, что казалось ни одной живой души за сотни верст отсюда не было — только непроницаемая, густая тьма.

Диверсанты, должно быть, хорошо знали каждый камень, лежащий на пути, потому что двигались вперед уверенно.

Вдруг оттуда, куда убежал Сервестрюк, хлынул к нам, будто порыв урагана, крик:

— Не трожь, сволочь!

Я узнал кричавшего — это был старик, «бывалый человек», который только что разговаривал со мной и Сервестрюком. Неужели он был связан с этими двумя?

— Зажигай!.. Дед, наверно, попался.

Чиркнула спичка. Слабый огонек, описав дугу, выхватил из темноты руки и конец шнура. Я взял из кармана наган и сказал как можно спокойнее, хотя у самого от волнения по спине градом катил пот:

— Ни с места!

Огонь тотчас потух. Темнота снова поглотила все. Снова упала вокруг тишина.

Я прижался к подпорке — стал ждать, что предпримут диверсанты, и минуты через полторы услышал осторожные, удаляющиеся шаги.

— Стой! — крикнул я.

Диверсанты, по-видимому, остановились. Я сделал вперед несколько шагов и вдруг шарахнулся в сторону, ослепленный ярким светом. В это же мгновение кто-то сбоку ударил меня по голове чем-то тяжелым, и я почувствовал, как подо мной заходила земля.

— Вот так-то лучше, дорогой, — кто-то проговорил.

Он держал в руке камень, должно быть, собирався добить меня. Однако во мне будто разжалась стальная пружина, я внезапно бросился к нему и ударил пистолетом в висок. Он ахнул и словно мешок свалился к моим ногам. Но тут подскочил второй диверсант, ударив меня чем-то тяжелым в голову.

История произошла чуть ли не пятьдесят лет назад, однако я до сих пор помню все, словно встреча с диверсантами произошла только вчера. Не помню я только одного, когда высокий поджег бикфордов шнур и когда я снова вступил с ним в борьбу. Из памяти, будто из книги, время вырывало несколько страниц, и я напрасно пытаюсь восстановить их содержание.

Правда, часть борьбы с высоким запечатлелась в моем сознании, и как только я вольно или невольно обращаюсь к этим событиям, как передо мной словно в кинематографе оживает такая картина...

Диверсант придавил меня к земле, ухватил за горло жиластыми скользкими руками.

— Врешь, сволочь, врешь!..

Я сжался, собрал все силы, ударил диверсанта в челюсть острым камнем. Он ослабил на секунду руки. Воздух будто горячее пламя хлынул в мои легкие, обжег все внутри.

— Врешь, сволочь, врешь!!

Теперь я произнес эти слова и взглянул на убегающий от нас огонек — это горел бикфордов шнур, который поджег длинный, когда я был без сознания.

— Врешь... Врешь...

Снова он повторил застрявшие в сознании слова, однако ему не удалось договорить — я опять ударил его в челюсть, и он обмяк.

Огонек впереди дрогнул, замер на какое-то мгновение, взобравшись на бугорок, осветил динамит.

Я сбросил с себя корчившуюся тушу длинного, метнулся вперед, к огоньку, словно за ним была спрятана моя судьба, да только не добежал — стукнулся головой о выступ породы.

...Очнулся я на кровати в своей комнате. Словно бы в тумане виднелась сидящая рядом со мной женщина в белом халате и стоявший у стены парень.

— Динамит... Послушайте, жертв нету? — попробовал я приподняться.

— Лежите, лежите, — проговорила женщина.

— Подождите.. Взрыв был?.. Жертвы есть?

— Не беспокойтесь, Федор Никифорович, — сказал мужчина.

— Сервестрюк, ты? — узнал я голос парня.

— Я, Федор Никифорович, я, — присел на край кровати Сервестрюк. — Взрыва не было. Неужели вы не помните? Я нашел вас со шнуром в руке. Вы потушили его у динамита. Еще секунды, и мы бы вас не нашли.

— Боже мой, что вы говорите! — упрекнула женщина Сервестрюка.

— Ничего, ничего, пусть говорит, — разрешил я.

— Да я, собственно, все сказал, — смущенно улыбнулся парень.

— Как все? Диверсантов задержал?

— Задержал, Федор Никифорович. Сейчас они в КПЗ сидят. Вместе с тем стариком, которого мы встретили в шахте... Ну... с бывалым человеком? Помните?.. Он специально кричал, чтобы увести нас от места, где они собирались взорвать динамит.

— Не понимаю. Диверсию можно было организовать в другое время. Они знали, что мы в шахте.

— Очевидно, они хотели таким образом накликать на нас беду... Взрыв в шахте тогда, когда в ней находится начальник ЧК, сами понимаете, говорит о многом... Вас могли убрать отсюда и поставить на ваше место другого человека — не такого дотошного.

— Ну...

— Конечно, правду узнаем, когда снимем допрос... Они не будут отпираться. Все ясно, как дважды два... Федор Никифорович, почему вы не стреляли? — без всякого перехода поинтересовался Сервестрюк.

— Не считал нужным, — ответил я, подумав, что если бы я выстрелил, то наверняка сейчас бы не валялся в кровати.

— Я бы, наверно, пристрелил кого-нибудь... Ладно, отдыхайте. Не буду вас беспокоить, — поднялся Сервестрюк. — Вообще, Федор Никифорович, вам здорово повезло.

Мне было легко, хотя в голове и гудели колокола. Я готов был обнять весь свет и в первую очередь Сервестрюка за то, что он оказался своим парнем.

Через неделю я был снова на ногах. Константинопольский приехал ко мне на работу, поздравил с «первой ласточкой» и словно случайно сказал о Сервестрюке:

— Толковый малый.

«Толковый малый», между тем, все настойчивее и настойчивее овладевал нелегким оперативным мастерством. Это заметно влияло на всю нашу работу. Мы уже не зевали, как раньше — разоблачали врагов, едва они начинали проявлять свою «деятельность».

Так мы разоблачили священника Никольского, занимавшегося пропагандой своих «святых идей», направленных против советской власти. Характерно то, что его разоблачение помогло нам в ликвидации крупной кулацкой группы, терроризировавшей бедноту.

На допросе Никольский говорил:

— Я не признаю новую власть и буду бороться с ней до конца, ибо она от дьявола.

Сервестрюк смеялся:

— Отстал ты, отец. Ни бога, ни дьявола нет. Есть народ, понял? Ему мы и должны служить. До самой смерти.

— Богохульник ты. Гореть тебе в геенне огненной, аки полену в костре,— сердился Никольский.— Народ — червь. Червю не служат.

Слушая этот разговор, я вспомнил предостережение попа Михаила, приходившего к отцу из села Озерки, чтобы уговорить его забрать дом, который он передал селу. Поп Михаил тоже не верил в народ. Он преклонялся перед теми, у кого был туго набит кошелек. Куда забросила его судьба? Наверно, как и Никольский где-нибудь отравлял словесным ядом колеблющихся.

К Сервестрюку я привык, как к младшему брату, и когда из Ташкента пришло распоряжение о переводе меня в другое место, я искренне огорчился и долго переживал разлуку с ним.

Председатель ТуркЧК Клингов указал на человека, сидевшего в кабинете, взглянул на меня холодноватыми глазами и проговорил:

— У этого человека интересные сведения. Побеседуйте с ним.

— Хорошо,— сказал я.

Мы вышли и направились ко мне в кабинет, находившийся на третьем этаже.

Уже больше месяца я работал в Ташкенте в ТуркЧК. В Ташкент приехал из Намангана, куда был направлен из Ленгера. История с разоблачением диверсантов забывалась — новые дела вытесняли все, что было связано с прошлым. Я не жалел об этом — жил настоящим и будущим, всего себя отдавал работе.

— Я вас слушаю,— посмотрел я в глаза мужчине.

...Жизнь продолжалась, как и продолжалась борьба за то, чтобы она была лучше, чище и светлее.

Норейко Николай Казимирович

1897 года рождения, член КПСС с 1919 года, в армии и пограничной охране служил с 1919 по 1955 год. Генерал-майор в отставке.

Память не всегда бывает услужливой, наступает время, когда из нее и маковой росинки не выжмешь. Дневников мы не вели, не до того было, да многие из нас и грамоте-то учились в боях. Сейчас даже в литературе о тех днях все реже встречается слово «ликбез». Да это и понятно, теперь неграмотных нет. Большинству нынешних литераторов оно мало о чем говорит, а в дни нашей юности его с уважением произносили рядом с такими словами, как винтовка, патроны, хлеб, вода. Как свидетельствует М. В. Фрунзе, среди призванных в Красную Армию бойцов рождения 1901 года грамотных было не более 20 процентов.

А время неумолимо. Все меньше остается тех, кто полвека назад участвовал в событиях самого крупного перелома людской истории. И все меньше остается возможностей заполнить ее белые пятна с достоверностью, подтвержденной живыми свидетелями.

Оставшиеся еще в живых не должны унести с собой ничего из того, что они помнят о тех днях. Мы обязаны об этом рассказать по мандату долга.

Незаслуженно мало рассказано о первых советских пограничниках-чекистах в Средней Азии.

Империалистические государства победили в первой мировой войне, но потерпели жестокие неудачи в попытках

повернуть Россию на старый путь. Англо-американские империалисты особенно страшились утверждения советской власти на бывших окраинах Российской империи, ныне республиках Средней Азии. Еще бы! Они знали, что означает победа идей Октября. Ведь рядом Индия — жемчужина в британской короне, рядом Иран, откуда британо-американские компании вместе с нефтью десятилетия сосут кровь народа, превращая ее в груды золота. Потерять? Что вы! Лучше прикарманить то, что плохо лежит...

Нет такой подлости, коварства, низости, которые не были бы использованы врагами для отторжения территорий Средней Азии и Казахстана от советского государства. Они действовали по принципу: «для достижения цели все средства хороши». А цель? О, она оправдала бы любые средства. Они прикрыли бы от пролетарской революции свой колониальный Восток, ограбили бы богатейшие природные ресурсы, закабалили бы народ.

А обстановка к этому располагала. Огромный край, долгое время оторванный от центра России фронтами гражданской войны, к описываемому периоду почти не имел связей даже с центрами Советского Туркестана.

В труднодоступных горных пространствах Тянь-Шаня, Памира, Копет-Дага, в пустынях Каракумы и Кызылкумы владычествовали ханы, беки, родовые сердары, хакимы, мюхердары, амлекдары, муллы, ишаны. В своих владениях они были полными властителями и безнаказанно распоряжались жизнью, имуществом, женами и дочерьми простых людей.

Трудящиеся массы — дехкане и скотоводы-кочевники — жили в средневековом угнетении. Грамотных по официальной статистике было не более одного процента, да и этот процент падал на духовенство. Всякая живая мысль подавлялась установками корана, адата, шариата.

В этих условиях руками местных феодальных реакционеров и духовенства, люто ненавидевших Советскую власть, американо-английской агентуре и зависевшим от империализма реакционным кругам Турции, Ирана, Афганистана сравнительно легко удалось развернуть басмачество.

Потерпев сокрушительное поражение в открытой интервенции, враги ничего не жалели для поддержания басмачей. Щедрой рукой они слали деньги, оружие, инструкторов и военных руководителей.

Делать черное дело врагам помогало и то обстоятельство, что государственная граница с Ираном, Пакистаном и Китаем, протяженностью в тысячи километров, не охранялась. Выполнявшая эту обязанность царская пограничная стража частично была разгромлена, а в большинстве своем разбежалась, как и царская армия.

С первых дней Советская власть ничего не могла выделить для охраны далеких и тяжелых участков границы. Все силы отнимали фронты гражданской войны и иностранная интервенция.

К 1921 году положение молодой социалистической республики в центральных районах России, да и в городах Средней Азии, стало достаточно прочным, и настало время взяться за полную ликвидацию басмачества. Для этого необходимо было, прежде всего, закрыть границы, потому что главной питательной средой басмачества были внешние империалистические силы. В гуще народных масс оно уже стало терять доверие, а притягательные идеи Советской власти все больше и больше овладевали умами людей даже в самых глухих, труднодоступных уголках края.

После организации штабов войск ВЧК мы начали формирование пограничных частей, которые создавались из войск внутренней службы и частей и соединений из состава РККА.

Весной 1921 года решено было в первую очередь закрыть Ферганский участок границы с Китаем, чтобы изолировать басмачество этого района от прямой английской помощи из Синьцзяня (Кашгара) и из Афганистана и Индии через Памир.

Я в то время был инспектором штаба войск ВЧК и в качестве его представителя принимал от полевых частей 9-ю бригаду Красных Коммунаров. Из этой бригады были сформированы 2-я отдельная пограничная бригада и отдельный Памирский отряд. Командиром бригады был назначен В. Г. Гостев — член партии, бывший офицер старой пограничной стражи.

Назначение на должность комбрига Василия Георгиевича Гостева, светлая память о котором навсегда сохранится в сердцах ветеранов, его соратников, было большой удачей. Беспредельно преданный Советской власти, мужественный, он был ценен и своим опытом несения пограничной службы, которого многие из нас тогда еще не имели. Под его умелым руководством были проведены все опера-

ции по восстановлению границы на этом участке; он много потрудился над разработкой службы пограничной охраны и не случайно позднее был одним из авторов первого Устава пограничной службы.

Началом истории пограничных войск в Средней Азии, по-видимому, и надо считать создание 2-ой отдельной пограничной бригады весной 1921 года.

Формирование первых пограничных частей в Ферганской долине проходило в исключительно сложной военно-политической обстановке и затянулось далеко за середину лета.

Жемчужина Средней Азии — Ферганская долина — с давних пор была предметом особых вожделений английских империалистов. Крушение надежд на Кокандскую автономию, разгромленную революцией, не охладило пыла захватчиков. Еще более озлобленные враги делают ставку на басмачество, пытаясь выдать его за движение народное, чисто внутреннее, стремящееся освободиться от большевизма. Вытаскивается на свет затрепанное зеленое знамя «газават». Создаются многочисленные басмаческие банды — от пятисот до тысячи всадников. Командуют ими курбаши — бывшие феодалы, клерикалы, придворная ханская знать, а очень часто и самые обыкновенные разбойники с большой дороги.

В районе городов Ош, Андижан, Джалал-Абад в те дни бесчинствовали крупные банды курбашей Юнусали, Казанбая, Ахмат-палвана, Юлчи, Парпи, Тюряджана, Хал-Ходжи и многих других.

Как ни скрывай, а долго в секрете целей наших приготовлений держать было невозможно потому, что выполнить их без участия местного населения нельзя, и курбашам становится что-то известно, или они догадываются, что мы для них готовим.

Они всячески старались помешать нам подготовиться к выходу к границам. Формирование 2-ой бригады и Памирского отряда проходило в условиях самой настоящей, непрерывной изнурительной войны.

В нашей литературе, особенно художественной, борьба с басмачеством чаще всего изображается как непрерывная серия кавалерийских атак незначительных по численности красноармейских отрядов на огромные банды басмачей. Такие авторы с упоением описывают, как красные конники на бешеном галопе атакуют, а бесчисленные массы басмачей

в полосатых халатах, посеченные шашками, падают или сдаются.

Нет, не так просто и легко давались победы. Мы вторглись в этот старый мир, как новое, непонятное, а для многих и страшное явление. Народ, весь мир понятий и желаний которого заключался в тесных рамках окружающего, еще шел на поводу у своих коварных и безжалостных руководителей. Вечная борьба с нуждой, голодом, холодом наложила на него, казалось, неизгладимую печать апатии, безразличия. Слепая вера и преданность обычаям, установкам шарната делала его послушным оружием в руках курбашей. И пока народ не разобрался что к чему, трудно нам было.

У курбашей не было недостатков в военных инструкторах. При каждом из них находились и набившие зубы на войне бывшие белогвардейские офицеры, и английские эмиссары. А рядовой басмач... Что же, пока у него не открылись глаза и он не повернул карабина против своего курбаши, дрался упорно, а подчас и умело.

...А для бешеных кавалерийских атак в горных условиях и места мало.

Правда, друзей с каждым часом у нас становилось все больше, но в условиях жесточайшего террора они не всегда могли помочь нам.

...Главной базой формирования Ферганской группы пограничных войск был избран небольшой в то время городок Ош. Выбор пал на него не случайно. Взгляните на карту: город стоит как бы в центре орлиной ноги, пальцы которой долинами протянулись к горным хребтам и погрями уцепились за их вершины. Чуть ли не в городе высоченная гора Сулейман-тахт (престол Соломона — и по сию пору предмет поклонения мусульман-фанатиков, а это тоже надо было умело учитывать) — идеальнейшая позиция для обороны и самой природой устроенный наблюдательный пункт. Город — ключ для выхода с горных массивов Тянь-Шаня и Памира в Ферганскую долину.

Бедра состояла в том, что железная дорога тогда доходила только до станции Карасу. Снаряжение, оружие, боеприпасы и продукты питания доставлялись с этой станции в Ош гужевым транспортом.

Басмаческие банды в своем стремлении помешать нам, а при возможности захватить и город (такие попытки предпринимались не раз и были случаи, когда нам приходилось

отстреливаться из помещения штаба бригады) держали нас под постоянным своим наблюдением.

Поездка из города на станцию и возвращение назад проводились как самые настоящие боевые операции. Составлялись «оказии», как в лермонтовские времена на Кавказе. Два раза в неделю на площади собирались все, кому требовалось ехать на станцию Карасу. Формировался караван, выделялись прикрытые, разведка, головная и тыловая походные заставы, боковые охранения, и «оказия» двигалась в путь.

Двадцать два километра надо было пройти засветло. На полпути, у Кашкар-кишлака, как правило, начиналась перестрелка, переходившая иногда в бой.

Дойдя до станции Карасу, отряд сопровождения совместно с гарнизоном станции обеспечивал охранение и погрузку в поезд, а затем организовывал оказию из людей, прибывших с поездом, и грузов для следования в Ош. На обратном пути все повторялось вновь. И так из месяца в месяц, два раза в неделю. Часто возвращение в Ош завершалось похоронами командиров, бойцов и мирных жителей, павших при следовании в оказии.

...Росло братское кладбище.

Формирование отрядов проходило с невероятными трудностями, но надо было спешить. Горные перевалы заваливаются снегом уже в сентябре, а тогда они непроходимы до мая — июня следующего года.

Наконец, где-то в начале августа первая советская Памирская экспедиция двинулась в путь... Горы литературы написано, различных исследований проведено о многих путешествиях в пустыни Центральной Азии и другие места. Мы отдаем дань глубокого уважения первопроходцам — Пржевальскому, Семенову-Тянь-Шанскому, супругам Федченко, Северцеву. В успешном завершении нашего похода есть и их заслуга. Но, поверьте, нам было не легче, а может быть, трудней. Значение нашей экспедиции меньшее. Первопроходцы изучали и описывали край, его природу, а мы шли туда переделывать жизнь. А старая жизнь не хотела уходить добровольно, она огрызалась, стреляла в нас, разрушала мосты, словом, делала все, чтобы мы не смогли пройти. А в остальном Памир оставался таким же, каким его впервые видели Федченко и Северцев. Ни ханская, ни царская власти палец о палец не ударили для

устройства жизни там. Я не видел ничего написанного о первой советской экспедиции на Памир. А следовало бы...

Памирский отряд в 300 человек, разбившись на заставы, со всеми припасами на годичный срок (зимой даже в мирное время туда пути нет), должен был остаться на Памире и прикрыть границу. Его через Алайский и Заалайский хребты до самого Памира с боями провели два кавалерийских полка полевых частей и усиленный отдельный батальон войск ВЧК (860 штыков).

На Алай-Памирском направлении нами были заняты укрепление Гульча, закрывавшее выход с Памира к Ош, кишлак Суфи-Курган, стоявший на развилке горных дорог в Алайскую долину на Иркиштам.

Затруднить, а затем и совсем лишить басмачество поддержки из-за кордона — означало тогда переломить ему становой хребет, покончить с ним, обеспечить мирное строительство счастливой жизни миллионам забитых, вечно страдавших от гнета людей.

Правительством было принято решение создать прочную регулярную пограничную охрану. Выполнение этой почетной, но очень сложной и трудной задачи партия и правительство возложили на ВЧК — орган пролетарской диктатуры, острейший меч революции. Уже тогда эти три согласные буквы вызывали животный страх у всех врагов Советской власти. Много ударов нанесли по ним чекисты, разоблачая и отражая их интриги и происки.

Еще и сейчас империалистическая пропаганда пытается пугать неискушенных людей ВЧК, ГПУ, Лубянкой, хотя давно уже эти органы называются иначе, давно нет и Лубянки, а есть площадь имени славного сына нашей партии Ф. Э. Дзержинского, первого руководителя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Ну что ж, коль так долго помнят враги ЧК и чекистов, значит, долг свой они выполнили хорошо, значит, правильно партия поступила, доверив им самое святое святым — охрану государственных границ первой в мире социалистической державы.

Не случайно же самый обаятельный и любимый герой, кому хочет подражать наше юношество, — Павка Корчагин, был одним из первых чекистов-пограничников.

В ожесточенных боях под Кизил-Курганом, перевалом Талдык и у Ольгина луга нашим отрядам удалось нанести

басмачам столь значительный удар, что они оказались как бы парализованными, и большого организованного сопротивления они не могли нам оказать некоторое время. Поэтому дальше переход через Алайскую долину и Заалайский хребет войска прошли с меньшими трудностями.

По Памиру пограничный отряд двигался уже без сопровождения. 300 героев-чекистов впервые в истории встали на охрану государственной границы на самом сложном и важном участке в Средней Азии. Встали там, где им было приказано, стояли стойко, па смерть. Историки, пионеры-следопыты, поинтересуйтесь судьбой этих людей! Она поучительна и полна героизма. А памятников им еще не поставили.

Первая советская Памирская экспедиция сыграла исключительно большую роль в дальнейших событиях и особенно в главном — в становлении Советской власти в этом крае.

Население края впервые весомо и зримо ощутило, что такое Советская власть. Быстро стала спадать многовековая пелена с глаз, исчезать рабская покорность своим угнетателям. Быстро росли ряды друзей Советской власти, они увидели силу, которая сумела пробиться в эти, считавшиеся недоступными, районы и сбить с них оковы. Это главный политический результат экспедиции.

Не менее важен и ее военный итог. Памирский участок государственной границы впервые был занят и закрыт советской пограничной охраной. А с этим не могли не считаться правительства соседних нам государств и обязаны были поумерить свои действия по оказанию помощи басмачам, а это означало, что затруднены прямые и косвенные связи басмачей с англичанами.

Успешный поход через Алай и Заалай привел к расколу киргизского басмачества. Значительная часть киргизов, возглавлявшихся внуками бывшей заалайской царицы братьями Камчибековыми, не только безоговорочно перешли на сторону Советской власти, но и вступили в вооруженную борьбу с киргизскими басмаческими главарями Муэтдин-беком и Джаныбеком. Это также сыграло немаловажную роль в разворачивании последующих событий.

Таковы только некоторые итоги первой Памирской экспедиции. Она всколыхнула край, кроме этих явлений,

вызвала много, на первый взгляд, побочных, которые, в конце концов, слившись воедино, привели здесь к полной и окончательной победе Советской власти.

Несмотря на успешное занятие Памира, общая обстановка в Ферганской долине была все еще напряженной и сложной. Открытая государственная граница с Китаем на Нарынском направлении означала, что продолжалось беспрепятственное снабжение басмаческих банд, занимавших предгорные районы долины, оружием, боеприпасами и прочими предметами военной необходимости. Все чаще среди трофеев, добытых нами в боях, стали встречаться новенькие одиннадцатизарядные винтовки Ли-Энфильда, немецкие маузеры.

Для того чтобы занять и остальные участки Ферганской границы, надо было разгромить басмаческие банды в предгорных районах, так как выставлять пограничные посты и заставы в басмаческом окружении, означало посылать их на верную гибель.

В горах все сообщения проходят по долинам рек, ущельям, перевалам. Владеющий этими коммуникациями господствует и над всей окружающей местностью. Было решено овладеть важнейшими из этих коммуникаций предгорий Ферганской долины, разместить там усиленные отряды, а затем разгромить басмаческие банды и очистить от них всю Ферганскую долину. С этой целью мы укрепились в Гульче, Суфи-Кургане, Узгене, на многих пунктах по р. Кара-Дарья и в других оперативно важных точках. Свобода действий басмаческих шаек была значительно стеснена, они часто стали попадать под совместные удары отрядов, занимавших коммуникации, стали разбегаться, мельчать.

Большой урон басмачеству нанес декрет правительства об амнистии добровольно сдавшихся. Его мы старались довести до сведения всех рядовых басмачей через наших агитаторов в самих бандах, через членов семей басмачей в кишлаках. Действие декрета не замедлило сказаться. Начались сдачи сначала небольших групп, а затем и целых отрядов и банд.

Борьба с приграничным басмачеством была частью общей борьбы Советской власти и ее Вооруженных сил в Туркестане, Бухарской и Хивинской Народных Республиках. Единому плану, объединению всех усилий уделяется огромное внимание правительства Туркеспублики. С этой

целью в Ферганскую долину приезжает главнокомандующий С. С. Каменев. С этого времени нажим на басмачей еще более усиливается.

Замечательный результат дала экспедиция под руководством известного в те годы в Фергане командира бригады, по национальности чеха, товарища Кужело в горы Тянь-Шаня. Объединив под своим командованием киргизские отряды Джамшида и Кадырбека Камчибековых, т. Кужело зажал многочисленную банду курбаши Муэтдинбека в долине р. Нарын. Не имея выхода, Муэтдинбек, пытаясь соединиться с долинными отрядами курбашей, спустился с гор в район Ош — Андижан — Узген и попал в подготовленный для него капкан. В ряде жестоких боев он был окончательно разбит и с остатками шайки сдался. Другой крупный киргизский феодал Джаныбек Казы не стал дожидаться своей очереди и со всей своей бандой откочевал в Синьцзян.

Так, к 1923 году мы получили возможность окончательно закрыть и этот тяньшанский участок государственной границы, а все крупные банды в Ферганской долине были разгромлены.

Как и везде, огромную роль в борьбе с басмачеством в этом районе сыграли органы ВЧК.

Особый отдел города Ош под руководством тов. Колосова развернул активную работу среди населения прилегающей части Ферганской долины и многих горных районов. В результате умелой, мужественной работы т. Колосова и его чекистов, руководство имело своевременное и ясное представление о составе басмаческих шаек, их пособниках, связях и намерениях. Хорошо были известны и использованы противоречия внутри шаек, и между ними, что помогало вести работу по их разложению и уверенно бить их и вместе, и порознь.

Еще несколько лет продолжалась борьба с закордонными шайками — осколками разгромленного басмачества и белогвардейщины. Понеся сокрушительное поражение в своей ставке на эти силы контрреволюции, английские империалисты не отказались от своих целей уничтожения Советской власти, по крайней мере, хотя бы на Востоке. Они продолжали поддерживать все антисоветские элементы. Только теперь переходить границу было уже не так просто. Все меньше и меньше было желающих подстав-

лять свою голову под пули и клинки красных пограничников.

...Закончив порученное мне дело к концу 1922 года, я снова вернулся в штаб войск ВЧК.

Одновременно с разгромом басмачей в долине и на Алае крупные операции проводились в Восточной Бухаре. Тысячные банды Ибрагим-бека, Муллы Абдукахара, Устан-бека и других, неся большие потери под ударами наших полевых частей, тоже начали мельчать. Настало время закрыть государственную границу и по Аму-Дарье и Пянджу.

Командование войск ВЧК Туркеспублики, учитывая, что 2-ая отдельная пограничная бригада на Ферганском участке свою главную задачу выполнила, очистила от басмачей приграничные горные районы и обеспечила занятие государственной границы, решило перебросить ее на афганскую границу.

Весь состав 2-ой отдельной пограничной бригады, получив на усиление 1-й Оренбургский отдельный кавалерийский дивизион и 13-й отдельный кавалерийский эскадрон, был переброшен в город Термез. Командование поручило мне снова включиться в боевую жизнь бригады, помочь ее реорганизации и занятию нового участка границы.

Здесь нам было легче в том смысле, что мы накопили богатый опыт в борьбе с басмачеством в Ферганской долине.

Но перед командиром бригады В. Г. Гостевым и его соратниками жизнь ставила много вопросов, связанных с организацией пограничной охраны, снабжения, установления контактов с местными советскими органами и населением. Не решив их, нельзя было выезжать на границу.

На совещании было решено, что В. Г. Гостев останется в Термезе, а я во главе отряда в составе 1-го отдельного Оренбургского кавалерийского дивизиона и 13-го отдельного кавэскадрона двинулся вдоль государственной границы вверх по Аму-Дарье и Пянджу.

И снова поход. Марш за маршем в июньское и июльское пекло, в густых тучах желтой пыли двигались мы вперед. В непрерывных стычках с басмачами обследуем местность, стоянки царских пограничных страж. Находим только заросшие бурьяном развалины. Да и всюду видна мерзость запустения. Заросли бурьяном и тугаями когда-то цветущие

щие поля дехкан, разрушены кишлаки. Зато раздолье получило всякая дичь, расплодилось ее неимоверное множество: фазаны, зайцы, кабаны, шакалы, дикие кошки и даже тигры.

Трудно было, очень трудно. Но задачу надо выполнять. На местах старых пограничных страж оставляем посты силою до взвода. Идем дальше. По численности отряд уменьшается, а наскоки басмачей продолжаются. Но идти надо. Однако, много раз проученные нами, они начинают нас бояться, пытаются кусать исподтишка и издалека. В такой обстановке мы дошли до кишлака Пархор, где должны были обосноваться штаб и ядро отряда. Таким образом, до стыка с Памирским отрядом не занятой нами границы оставалось 250 километров по высокогорной, очень труднодоступной местности. Но поставленная перед нами задача — закрыть государственную границу и на этом участке — была выполнена, басмачество было отрезано от своих снабженческих баз за рубежом.

В это время полевые части начали окончательный разгром басмачества во всей Восточной Бухаре. Шайки их по старой памяти пытались укрыться и отсидеться за рубежом, но на границе их теперь встречали огнем чекисто-пограничники. Шли почти ежедневные бои с превосходящими силами противника. Тяжелым был этот первый год службы на границе. Половина людей болела малярией, но сражались не только здоровые, но и больные и раненые.

В почти непрерывных боях, в сторожевой службе выковывались у красноармейцев, бойцов, командиров суровый характер, решительность и смелость, наблюдательность и бдительность, боевая дружба, взаимная выручка и высокая преданность родине. На героических делах первых бойцов-пограничников стали складываться боевые традиции погранохраны.

После занятия границы я приступил к выполнению второй части своей задачи — подробному ее описанию. Материал, составленный мной, оказался ценным и был с благодарностью принят как исходные данные для организации всей пограничной службы на этом участке.

С пограничной службой я так и не расстался. Еще 35 лет прослужил в погранвойсках Средней Азии. На моих глазах развивались и крепились боевые традиции, закладывавшиеся в первые дни и годы, вырабатывался свой опыт,

своя пограничная доблесть, выковывались чудесные кадры. Много из рядовых пограничников вышло офицеров пограничной охраны, некоторые из них в ходе Великой Отечественной войны доблестно командовали полками и дивизиями, продолжают и в настоящее время служить в пограничной охране и органах государственной безопасности.

Пограничной охране к пятидесятилетию нашей социалистической родины есть о чем вспомнить, есть чем гордиться, есть о чем рапортовать партии, правительству, народу.

...Вот уже сорок пять лет и днем, и ночью, и в стужу, и зной стоит пограничник на охране отечества. Стоит он на том месте, где сорок пять лет назад родина поставила первого пограничника-чекиста.

ВТОРАЯ ПАМИРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Журавлев Александр Михайлович

1901 года рождения, член КПСС с 1944 года, в армии и пограничных войсках служил с 1920 по 1955 год. Майор в отставке.

На Памир мне довелось попасть в составе второго экспедиционного отряда войск ВЧК в 1922 году. Мы шли на смену тем тремстам чекистам, которые во главе с начальником особого отдела ВЧК Дьяковым, в составе первой советской экспедиции ушли туда год назад. Шли сменять, но не знали, жив ли кто из них, а может быть придется только преклонить колено на их могилах. Связи с Памиром никакой не было, и мы не знали, что случилось с нашими товарищами. А они там уже целый год. И какой год! Шла кровопролитная и трудная борьба с басмачеством. И если в Ферганской долине басмачи еще имели достаточно сил, чтобы совершать налеты на города Ош, Андижан, Джалалабад, то что же за этот год перенесли триста наших товарищей на Памире — далеком глухом уголке, где процветали дикость, варварство и рабство.

В апреле или мае этого года на город Ош совершила зверский налет банда Муэтдин-бека. Воспользовавшись тем, что стоявший в городе отряд чекистов вышел на боевые операции против басмачей в предгорьях Тянь-Шаня, в долине реки Нарын, озверевшие бандиты на рассвете ворвались в город, убили много мирных жителей, в том числе вырезали больных и медперсонал больницы. Вскоре банда Муэтдин-бека была полностью разгромлена сводным отрядом чекистов под командованием т. Кужело. Сам

Муэтдин-бек и его «штаб» — восемь главных головорезов — были взяты в плен и отданы в руки правосудия. Вскоре в Оше состоялся показательный процесс революционного трибунала, по приговору которого изверги были расстреляны.

Поэтому понятным было то нетерпение, с которым мы рвались в поход на Памир, на выручку своим товарищам.

...Но как мы ни спешили, экспедиция к походу была готова только к середине лета. Много времени отнимали постоянные стычки с басмачами, в частности, ликвидация банды Муэтдин-бека, да и слишком много надо было предусмотреть. Колесных дорог на Памир не было, все на выюках. Это сейчас иначе — говорят, шоферы даже песенку сложили: «От Хорога и до Оша, ох, дорога хороша!» С собой надо было брать все — от сапожной мази, пуговиц, боеприпасов, оружия и продовольствия до фуража для лошадей. На Памире сено не растет.

...И вот переливчатый звук горна разорвал предутреннюю тишину. К нему присоединились людской гомон, ржание лошадей, рев верблюдов. Отряд выступил. Миновали скрипящий деревянный мост через Акбуру, узенькие, кривые улочки старого города, и перед нами желтая степь, а где-то далеко, в туманной дымке едва заметен контур гор — Алайский хребет, ближайшая цель нашего путешествия.

Когда вышли за город и караван растянулся в степи, стало видно, какой он длинный и как его трудно будет охранять от наскоков басмачей, переправлять через бурные горные реки. Мы знали, что последний целый мост — это через Акбуру, другие мосты на нашем пути басмачи постарались уничтожить. Итак, на попечении нашего, сравнительно небольшого, отряда двести пятьдесят груженных верблюдов, столько же груженных ишаков, а впереди около пятисот верст пути. Да, такие экспедиции географические общества различных стран готовят годами, а потом годы о них пишут. Ну, что ж, то в мирные дни, а мы делали пролетарскую революцию, мы — большевики, чекисты. То, что раньше считалось невозможным, наши товарищи из первой экспедиции уже совершили: они с боями прошли весь Памир и заняли посты на государственной границе. Совершив и мы, нам легче — ведь тропки уже проторены.

Организовали боевое охранение. Первый эскадрон выдвинулся несколько вперед. Идем. Когда солнце поднялось довольно высоко и высушило степь от утренней росы,

враги попытались нам нанести первый удар: подожгли степь. Кавалеристам этот пожар был не страшен, можно было от него уйти, но большая беда грозила малоподвижному каравану со вьюками. Пламя, пожирая сухой ковыль, быстро приближалось. Не растерялся комэск Мартынов. Спешив конников, он приказал на пути пожара клинками расчищать от сухой травы полосу, огораживая ею караван. Тяжелая это была работа. Под палящим солнцем, задыхаясь в пыли и дыму, бойцы работали шашками как в настоящем сражении. Победили. Пожар обтек караван сторонами, можно было продолжать путь.

В первое горное ущелье мы втянулись уже затемно. Здесь на берегу ручья заночевали и сделали внеплановую дневку: надо было ликвидировать последствия пожара, подремонтировать пострадавшее в борьбе с огнем обмундирование, снаряжение, отточить клинки...

До выставленного в прошлом году первого пограничного поста на нашем пути, на берегу реки Гульча, мы добрались без особых происшествий. Я говорю без особых потому, что происшествия все же были. На крутом спуске с перевала Чигирчик, при переправе через горный поток, сбило с ног коня со станковым пулеметом на вьюках и понесло вниз. Перебравшийся одним из первых на противоположный берег проводник-таджик (как плохо, что не помню его имени) бесстрашно бросился в бурлящий поток, догнал погибающего коня, ловко перерезал подпруги, освободил его от груза и помог выбраться на берег. Затем он же вытащил со дна потока затонувшее вьючное седло со станковым пулеметом.

Встреча с бойцами гульчинского поста была незабываемой. За прошедший год они много пережили, много воевали, так как должны были держать в постоянном напряжении басмаческие банды на путях в Алайскую долину, на Памир и в предгорья Тянь-Шаня. Этим они во многом способствовали разгрому басмачества в Ферганской долине, в том числе и банды кровавого Муэтдина-бека. В боях они понесли и потери. Мы горестно склонили головы над могилами павших товарищей.

От гульчинского поста до Алайской долины мы прошли сравнительно спокойно, а главное — без потерь. Были стычки с мелкими бандами, но они, постреляв, предпочитали не подпускать к себе близко конников, бежали без оглядки. Многому научили их чекисты за прошедший год.

Делали дневку на Ольгином лугу. По устным рассказам местных жителей «Ольгиным» он назван русским первопроходцем этих мест путешественником Федченко. Он, как и мы, когда-то здесь делал остановку, и этот день совпал с днем рождения его жены и соратника Ольги. Её-то именем и названа долина.

На посту в Суфи-Кургане нам стало известно о трагической гибели от рук басмачей всех первых пограничников-чекистов на китайской границе, на посту Иркештам. Трудно с достоверностью сказать, что здесь случилось. По отрывочным сведениям, дошедшим от местного населения, можно судить, что, воспользовавшись излишней доверчивостью молодых, малоопытных ребят, несколько басмачей под видом местных жителей — сторонников советской власти, предательски проникли на заставу и открыли путь остальной банде. Известно также, что очень дорого обошлась эта операция врагам: пограничники сражались до последнего.

Узнав об их гибели, мы на траурном митинге поклялись жестоко мстить всем врагам Советской власти, повышать революционную бдительность.

У подножия перевала Талдык напоили коней, пили и сами хрустальную чистую воду из маленького, едва заметно струившегося среди валунов ручейка. Ручеек этот — начало главной водной артерии Ферганской долины Кара-Дарьи, а когда он соединится с Нарыном, течет дальше могучей среднеазиатской рекой Сыр-Дарья.

Перевалив через Катун-Арт, мы в сумерках спустились в Алайскую долину и остановились на ночь у кишлака Сары-Таш. От кишлака, правда, остались одни развалины, басмачи уничтожили это прибежище всех путников на древнем, очень трудно проходимом торговом пути из Кокандского ханства в Афганистан и Индию.

Утром, как зачарованные, мы любовались открывшейся под яркими лучами солнца панорамой. Несмотря на уже заметное приближение осени, а здесь, в горах, зима наступает значительно раньше, Алайская долина искрилась покрытым росой изумрудным альпийским разнотравьем. Всеми цветами радуги сверкает заснеженная цепь гор, ледник Федченко, алмазные вершины, и среди них самая высокая, позднее названная пиком имени В. И. Ленина.

Тишина. Мир. Покой. Жить бы да жить... Но мы пришли не любоваться этой чудесной картиной. Нам надо вперед. Ни на минуту не покидает мысль: а живы ли они?

Не случилось ли с ними того же, что и с пограничниками в Иркештаме? Надо спешить.

По нашему краю стремительно несется почти натурально красный поток. Здесь он называется рекой Кызыл-Су, ниже, в таджикской части Памира, — Сурхаб. То и другое на русский язык переводится одинаково — Красная вода. Нам предстоит переправа. Брода нет, мост, который с большим, наверное, трудом воздвигали наши товарищи в прошлом году, басмачи разрушили. Из арчевника, предусмотрительно захваченного из предгорий Алая, — здесь ведь деревья не растут, строили утлый мост. Вьюки переносили на себе, животных тоже чуть ли не на себе перетаскивали на арканах. Померкли красоты природы, да и погода испортилась. Сначала пошел дождь, затем что-то вроде града, а потом и снег.

Переправились, погрузились и — вперед. А погода, будто смеясь над нами, разведрилась, опять засветило солнце, все засверкало. Таков уж Памир. Здесь тебя в один и тот же день и солнце обожжет, и дождем помочит, и снегом припорошит.

Позади Алайская долина, впереди «Крыша мира». Все круче тропинки, все выше поднимается наша экспедиция. Трудно дался нам перевал Кызыл-Арт. Холодно, вынуждены были одеть шинели. Воздух разрежен. Дышится тяжело. Достаем сахар, чеснок, сосем, вроде облегчает. Все больше страдающих горной болезнью. Наш экспедиционный доктор тов. Петухов успокаивает, говорит, что это с непривычки. Скоро организм приработается, привыкнет и все пройдет. И на самом деле, скоро или не скоро, но организм «приработался» — болеть мы перестали.

За Кызыл-Артом — Маркан-Су. Мрачнейшую картину представляет эта долина. Обрамленная грязно-серыми и красно-бурыми скалами, покрытая мелкой щебенкой, она навеивает грустные мысли. Так и думается, что свои пейзажи для ада и чистилища суровый Данте писал с этой долины.

...Спешим пересечь долину. Она небезопасна для путников. Здесь очень часты смерчи. Они поднимают в воздух тучи щебенки и тогда — берегись.

Мрачного высокогорного озера Каракуль мы достигли приблизительно через месяц пути. Высота над уровнем моря четыре тысячи сто метров. По мнению многих, кто бывал на Памире, это самое тяжелое для новичков место.

Дышится тяжело. Вода в озере кажется мертвой. Дно покрыто вечным льдом. Но почему-то озеро для своего гнездования избрали серые гуси. Вот и сейчас стоит неумолчный грей, многочисленные острова буквально покрыты гусями. Они все уже на крыле, готовятся к отлету.

У Каракуля мы ночевали, и здесь нас настигла зима. Утром пришлось выбираться из-под полуметрового снега. Дорога дальше стала еще труднее, надо было пробиваться через снежные заносы. Но все же мы проделали первый, главный этап пути к нашей цели — пост Памирский достигли. Радостной была встреча с первыми пограничниками, ждавшими смены. И здесь мы склонили головы над могилами. Погибли 13 пограничников разъезда. Их басмачи заманили в хитро подстроенную ловушку. Они даже пытались уничтожить весь пост Памирский тем же способом, каким уничтожили здесь царскую стражу.

История ее гибели описана в книге Павла Лукницкого «Всадники и пешеходы». Под видом друзей в пограничное укрепление проникла банда басмачей Амин Кувата. За пиршественным столом, в разгар веселья бандиты вонзили ножи в спины ничего не подозревавших солдат и командиров стражи. Вырезали всех. Трупам забросали колодец.

После расправы с разъездом советских пограничников у озера басмачи пытались применить коварный прием и с нашим постом. Частично им удалось обмануть руководителей поста.

Басмаческие агенты на пост доставили сообщение, что границу собираются пересечь контрабандисты. Не зная еще о гибели своих тринадцати товарищей, командир выслал новый разъезд из семи человек, который также погиб.

Только после этого на посту становится известным о случившемся. Наученные горьким опытом, пограничники подготовили бандитам должную встречу. Немало врагов полегло от ружейно-пулеметного огня чекистов. Но басмачей было много. Не сумев застать наших врасплох, бандиты обложили пост со всех сторон. Осада длилась около месяца. На посту не было воды, колодцы завалены трупами. Воду по ночам под прикрытием пулеметного огня носили с реки Мургаб.

Пост выручили товарищи из Хорога. Извещенные киргизом — другом советской власти — о грозящей Памирскому посту опасности, они поспешили на помощь. Пospели вовремя. Силы у ребят уже иссякали. Совместными уси-

лиями двух постов банду разгромили, а остатки ее изгнали из этого района.

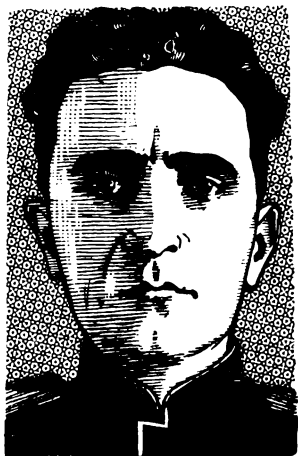
Основательно отдохнув, выслушав все рассказы о зимовке, оставив часть отряда и вьючного транспорта, значительно облегченная экспедиция двинулась на Хорог. Мне, с частью всадников, без верблюдов, пришлось свернуть в сторону Лянгара к советско-афганской границе, куда я был назначен начальником погранпоста. На Памире я пробыл до октября 1923 года.

Вторая советская экспедиция на Памир выполняла те же задачи, что и первая.

Мы усилили охрану государственных границ, продолжили советизацию края. Государство крепло, мы были лучше оснащены. С экспедицией прибыли несколько первых советских учителей. На берегу реки Гунт в Хороге пограничники-чекисты построили первую в крае школу. Врачи нашей экспедиции Дьяков и Петухов были первыми медиками во всей истории этого края. Скоро они стали самыми уважаемыми людьми на Памире.

Так советские чекисты, обильно поливая путь своей кровью, несли в этот край дикости и феодального варварства свет новой, свободной жизни. Живите счастливо все, но помните о тех, кто вам принес это счастье, принес Советскую власть, отдавая в жертву за это свою молодость, а многие и жизнь. Помните о первых чекистах, пришедших к вам. Они этого заслуживают.

Много лет мне пришлось еще служить на государственной границе в Средней Азии. Много было и боевых дел — всего не перескажешь. А самой яркой страницей в памяти остались Памирская экспедиция и дни, проведенные в этом поднебесье.

Сабиров Абдували

1904 года рождения, член КПСС с 1928 года, в органах ОГПУ и пограничной охране служил с 1922 по 1948 год. Подполковник запаса.

Всякая война имеет конец, как бы она долго не длилась. Нет конца только войне, которую ведут чекисты и пограничники. Тишина на границе или в кабинете работника госбезопасности ни о чем еще не говорит. Чаще всего в этой-то тишине идет война, война жестокая, беспощадная, непрерывная. Война с теми, кого наши недруги стараются забросить к нам для шпионажа, вредительства, диверсий...

Шел 1943 год. Где-то за тысячи километров от этого участка южной границы героическая Красная Армия громит гитлеровских захватчиков. А у нас?.. День этот ничем не отличался от обычных. Мы, группа офицеров инспекции пограничных войск, занимались обработкой материалов, поступивших от линейных подразделений.

Интересный это был материал. Отражал суточную службу пограничников, а достало бы его на добрый десяток захватывающих книжек.

Тишину кабинета нарушил писк зуммера. Раз, два. Встаю, поспешно собираю документы. Это меня, старшего помощника, вызывает начальник инспекции полковник Сикорский.

Застаю его изучающим карту.

— Вам этот участок знаком? — Он указывает на горный район и часть долины большой реки,

Еще бы. Здесь в 1931 году я был начальником пограничной заставы...

Вопрос начальника вызвал вереницу воспоминаний. На южной границе я был уже более двадцати лет. Взгляд скользит по карте. Вот здесь, в Фергане, совсем еще молодым парнем в 1922 году в бригаде Ушакова был разведчиком, гонялся за басмачами. Под руководством чекиста Павла Михайловича Богомолова участвовал в разгроме многих басмаческих банд, разорявших край. А вот на этом участке обеспечивал охрану границ в дни празднования восемнадцатой годовщины Великой Октябрьской революции в качестве представителя вышестоящего штаба. Помню, начальник политотдела поручил мне сделать доклад «О годовщине Великого Октября» в близлежащем колхозе. После доклада завязалась душевная беседа. Колхозники рассказывали о своих успехах, заверяли нас, что они всеми силами будут помогать нам в охране государственных рубежей. Один из присутствовавших на собрании рыбак Аллаверген сказал:

— В нашем краю чужой человек ноги обожжет, пернатый — крылья спалит.

Присутствовавшие дружно поддержали остроумного Аллавергена, а его друг, тоже рыбак, Касаткин заявил:

— Враги всегда пытаются испортить нам праздник. Проверяют в эти дни нашу бдительность. Может быть, попробуют и на этот раз. Ну что же, встретим.

Аллаверген и Касаткин были членами базы содействия пограничникам, или, как тогда их называли, «базистами». Это то же, что и современные дружинники.

На заставу мы возвратились поздно ночью. Не спалось. Взволновала встреча с колхозниками, высказанная ими преданность родине, горячая поддержка и любовь к пограничникам. А помимо того тревожила и мысль — все сделано для того, чтобы хорошо встретить непрошенных гостей, если они на самом деле что-то попытаются предпринять.

Где-то перед рассветом слышу громкую команду дежурного:

— Застава, в ружье!

В кабинете начальника заставы Стального вижу вчерашнего знакомого, рыбака Касаткина в мокрой одежде. Увидев меня, он доложил:

— Товарищ начальник, мы поймали неизвестного человека с пистолетом!

— Вы задержали нарушителя государственной границы! — поправил рыбака начальник заставы Стальной.

В то же время доставили донесение с другого участка от старшего наряда Федорченко: на КСП обнаружены следы нарушителя. Принимаем меры по розыску и задержанию.

— Ого! Похоже на комбинированную операцию.

Быстро направляемся на место. На помощь Федорченко — начальник заставы, а я, с группой бойцов, с рыбаком.

Рассветало, когда мы прибыли к рыбацкому шалашу. Вижу, лицом к земле лежит здоровенный детина, а над ним с пистолетом в руке стоит Аллаверген.

Как далее выяснилось, Касаткин и Аллаверген после торжественного собрания решили ночевать в шалаше, чтобы с рассветом начать лов рыбы в Старице и озерах, образовавшихся после паводка. Вода убывала, надо было спасти рыбу, иначе вся погибнет.

Поздно ночью к ним в шалаш ворвался человек и, угрожая пистолетом, потребовал указать ему безопасную дорогу к границе и переправить через реку. Он обещал им большую сумму денег.

Рыбаки для виду согласились, а когда выходили из шалаша, дружно набросились на врага. Сильным ударом выбили из руки пистолет. Завязалась схватка. Нелегко рыбакам дался сильный и отлично натренированный враг. Скрутили нарушителю руки и ноги, Касаткин отправился на заставу, а Аллаверген остался сторожить.

Передавая мне пистолет иностранного образца, заряженный шестью патронами. Аллаверген, смущенно улыбаясь, честно признался, что с пистолетом дела никогда не имел и если бы пришлось его применить, то не знал бы как это надо сделать.

Вскоре был пойман и второй нарушитель. Операция, задуманная за рубежом, была действительно комбинированной.

...Так что южную границу я знал хорошо и особенно тот участок, на который указывал полковник. Знал там много замечательных советских людей, которые, как и Касаткин, и Аллаверген, всегда были готовы прийти на помощь пограничникам.

— В этом районе перешла государственную границу и укрылась в горах большая вооруженная банда,— продолжал полковник Сикорский,— нам приказано вылететь на место и организовать ее захват или уничтожение. На сборы — час. Встретимся на аэродроме.

Повышенный интерес к районам Средней Азии проявляют враги с началом войны. Ведь наши республики приняли эвакуированные с запада промышленные и оборонные предприятия, научно-исследовательские и другие важные учреждения. Средняя Азия, недоступная для врага с запада, стала важнейшим фактором в разгроме гитлеровской Германии. Пробуют проникнуть с востока...

Два часа спустя мы уже приземлились на приграничном аэродроме и немедленно приступили к организации разгрома и ликвидации банды. Нам активно помогали партийные организации, советские учреждения и местные органы государственной безопасности во главе с т. Токаревым. По решению бюро райкома партии нам должен был помогать председатель исполкома райсовета т. Бобонасыров.

Составив план проведения операции, полковник Сикорский возложил ее проведение на меня. Я вначале немного растерялся, но меня успокоил опытный чекист т. Токарев:

— Не смущайся, поможем.

Совместными действиями пограничников и местных органов безопасности, с помощью населения было установлено, что бандиты почувствовали, что их обкладывают со всех сторон, собираются предпринять попытку пробиться назад, за кордон.

В один из дней к нам приехал колхозный пастух, который сообщил, что бандиты отобрали у него несколько баранов и обещали дать много денег, если он привезет им хлеба. Для того чтобы вырваться от них, пастух обещал привезти хлеб, а сам поспешил к нам.

Пока я разговаривал с пастухом, офицер-пограничник капитан Лапчевский собрал и посадил на коней всех людей, которые оказались поблизости — в основном офицеры штаба.

Не теряя ни минуты, взяв с собой проводником пастуха, наш конный отряд двинулся в поход.

Долго петляли по горным тропам, по зарослям арчевника, и только с наступлением темноты достигли района,

где, по словам пастуха, должна была скрываться банда. Для поисков врага разделились на две группы. Одна группа должна была закрыть единственный в этом районе перевал, через который бандиты имели возможность выйти в долину реки и скрыться от преследования. Моя группа из семи человек, в которую входили капитан Лапчевский, лейтенанты-связисты Кулик и Белозеров (все они сейчас служат в войсках пограничной охраны), осторожно двинулись к месту, где рассчитывали найти банду.

Путешествие в горах вообще дело утомительное, а ночью в поисках врага особенно. Выручала многолетняя практика, выработавшиеся годами навыки, тренировки, привычка.

Наконец, где-то в ночи замелькал огонек. Крадемся, развернувшись цепью. По моему сигналу все замирают на месте, сам же, продолжая ползти, выдвинулся вперед, пока не стала ясной вся обстановка.

В заброшенном кутане (загон для скота) с хворостинными воротами, у костра сидит группа людей. Поблескивает оружие. На костре котел, разносится запах вареной баранины. Охраны бандитского лагеря нигде не видно. Уверены, что бояться нечего.

Отползаю назад. Решение возникло мгновенно: ошеломить внезапностью. Шепотом отдаю приказ. Лейтенанты Кулик и Белозеров занимают отсечные позиции, чтобы уничтожить вырвавшихся из кутана. Один пограничник назначается для освещения местности ракетами. С капитаном Лапчевским и тремя пограничниками с грозными криком «Руки вверх, вы окружены!» врываемся в кутан. Мы ожидали, что бандиты растеряются, побросают оружие и сдадутся. Но не тут-то было. С криком «Огонь!» один из бандитов с винтовкой бросился на меня. Помогло самбо. Неуловимое движение — и винтовка, выстрелив в небо, выбита из рук, а сам, как позже выяснилось главарь шайки, летит на котел с мясом. Попытались оказать сопротивление и другие, но их уже поливал свинцом из автомата капитан Лапчевский. И все же в темноте несколько человек сумели прорваться через пролом в стене, но, освещенные ракетами, попали под меткий огонь лейтенантов Кулика и Белозерова. Таким образом, банда была полностью разгромлена. Только двум раненым бандитам удалось добраться до близлежащего населенного пункта, но там они были задержаны местными жителями.

Подобрав оружие, захоронив убитых бандитов, среди которых был и главарь, прихватив раненых, отряд без потерь двинулся в обратный путь.

По игре случая, раненым бандитам оказывали медицинскую помощь те самые женщины-медики во главе с молодым врачом Селючкиной (ныне работает на Ташкентском авиационном заводе), которых они собирались умыкнуть в рабство за кордон. Возмущались они страшно, но свои обязанности выполняли. Что поделаешь, долг врача — прежде всего, а личное потом.

Личное потом. Этим жили и живут все честные советские люди. Из эпизодов подобных тем, которые я вспомнил в своих скромных записках, состояла вся наша жизнь.

Ярмухамедов Абдулла

1896 года рождения, член КПСС с 1919 года, в органах ВЧК-НКВД работал с 1917 по 1929 год. Умер в 1940 году.

Жизнь Абдуллы Ярмухамедова — члена большевистской партии с 1919 года, чекиста, героя гражданской войны в Туркестане, представляет собой целую книгу героической борьбы за победу Советской власти в Средней Азии.

Беспримерные подвиги А. Ярмухамедова еще при его жизни хорошо были известны всему Туркестану — от Ташкента до Кызылкумов и Душанбе. Его беззаветной храбрости поражались даже товарищи по оружию — чекисты, бывалые бойцы и командиры, сражавшиеся в свое время на других фронтах под командованием С. М. Буденного и В. И. Чапаева.

Коммунистическая партия и Советское правительство по достоинству оценили мужество и стойкость солдата революции. Абдулла Ярмухамедов награжден тремя боевыми орденами Красного Знамени и именным почетным революционным оружием. Очень немногие в те годы были удостоены таких высоких наград.

Февральская революция 1917 года застала А. Ярмухамедова в Катта-Кургане. В сентябре 1917 года Катта-Курганский Совет рабочих, солдатских и дехканских депутатов назначил его начальником милиции города, а после Октябрьской революции, с февраля 1918 года, А. Ярмухамедов — начальник милиции Митанского района. С де-

кабря 1919 года он избран членом коллегии ЧК и председателем уездного ЧК. В конце 1920 года после слияния ЧК и Особого отдела назначается начальником секретно-оперативного отдела, а потом — начальником полتبюро.

...Лето 1922 года. Абдулла Ярмухамедов — уполномоченный ТуркЦИКа по борьбе с басмачеством в Катта-Курганском уезде; 1923 год — заместитель народного комиссара внутренних дел Туркестанской АССР, начальник Советского отдела Политического секретариата Реввоенсовета Ферганского фронта, военный комиссар Алайской военной экспедиции; 1924 год — уполномоченный ТуркЦИКа по борьбе с басмачеством в Западной Бухаре на территории Бухарской Народной Советской Республики, военный комиссар Кызылкумской военной экспедиции.

После национально-государственного размежевания Средней Азии А. Ярмухамедов направляется в Таджикистан, где работает членом Президиума Ревкома, народным комиссаром внутренних дел, возглавляет борьбу против басмачества в Таджикской АССР.

Советский народ неоднократно избирал А. Ярмухамедова в свои высшие органы власти. III Всесоюзным съездом Советов он был избран членом ЦИК Союза ССР, V Всесоюзным съездом Советов — членом Совета национальностей ЦИК СССР, XV Всероссийским съездом Советов — членом ВЦИК. С 1920 по 1926 год А. Ярмухамедов состоял членом ТуркЦИКа, ЦИК Узбекской ССР, Таджикской АССР. С 1929 по 1938 год был членом ЦИК Казахской республики. Абдулла Ярмухамедов неоднократно избирался также в республиканские и областные партийные органы.

Таков сухой перечень основных страниц жизни героя революции.

Одной из интересных страниц в истории военных походов Абдуллы Ярмухамедова против банд басмачей является Алайская военная экспедиция, за умелое проведение которой он был награжден боевым орденом Красного Знамени.

В 1922—1923 годах басмачи, терпя одно поражение за другим, уходят в труднодоступные горные и песчаные районы с тем, чтобы накопить там новые силы и продолжать бандитские налеты на мирные города и кишлаки молодой Туркестанской Автономной Советской Социалистической

Республики. Одним из таких труднодоступных районов была горная Алайская долина, входящая в состав Киргизской ССР. Басмачи давно облюбовали эту долину. Именно сюда слеталось все черное воронье. К тому же в Алайской долине в то время совершенно не было советских воинских частей, фактически не было и органов Советской власти. Все это создавало возможность басмачам безнаказанно хозяйничать здесь.

Для ликвидации басмачества в Алайской долине Реввоенсоветом Туркестанского фронта в начале августа 1923 года была послана военная экспедиция, состоящая из чекистов, дружинников добровольческой милиции и приданного ей конного взвода шестого стрелкового полка второй Туркестанской дивизии. Всего в отряде насчитывалось 300 человек при двух пулеметах. Центральный Комитет Компартии Туркестана назначил военным комиссаром этого экспедиционного отряда заместителя народного комиссара внутренних дел Туркестанской АССР Абдулла Ярмамедова.

...Военное совещание с участием партийных и советских работников закончилось. Конкретный, комбинированный план разгрома басмаческих банд был разработан. Главком РККА Сергей Сергеевич Каменев пожелал всем успехов. Абдулла на совещании также присутствовал. Уже при выходе, у дверей, его остановил начальник штаба Ферганской группы войск В. Д. Соколовский.

— Ну, Абдулла, счастливого пути!

— Спасибо, Василий Данилович, спасибо!

— Командир ты боевой да и опыт у тебя немалый. Я ведь наслышан о твоих боевых делах в Катта-Кургане. Здорово, говорят, ты там потрепал басмачей! Наверное, оставшиеся в живых до сир пор не могут без ужаса произносить твое имя, а?

— Ну что вы, Василий Данилович!

— Не скромничай. Тебе ведь и карты в руки. Кто лучше тебя знает местные условия?

Абдулла с благодарностью крепко пожал руку В. Д. Соколовского и вышел на улицу...

Вновь активизировавшиеся в Ферганской долине басмачи нагнали с каждым днем, совершая гнусные набеги на мирные города и кишлаки. Они поджигали промышленные предприятия, уничтожали посевы, угоняли скот, терроризировали и грабили мирное население, убивали партий-

ных и советских работников, не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей.

Штаб Ферганского фронта был перенесен из Коканда в Андижан — центральный пункт районов, где орудовали банды басмачей. В это время даже сам город Андижан, за исключением привокзального района, фактически находился в руках басмачей. Бандиты настолько обнаглели, что даже рискнули обстрелять поезд Главкома С. С. Каменева при посещении им Андижана.

В начале мая началась операция по ликвидации басмаческих банд в Ферганской долине. Прежде всего стали очищать город от басмачей. Красноармейским частям активно помогали местные жители, которые организовывали добровольческие отряды милиции. Уже через месяц-полтора в таких отрядах насчитывалось более тысячи вооруженных всадников.

Совместными усилиями частей регулярной Красной Армии и добровольческой милиции к концу июля басмаческие банды были разгромлены и рассеяны по всей Ферганской долине. В боях было убито и пленено около 1700 бандитов.

Остатки разгромленных банд уходили в труднодоступные горные районы. В частности, они давно облюбовали Алайскую долину, которая по существу стала опорной базой не только ферганских басмачей, но и головорезов Восточной Бухары, так называемых каратегинских басмачей. Здесь они подлечивались, пополняли конские составы, вновь формировали отряды для продолжения бандитских налетов. Задача состояла в том, чтобы раз и навсегда ликвидировать это воронье гнездо.

План окончательного разгрома басмачей в Алайской долине состоял в том, чтобы нанести комбинированный удар с двух направлений — со стороны Восточной Бухары на Гарм и Каратегин и со стороны Ферганы на Алай — с тем, чтобы зажать банды в тиски, не дать им возможность вырваться из капкана и уклониться от удара красных частей.

Для выполнения этого плана Реввоенсовет Ферганского фронта издал приказ о создании двух экспедиционных отрядов, ответственным руководителем и военным комиссаром одного из которых был назначен Абдулла Ярмухамедов, а командиром отряда — Иван Федорович Маликов.

Задача Каратегинского экспедиционного отряда заключалась в уничтожении банды курбаши Фузаила Максума. На Алайскую же военную экспедицию возлагалось пройти через Гульчинскую крепость по реке Гульче-Суфи-Курган через перевал Хатун-Арт, начать наступление с Верхнего Алая, по мере занятия горных перевалов укрепить их пикетами, чтобы не дать возможность уйти из долины основным силам басмачей — бандам курбашей Тахтамата, Манаса и Нурмата. На восток бандиты отступить не могли, ибо путь им преграждал непроходимый Заалайский хребет, на юг тоже — там находился Каратегинский экспедиционный отряд. Басмачи волей-неволей должны были принять бой с красноармейскими частями.

По приказу отряд под командованием А. Ярмухамедова и И. Ф. Маликова должен был выступить утром 3 августа 1923 года из Оша.

В ночь перед выступлением Абдулла долго не мог уснуть. Все думал о будущих боях, мысленно старался представить весь тот путь, который надо пройти отряду, думал о том, каждый ли боец понял свою задачу, уяснили ли участники экспедиции всю ответственность предстоящего похода. Глубоко за полночь, наконец, задремал...

Проснулся от гогота стаи диких гусей, чей крик напоминал скрип телеги. Птицы низко летели над многочисленными, уже начинающими темнеть предгорными холмами.

Да, рано наступает осень в горах. На дворе еще август, а трава по утрам уже покрывается белым холодным инеем.

Абдулла, поживаясь от утренней свежести, долго смотрел в окно. Горы, горы, провалы бесчисленных мелких озер, образовавшихся еще весной после разливов рек. Вершины величественных гор покрыты вечными снегами. Прямой, богатый и необыкновенный край. Не случайно крик гусяного стада был унылым: кому охота покидать такие места...

И работать бы народу, который вздохнул наконец-то полной грудью при новой, Советской власти. Да нет, шакалы-басмачи не дают покоя, вконец разорили этот чудесный, словно сказочный край, которому природа подарила все, чтобы люди счастливо жили. И от этой мысли еще большей ненавистью к бандитам проникся комиссар.

— Пора кончать с этой сволочью, — вслух сказал Абдулла и решительно стал одеваться...

Отряд вытянулся длинной цепочкой по два всадника в ряд. К 14 августа он, имея по пути несколько мелких стычек с дозорами из банды Тахтамата и Нурмата, достиг Дараут-Кургана. Здесь намечалось дать бойцам последний отдых, сформировать отдельные гарнизоны по 30—40 сабель, закрепить за ними районы действия, создать несколько так называемых летучих отрядов и начать преследование басмачей.

Жители Алайской долины, прятавшиеся до сих пор от бандитов в горных ущельях, стали постепенно спускаться в долину и группироваться вокруг гарнизонов, видя в них своих защитников. Они всячески помогали красноармейцам, доставляя им продовольствие, фураж для лошадей. Отдельные жители изъявляли желание идти вместе с бойцами в дозоры, быть проводниками.

Рано утром 15 августа дозорные отряда недалеко от стоянки экспедиции задержали одного подозрительного всадника без оружия. Он назвался жителем Андижанского уезда. На вопрос, куда он едет, тот ответил, что возвращается из Каратегина после продажи там баранов. Дозорные все же решили привести его в штаб.

Один из бойцов отряда, доброволец киргизской милиции, увидев около штаба задержанного, сразу признал в нем родного брата кровожадного курбаши Курширмата курбаши Рузымата.

Допрашивал Рузымата комиссар. Бандит, конечно, все стал отрицать, говорил, что он-де бедный дехканин, что его с кем-то путают... Тогда комиссар приказал тем дозорным, которые привели басмача, вернуться на место задержки бандита и тщательно осмотреть местность.

— Не может быть, чтобы Рузымат ехал просто так, — ответил Абдулла на немой вопрос Ивана Федоровича. — Чувствую, он что-то должен был везти с собой, может быть очень важное. И не случайно он без оружия. Так, мол, безопаснее. А ты как думаешь, командир?

— Согласен с тобой, Абдулла.

Предположения комиссара оправдались. Не прошло и часа, как бойцы вернулись с пачкой бумаг и писем.

— Где нашли? — обратился к ним комиссар.

— Недалеко от места, где его задержали, — ответил молодой милиционер-узбек. — Трава там густая, смотрю — лежит вот этот сверток. Продолжили поиски, но больше ничего не нашли.

— Ну, молодцы! Спасибо! Можете идти отдыхать.

— Есть, товарищ комиссар!

Письма оказались от сбежавшего в Афганистан Курширмата. Адресованы они были ферганскому курбаши Казакбаю и другим главарям басмаческих шаек. В одном из них Курширмат писал Казакбаю, что необходимо все усилия приложить к тому, чтобы продержаться несколько месяцев. В скором времени он с помощью эмира бухарского и афганского правительства с несколькими сотнями джигитов сам прибудет в Фергану. Уже недалеко то время, успокаивал он своих «друзей», когда Англия объявит войну Советам, и мы вместе, с помощью аллаха, разобьем гяуров, восстановим старые порядки.

— Вот, подлец! — воскликнул комиссар. — До сих пор надеется на что-то! Неужели он еще не понял, что песенка его давно уже спета! Подвернулся бы он сейчас нам, мы ему показали бы Англию!

Пойманного брата Курширмата решили тут же отправить под усиленной охраной в Андижан в Особый отдел 2-й стрелковой дивизии. Письма были отосланы туда же.

— Павел Михайлович Богомолов, начальник военно-агентурной разведки дивизии, разберется, что к чему, — думал комиссар, вспоминая об этом умном чекисте, не раз успешно разгадывавшем сложные ребусы противника.

Операция продолжалась. Тиски вокруг басмачей сжимались все крепче. Бандиты метались словно загнанные волки, ища выход из умело расставленного капкана. Но тщетны были их усилия: все горные перевалы были намертво закрыты. И все же басмачи не решались вступить в открытый бой с отрядом.

26 августа один из летучих отрядов экспедиции во главе с комиссаром неожиданно нарвался на шайку Тахтамата и Манаса на перевале у местечка Кичик-Карамых. «На ловца и зверь бежит», — радостно подумал Абдулла. Застигнутые врасплох басмачи вынуждены были принять бой. Завязалась перестрелка.

Рассчитывая, что бой будет идти по крайней мере часа полтора-два, комиссар отобрал из отряда 25 бойцов, назначил старшего и послал эту группу в обход, чтобы отрезать отступление бандитам.

Басмачи не заметили, как разделился отряд. Они ожесточенно продолжали отстреливаться.

Абдулла с тревогой смотрел то на небо, которое медленно, но настойчиво обволакивалось тяжелыми черными тучами, то на часы. «Успеют ли наши?», — беспокоился он. Идти в решительное наступление комиссар не торопился: знал, что басмачи как трусливые шакалы сразу побегут, а догнать их они не смогут — кони устали, да и бойцы почти двое суток не слезали с седел. Другое дело, когда наши закроют выход, тогда конец бандитам.

Но что это? Дождь... Мало этого — надвигался еще и густой туман.

— Вот не везет! — в сердцах выругался комиссар. Ждать больше нельзя.

Удар отряда был неожиданным, но все же большая часть басмачей успела бежать.

Потерь в отряде не было. Только один боец получил легкое ранение в ногу. Семь басмачей были убиты, двое захвачены в плен, в том числе сам курбаши Манас.

Дождявшись группы бойцов, которая была послана в обход, отряд к вечеру спустился с гор в долину и в местечке Катта-Карамых остановился на ночевку.

В кишлаке было пусто. Сразу видно, что здесь недавно хозяйничали басмачи. Население, видимо, скрывалось где-то в горах.

Раставив посты, устроив бойцов на отдых, Абдулла решил допросить пленного. Тот охотно рассказал комиссару, что Тахтабат далеко не может уйти, ибо несколько дней назад они имели перестрелку с отрядом из Каратегинской экспедиции, а потому единственное место, где может скрываться курбаши, — это местечко Бок-Баш, что неподалеку от пика генерала Кауфмана. Абдулла решил с утра направиться туда по свежим следам.

На другой день после шести часов безрезультатных поисков отряд остановился в одном киргизском ауле в Бок-Башском районе. На фоне яркой синевы неба отчетливой белизной сверкали заснеженные вершины хребта. Любуясь величественной панорамой горного пейзажа, комиссар устало присел на камень.

— Кажется, обманул меня пленный басмач, — подумал Абдулла. — Надо еще раз его допросить, потом подумаем, что делать дальше.

— Комиссар! Где комиссар? — раздался вдруг чей-то голос.

— В чем дело?— поднялся Абдулла и направился к группе бойцов, которые остановились около кибитки на окраине аула.

— Да вот пленного привел фотограф отряда товарищ Медведь.

И на самом деле, перед красноармейцами, понуро опустив голову, сидел связанный басмач. Рядом с ним, смущенно переминаясь с ноги на ногу, весь красный от волнения, стоял фотограф Матвей Зиновьевич Медведь. В свое время он напросился в экспедицию, чтобы запечатлеть для потомков разгром басмачей на пленку. И он с первых дней экспедиции был ее участником.

— Это правда?— спросил комиссар Матвея Зиновьевича.

— Да,— все еще волнуясь, ответил фотограф.

— Как же это произошло? И где вы его взяли?

— Тут, недалеко, товарищ комиссар. Залюбовался я здешними местами. Думаю, до чего же красивые! Решил сфотографировать пик Кауфмана. Только поставил треножник, прикрутил свою машинку, стал наводить на пик. И что за черт! Вижу в объективе эту морду,— кивнул он в сторону басмача,— с поднятыми руками. Сперва даже не понял...

Оглушительный взрыв смеха оборвал рассказ фотографа. Смеялись долго. Почти весь отряд собрался к домику.

— Вы были без оружия?— спросил Абдулла фотографа.

— На этот раз я, как назло, не взял карабина, товарищ комиссар,— ответил Медведь.— Думал, что ведь совсем близко от отряда, обойдусь. Кто знал!

— В другой раз прошу без оружия ни на шаг от отряда. Может случиться неприятность. Хорошо, что так все обошлось. Ведь не каждый басмач примет ваш фотоаппарат за новый вид оружия.

— Слушаюсь, товарищ комиссар!

Допрошенный пленный сообщил, что шайка Тахтамата находится совсем рядом. Абдулла тотчас же отменил отдых. Столь благоприятного момента для накрытия шайки трудно было найти. Через пять минут отряд выступил.

Басмачи никак не ожидали удара отряда А. Ярмухамедова. Он был настолько внезапным и сокрушительным, что бандиты не успели произвести ни одного выстрела.

Вся шайка во главе с курбаши Тахтаматом была взята в плен.

На другой день в отряд прибыла делегация с письмом от курбаши Нурмата, в котором последний изъявил желание добровольно сдаться в плен вместе со всей своей бандой.

К концу сентября вся Алайская долина была очищена от басмачей...

Осень уже вступила в свои права. И хотя здесь начинался период дождей, небо было безоблачно, а солнце светило как-то особенно ласково...

*Ч. Абуталипов,
Н. Алеев*

Калмыков Сергей Васильевич

1902 года рождения, член КПСС с 1920 года, в органах ВЧК, ОГПУ и МВД работал с 1920 по 1947 год. Комиссар милиции в отставке.

Турецкий шпион, он же агент английской разведки Риза-Али бей пробирается из Константинополя в Коканд. Здесь он создает подпольную организацию, во главе которой становится влиятельный духовник Наим-Кудрат. Реакционные духовники, местные буржуазные националисты, русские контрреволюционеры и английские колонизаторы, мечтавшие завладеть богатствами Туркестана, — вот те силы, которые породили организованное басмачество.

Ограбления, поджоги, зверские убийства, насилия! Все это — дело рук кровавых курбаши. Не недели, не месяцы, а годы свирепствовали они в городах и кишлаках Ферганской долины и в других областях Туркестанского края.

Но басмачество потерпело крах. Оно не выдержало натиска трудового люда, руководимого коммунистами. Народ приступил к мирному строительству.

Об этом рассказывает в своих воспоминаниях С. В. Калмыков, комиссар милиции III ранга в отставке, принимавший непосредственное участие в ликвидации басмачества.

ГОСТЬ ИЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Представим себе Константинополь почти полувековой давности. Пройдем по улицам и площадям, поглядим на людей в красных фесках. Обратим внимание на ничем не примечательного человека — турок как турок — сухощав,

смугл, лицо удлиненное, нос с небольшой горбинкой. Вот только военная форма капитана выделяет его среди других. Он идет, слегка бравирюя, окидывает ленивым взглядом встречающих. В глазах у одних выражение почтения, у других — подобострастия. Турки любят военных. Это чувство живет в каждом турецком сердце еще с тех времен, когда Оттоманская империя была грозой Европы. Когда ее армия наводила ужас на многие страны, а ее могучий флот диктовал законы на море.

Пойдем за капитаном. Будем идти за ним по дорогам времени год за годом, пока не приблизимся к тем событиям, которые нас интересуют.

Зовут офицера Риза-Али бей, он уроженец Константинополя, сын крупного чиновника. В начале века окончил военное училище — харбие и по просьбе отца был оставлен на службе в столичном гарнизоне.

Через пять лет Риза-Али получил капитанский чин. Он был хорошим служакой, но не это определило его карьеру. Отец всегда вовремя умел поговорить с кем надо, и результат, как видите, налицо. К сожалению, заботливый родитель вскоре отбыл в мир иной, после чего продвижение юного капитана по служебной лестнице застопорилось.

Он не испытывал острой нужды в деньгах, не торопился обременять себя семьей, жил, как говорится, в свое удовольствие. Играл в кости, и довольно крупно, обожал, как всякий истинный турок, кальян и черный кофе. Мимоходом увлекался декольтированными иностранками.

Риза-Али бей направлялся в самый фешенебельный район города — Галату. В нем на каждом шагу роскошные магазины, дворцы из мрамора, отели и богатые кафе, где подают великолепный черный кофе. Турки называют Галату городом франков. В этом знаменитом квартале сосредоточено большинство иностранных посольств.

Отпивая маленькими глотками кофе, смакуя его, затягиваясь крепким дымом кальяна, капитан метал черные полированные кости. Ему везло, как всегда. Азартные купцы в красных фесках просаживали большие деньги. Они уходили из кафе точно опустошенные мешки, так заметно, на глазах, они худели. Лица же принимали синеватый оттенок.

Капитан был бесстрастен. Выигранные деньги прокучивал тут же, в кафе, в обществе щеголеватых офицеров и декольтированных дам.

Риза-Али бей любил такую жизнь, он отдавал ей все свободное от службы время. Он не мыслил вечера без того, чтобы не побывать в Галате.

Но на этот раз ему не везло. Он просадил все до копейки. Стал играть в долг. В игру включился известный всему Константинополю купец Хаджи Ахмед. Когда очередь дошла до Риза-Али бея — он должен был метать кости, купец потребовал выложить на поднос деньги. Капитану не хотелось отпускать Хаджи Ахмеда с выигрышем. Он знал по опыту: фортуна должна повернуться к нему лицом. Предупредив, что скоро вернется и продолжит игру, крикнул слуге:

— Вызовите для меня автомобиль!

— Слушаюсь, господин! — слуга исчез из зала.

Риза-Али бей скоро вернулся. Карманы его топырились от толстых пачек с кредитными билетами. Это были казенные деньги. Капитан надеялся, что отыграется, он верил в свою звезду.

Затянувшись кальяном раз, другой, третий, он бросил кости... Выигрыш! Снова бросил... Выигрыш!

Как ни умел владеть собой капитан, а тут не сдержался. Азартная дрожь трясла тело.

— На все! — крикнул он...

Выигрыш!

Когда один из проигравшихся поднялся, его место занял адвокат Джевад эфенди. Вылощенный, чопорный, он походил на англичанина. Джевад эфенди долго жил в Лондоне, там получил юридическое образование.

Адвокат предложил крупную игру. Риза-Али бей согласился. И тут счастье снова изменило ему. Кости падали с гробовым стуком, очки были мизерно малы. Пачки с кредитками одна за другой переходили в карманы адвоката.

Капитан потребовал бокал коньяку с лимоном. Выпил залпом, не поморщившись, не ощутив вкуса. Играл как в тумане. Метал, отсчитывал деньги, с жадностью наркомана присасывался к чубуку кальяна.

Последняя пачка была передана адвокату. Все, конец! Риза-Али бей выпил точно воду второй бокал коньяку. Встал, пошатываясь. Жилы на висках набухли: вот-вот лопнут. Повернулся, в три шага добрался до дивана, упал на него, закрыв лицо руками. Из горла вырвался стон:

— О, аллах, ведь это казенные деньги!

Адвокат стоял рядом.

— Вы с ума сошли, капитан! Вас могут услышать... Возьмите себя в руки. Сейчас поедem ко мне.

На следующее утро Риза-Али бей проснулся от сильной головной боли. Сначала он не мог вспомнить, где находится. Лежал на низкой тахте в комнате, увешанной коврами. Напротив в тяжелой золоченой раме висел портрет Магомета Второго-завоевателя. Рядом с тахтой маленький столик, на нем кальян и чернильный прибор. На стене телефонный аппарат.

Капитан напряг память. Стал вспоминать... Деньги! Холодный пот покрыл лицо. На секунду забыл о головной боли, ужас сковал сердце... Ну, а потом? Что было потом? Поехали к Джеваду эфенди. Пили. Хохотали. Какие-то женщины. Какая-то бумага. И вот этот чернильный прибор...

Дверь отворилась. В комнату вошли адвокат и человек в штатском. Риза-Али бею показалось, что он где-то видел этого человека. Но где? Когда?

Джевад эфенди улыбался. Он подошел к капитану, поздоровался с ним, справился о здоровье. Сделав вид, что не замечает его смущения, он произнес на английском языке:

— Моего друга я представлял вам вчера. Если вы запомнили, я позволю себе назвать его имя еще раз... Майор Кейли!

Человек в штатском сделал шаг вперед и слегка, но резко кивнул головой.

И тут Риза-Али вспомнил, что не раз встречал Кейли во многих кафе Галаты, а нынешней ночью, будучи сильно пьян, он о чем-то говорил с майором, бахвалился, подписал какую-то бумагу.

Кейли бесцеремонно прервал воспоминания капитана. Он сказал холодно и бесстрастно:

— Господин капитан, вам следует поторопиться с туалетом. Иначе вы рискуете опоздать на службу, а это может вызвать подозрение.

Майор выждал несколько секунд, продолжая все это время глядеть в упор на турецкого офицера. Он словно приказывал ему. А тот, кому приказывали, скованный холодным взглядом, ждал, что скажет еще надменный англичанин.

— Вы, господин капитан, став агентом английской разведки, не должны допускать опрометчивых поступков. Вы

теперь несете самую строгую ответственность за все свои действия. Запомните это.

Вначале удивление, а потом ярость охватили Риза-Али бей.

— О какой связи с английской разведкой вы говорите? При чем тут я?

Кейли не изменил выражения лица. Также бесстрастно он проговорил:

— Прекратите крик. Вас может услышать прислуга, а это, уверяю вас, не в вашу пользу.

Риза-Али бей ринулся в угол комнаты, где висел телефонный аппарат.

— Можете не трудиться, телефон выключен,— заметил с той же медовой улыбкой Джевад эфенди.

— Ах так...

— Послушайте, капитан, не расходуйте напрасно энергию. И не разыгрывайте наивного ребенка,— Кейли процедил это сквозь зубы, не отводя взгляда от бесновавшегося Риза-Али бей.— Вот ваши деньги, которые вы вчера проиграли адвокату. А вот дислокация турецких пограничных войск, которую вы вчера добровольно передали мне, благо она находилась у вас в планшете. Имейте в виду, дислокация сфотографирована и сегодня утром отправлена в Лондон... Вместе с распиской о согласии сотрудничать в английской разведке. А вот этот сверток вам за труды. Возьмите его, здесь деньги.— Англичанин бросил сверток на низенький столик.

Риза-Али бей все еще был в гневе. Услышанное не залпом, а короткими очередями доходило до ума. Когда дошло, лицо застыло в трагической маске. Потом задрожало. Тело обмякло, рыдания сотрясли его.

Джевад эфенди подмигнул Кейли. Подошел к капитану. Положил ему на плечо руку.

— Мой наивный брат. Зачем так убиваться. Уверяю вас, ничего страшного не произошло. Наоборот, вам чертовски повезло. Вы избавились от позора — проигранные деньги стоили бы вам тюрьмы. О вашей новой службе никто не будет знать, кроме майора Кейли и меня. Ваши труды будут прекрасно оплачиваться и вы станете жить еще лучше, чем жили до сих пор.

Кейли знаком руки остановил адвоката.

— Перейдем к делу, капитан. К вам будут приходить

люди. Наши люди! Запомните пароль, заучите его наизусть. Гость обратится к вам со словами: «Гараджи¹ справляется о вашем здоровье». Вы ответите: «Молитвы всевышнему вселяют в меня силы». После этого гость скажет: «Мир да будет с вами». Это все. Можете смело посвящать посланца во все тайны.

Кейли замолк. Его молчание было настолько красноречивым, что Риза-Али бею ничего не оставалось делать, как отвесить поклоны майору и адвокату, а затем проследовать в ванную. Он не имел права опаздывать на службу. Так было заведено всегда. Теперь это правило стало для него законом.

* * *

Капитан не изменил образа жизни. Он продолжал бывать в Галате каждый вечер. Да и нельзя было поступить иначе, это показалось бы подозрительным.

Прошло месяца два. Как-то, сидя в кафе, Риза-Али познакомился с майором Нияз беем, командиром отдельного батальона. За первой беседой последовало много других. Однажды вечером Риза-Али встретил Нияз бея в квартале Топхане. Майор пригласил капитана к себе домой, на чашку кофе. Когда друзья расположились на диване и в ожидании кофе наслаждались душистым кальяном, Нияз бей от пустых разговоров перешел к делу.

Он начал жаловаться на то, что некогда могущественная Оттоманская империя пришла в упадок и что виной этому последние бездарные султаны.

Капитан поначалу насторожился, но, видя, что майор говорит откровенно, стал вторить ему. Этого оказалось достаточно. Нияз бей посвятил друга в свою тайну.

— Если вы поклянетесь аллахом, что не выдадите меня, я открою вам секрет огромной политической важности.

Чрезвычайно заинтересованный и взволнованный, Риза-Али произнес клятву. Майор сидел строгий, на лице его резко обозначились глубокие морщины. Он говорил тихо, но каждое его слово звучало как удар меча о меч.

— В 1894 году известный турецкий публицист Ахмед Риза создал тайную политическую организацию «Иттихад-вз-тереке»². Шли годы, организация не прекратила своего

¹ Господин (турец.)

² Единство и прогресс.

существования, наоборот, окрепла, выросла. При Константинопольском военном училище было создано боевое отделение «Иттихад-вэ-тереке». Его организовали такие доблестные офицеры, как Ушак Сукути, Абдулла Джевдет и другие. В этой организации состою и я...

Риза-Али с жадностью слушал майора. Он был ошеломлен столь дерзким откровением. Неожиданно для себя спросил:

— Какую конечную цель преследует «Иттихад-вэ-тереке»?

Нияз-бей ответил. Но уже не тихо, а резко, требовательно:

— Устранить бездарного султана Абдул-Гамида и захватить власть в свои руки, чтобы вернуть Турции былую славу!

Капитан не дрогнул. Он задал еще вопрос:

— Доверив мне тайну, вы, я думаю, доверите и другую. Кто возглавляет это благородное, патриотическое дело?

— Я доверяю вам! Организацией руководят Талаат паша, Энвер бей и Джемаль паша!

Риза-Али бей не удержался от восклицания:

— О всемогущий аллах, пошли этим мужественным людям великую удачу!

Теперь не удержался майор:

— Я так и знал, капитан, что вы наш единомышленник! Подтвердите свое согласие клятвой, и вы — член «Иттихад-вэ-тереке»!

— Клянусь!..

Оба офицера поднялись с дивана, заключили друг друга в объятия и обменялись поцелуями в голову.

— Как я рад, что организация пополнилась еще одним боевым офицером. Теперь, капитан, я открою третью тайну — привлечь вас мне поручил Энвер бей!

Так английский шпион Риза-Али бей стал членом подпольной организации «Иттихад-вэ-тереке», известной под названием «младотурков». Спустя некоторое время он вовлек в организацию своего племянника Сабира эфенди, только что окончившего Константинопольское военное училище.

Младотурки решились на открытое выступление. Первым взбунтовался майор Нияз бей. Батальон его ушел в горы. За майором последовали Риза-Али бей и Сабир

эфенди. Спустя несколько дней взбунтовался полк, которым командовал Энвер бей. Полк также ушел из Константинополя в горы. За ним пошли другие части, во главе их были офицеры-младотурки.

Собрав силы, главари «Иттихад-вэ-тереке» совершили дворцовый переворот. Случилось это в ночь на 23 июня 1908 года. Однако часть сторонников султана осталась на своих местах. В том числе и великий везирь — Махмуд Шевкет паша.

В январе 1913 года младотурки убили везиря. Власть сосредоточилась в руках триумvirата. Талаат паша занял пост министра внутренних дел; Энвер — уже не бей, а паша — стал военным министром; Джемаль паша — морским министром.

В один из майских вечеров 1914 года адъютант военного министра майор Нияз бей вызвал своего друга и сообщил, что его желает видеть Энвер паша.

Через минуту Риза-Али вошел в роскошный кабинет тридцатидвухлетнего министра, который к тому времени уже был фактическим диктатором Турции.

Энвер паша поднялся из-за стола, протянул руку капитану.

— Поздравляю, бей, с производством в майоры. Приказ мною подписан.

Пригласив Риза-Али сесть, Энвер паша начал мерить шагами кабинет, отрывисто бросая фразы:

— Я хорошо знал вашего отца, майор. Досконально изучил я вас самого. Вы мое доверенное лицо, и я хочу поручить вам сложное, очень ответственное дело.

Паша прошел к двери кабинета, вернулся к столу.

— Наша партия «Иттихад-вэ-тереке» призвана сыграть историческую роль. Мы решили послать во все мусульманские страны способных людей, чтобы они создали на местах филиалы организации. Разумеется, эти доверенные лица будут вынуждены на первых порах находиться на нелегальном положении. Это трудно, это опасно, но задачу выполнить надо — готовить джихад¹ против неверных. По моему настоянию, майор, вас решено послать в русский Туркестан. Скажите прямо, сумеете ли вы оправдать мое доверие?

¹ Священную войну.

Риза-Али вскочил, щелкнул калбуками. Сказал, поедая глазами министра:

— Как офицер великой Порты, я до конца исполню свой долг!

— Хвала всемогущему аллаху, что у нас есть такие люди, как вы, майор! Однако учтите, в Туркестане вы будете действовать под вымышленной фамилией.

— Понимаю, мой паша.

— Кем бы вы хотели стать, бей?

— По мусульманскому обычаю имя сыну дает отец. Осмелюсь просить, мой паша, быть для меня отцом.

— Я согласен,— довольным тоном проговорил министр.— Мне кажется, что имя и профессия должны быть самые обычные. Ну, например, учитель Суфи Аббасов. Что вы на это скажете, майор?

— Очень рад, мой паша!

— Да, кстати, вы можете гордиться своей новой фамилией. Так звали родного дядю нашего пророка. Он был лучшим лазутчиком в армии Магомета. Я распоряжусь, чтобы заготовили документы. А теперь сядьте и слушайте, что я скажу еще... Связь с вами будет поддерживать мой человек. Он явится к вам и покажет вот это.— Паша достал из ящика стола янтарные четки.— Скажет: «Не купите ли у меня четки?» Вы возьмете их, пересчитаете бусинки и ответите: «Здесь не хватает одной». Тогда посланный добавит: «Одна бусинка хранится у меня отдельно». Чтобы не было ошибки, возьмите бусинку и взгляните в нее. Видите, на ней написано по-арабски: «Ля-иллях-аль-Алла».

На следующий день Риза-Али получил от своего друга Нияз бея паспорт на имя Суфи Аббасова и документы о педагогическом образовании. Адьютант сказал:

— Энвер паша приказал передать вам, майор, что вы продолжаете на время длительной командировки оставаться в списке офицеров. Очередной чин вам будет присвоен по выслуге лет или раньше срока, если вы отличитесь, выполняя задание. Жалование и вознаграждение за работу будут вноситься в банк на имя Риза-Али бея... А вот этот пакет вам на расходы. Здесь русские деньги. До границы вас проводит специальный человек. Указания о переброске через границу уже даны.

Офицеры распрощались. Майор Риза-Али бей вышел из кабинета адъютанта.

Вернувшись домой, он стал готовиться к отъезду. День медленно угасал. В комнате сгустилась темнота. Майор пошел к окну, распахнул его. В лицо подуло свежим ветром с Босфора.

С тех пор, как его завербовала английская разведка, он аккуратно выполнял задания. Работал не за совесть, а за страх. И за хорошее вознаграждение. Но теперь все изменилось. Он уезжает в Туркестан. Англичане потеряют его.

Риза-Али не отрывался от окна. Он прощался с Константинополем.

Постучали в дверь. Подумав, что слуга принес кальян, майор сказал, не оборачиваясь:

— Входи!

Но в комнату вошел незнакомый человек в европейском костюме и в феске.

Вошедший осмотрелся и, убедившись, что в комнате никого нет, кроме хозяина, сказал:

— Гараджи справляется о вашем здоровье.

Риза-Али бей резко повернулся. Забыв об условленном ответе, спросил с раздражением:

— Что еще нужно от меня?

— Мир, да будет с вами,— вкрадчиво произнес незнакомец, договаривая до конца пароль.

— Хорошо, я понял! Скажите, что еще нужно?

— Мне приказано проводить вас к Джеваду эфенди,— незнакомец прижал руки к груди и низко поклонился.

Майор Кейли встретил Риза-Али бея приветливо, даже ласково. Пододвинув ему кресло, заметил:

— После встречи с военным министром вы выглядите намного бодрее, чем прежде.

— Вы уже знаете об этом?

— А разве вы, майор,— Кейли подчеркнул последнее слово,— сомневались в осведомленности британской разведки?

— Ах вот как! Вам известно и о моем производстве в следующий чин?

— Мы знаем больше. Нам известно, что вы едете в Туркестан. Это очень важно. Королевское правительство Туркестаном интересуется не меньше, чем Индией. Видимо, со временем нам придется скрестить шпаги с русскими и где-то в долинах Аму или Сырдарьи.

Кейли кивком выслал из комнаты Джевада эфенди. Предложил собеседнику сигару. Придвинувшись ближе, сказал с тихой ласковостью:

— Я пригласил вас, чтобы условиться о дальнейшей работе в связи с вашим отъездом. Пароль для связи останется прежним. Там, в Туркестане, вас легко разыщут наши люди.

— Что я должен делать?

— Совсем немногое, дорогой коллега,— улыбнувшись, ответил Кейли.— Выяснить, какие укрепительные работы русские проводят на границах с Афганистаном и Персией. Какова численность войск в Туркестане и особенно в Асхабаде, Термезе, на Памире, в Ташкенте. Кроме того, прошу собрать точные сведения о том, как относится туземное население к русским и что говорит о нас, англичанах.

Кейли откинулся на спинку кресла. С удовольствием затянулся сигарой. У него был вид человека, сытно пообедавшего и озабоченного лишь тем, чтобы хорошо переварилась пища.

— Вот, пожалуй, все, что я хотел вам сказать, бей... Не забывайте копии ваших сводок турецкой разведке пересылать нам. А теперь о вознаграждении. Деньги за работу вам будет переводить банк на имя купца Джаббара Гуссейна. Вот документ о том, что вы являетесь указанным купцом. Гуд бай, майор!

Риза-Али бей пошел к двери.

— Остановитесь, бей!— жестко произнес Кейли.— Имейте в виду, если вы станете увиливать от работы, вам не сдобровать. Не вздумайте также нас дезинформировать. Ваша расписка и другие компрометирующие материалы хранятся в надежном сейфе. В случае чего мы сможем передать их русским и турецким властям. О последствиях, надеюсь, говорить не стоит?.. Можете идти, майор. Счастливого пути!

* *
*

Будучи союзницей Германии, Турция вступила в войну с Россией. Весть об этом молниеносно облетела все махаллы и гузары старого Коканда. На базарах, в чайханах, в караван-сараях, на площадях люди собирались группами, вели вполголоса разговоры о войне.

Реакционное духовенство и буржуазные националисты восхваляли Турцию, предсказывая неминуемую гибель России.

Дехкане и ремесленники говорили о войне куда меньше, чем богатеи. Довольно часто можно было слышать такое: «Сейчас нас грабят наши баи. А придут турецкие и они сядут нам на шею». Или: «Нынче мы батрачим на своих баев, а придут турки, станем батрачить на баев и эфенди», «Черная собака, белая собака, все равно собака», «Уж видно, так угодно аллаху, чтобы бедняк всю жизнь работал на бая».

...Ноябрь 1914 года выдался на редкость солнечный. Как всегда по пятницам, большая чайхана в Янги-Чорсу была переполнена. В углу на айване сидел человек лет тридцати пяти — сорока. На нем был шелковый халат, надетый поверх дешевого черного европейского костюма. На голове черно-белая маргеланская тюбетейка с аляповатыми узорами. Лицо удлинненное, нос с горбинкой, а борода с проседью, аккуратно постриженная. Медленно отпивая чай, он равнодушно глядел через открытую дверь на улицу. Но равнодушие было показным. На самом деле человек очень внимательно прислушивался к разговорам вокруг. Больше всего его интересовала беседа сидевших неподалеку людей, одетых, как и он, в шелковые халаты.

Они довольно громко говорили о младотурках, которые, захватив власть, теперь успешно ведут войну с Россией. Наибольшую осведомленность проявлял один из них, которого звали Араббаем. Он с уважением произносил имя Энвера паши, характеризуя его как видного государственного деятеля.

Неожиданно Араббай обратился к человеку в углу. Он протянул ему пиалу с чаем.

— Таксыр, примите, пожалуйста. Вы уже давно наливаете чай из пустого чайника и ваша пиала остается пустой.

Человек вздрогнул. Забормотав извинения, принял с благодарностью пиалу.

Араббай спросил:

— О чем вы задумались?

Незнакомец отпил чай. Ответил:

— Сегодня на базаре я случайно купил одну старую книжку. Это оказался Маджмуан шуара¹ времен Омар-

¹ Сборник стихов.

хана. В числе прочих я обнаружил стихи поэтес Зиннат и Мазхуны. Читал и восхищался ими. Подумал, до чего же вы, ферганцы, талантливый народ, как чувствуете прекрасное!

Эти слова не могли не расположить слушателей. Его пригласили в круг, познакомили со всеми. Кто-то спросил:

— Вы сказали ферганцы, обращаясь к нам. Разве вы не ферганец?

— Нет, я всего лишь несколько дней в Коканде,— ответил человек, понизив голос.

Араббай и его друзья переглянулись. В глазах у них засветилось любопытство.

— Просим прощения, таксыр! Назовите свое имя и скажите нам, откуда вы приехали?

— Меня зовут Суфи Аббасов, я — учитель. Приехал из Ташкента и хочу обосноваться в Коканде. А родом я,— человек помолчал секунду,— из Турции.— Тут же добавил печально:— Только покинул я свою родину давно, больше десяти лет назад.

— Я так и подумал!— радостно воскликнул Араббай.— Я так и подумал, что вы турок!— Он протянул Аббасову руку, горячо пожал. За ним то же проделали другие.

Круг собеседников сомкнулся теснее. Всем хотелось послушать, что станет рассказывать их новый знакомец, настоящий турок, человек великой страны, которая ведет победоносную войну с неверными. Но Аббасов был осторожен, он понимал — здесь не место говорить откровенно. К тому же в чайхане появился мингбаши. Араббай сказал:

— В эту пятницу приглашаю всех на плов.— Обратившись к Аббасову, проговорил почтительно:— Вас, Суфи-ака, тоже прошу придти. Дома мы продолжим разговор о поэтических достоинствах ферганцев.

Прошло несколько месяцев, как Суфи Аббасов осел в Коканде. Устроился учителем в туземную школу. Через Араббая и его друзей обзавелся обширным кругом знакомых, в основном туркофилов. Часто в квартире Аббасова или у кого-либо из его друзей устраивались беседы, главным образом о турецких султанах Османе, Мураде Первом, Магомете Втором.

Вначале Суфи Аббасов довольно сдержанно говорил с своей родиной, бывало, очень резко отзывался о некоторых

султанах. Рассказывая об Орхане — основателе войска янычар — осуждал его за то, что своих янычар¹ султан набирал из детей неверных. Случалось, что Суфи поругивал и Энвера пашу, обвиняя его в убийстве великого везира Махмуда Шевкета паши. Не одобрял политики Энвера, которая привела к войне с Россией.

Слыша такое, панисламисты распалялись. Они выворачивали души наизнанку. Аббасову это и было нужно. За год он отлично изучил своих знакомцев. Знал, кто чем дышит, кто на что способен.

Как-то, придя в дом Араббая, Суфи застал там нового человека. Выше среднего роста, лет сорока, с черной выхленной бородкой человек любезно ответил на приветствие Аббасова, изучающе глядя на него. Обращали на себя внимание его глаза — узкие, искристые, хитрые.

— Суфи Аббасов!

— Хамиджан Мухамедов, хозяин озокеритовых рудников!

Первым заговорил Хамид-Чатак²:

— Я давно слышал о вас, эфенди, и все время искал случая познакомиться. Сегодня я счастлив, мое желание сбылось. Очень рад в вашем лице приветствовать воинственную Турцию!

Суфи сразу понял, что перед ним стоит человек, с помощью которого он сможет выполнить задуманное. «Богат, хитер, дальновиден. С таким можно перейти от слов к делу!» Но ответил, скромно улыбнувшись:

— Напрасно вы называете меня эфенди, я всего-навсего учитель. За приветствие Турции спасибо, но не могу его принять — я уехал из Константинополя больше десяти лет назад и, к сожалению, ничем не мог помочь младотуркам.

Собрались гости. После плова, когда Араббай принес горячий чай, он попросил Аббасова рассказать об Энвере паше и о младотурках, захвативших власть в свои руки.

Суфи начал издалека. Он изложил историю Турции, начиная с XVI века. Дойдя до возникновения «Иттихад-вэ-тереке», он увлекся. Рассказывал с подробностями, которые были ему известны от майора Нияз бея. О своей

¹ Янычары — воины.

² Хамиджан Мухамедов имел прозвище «чатак», т. е. путаник, хитрец.

принадлежности к партии младотурков он не обмолвился ни словом.

Хамид-Чатак неожиданно спросил:

— Вы сказали, что уехали из Турции очень давно. Но откуда вы знаете столь подробно о дворцовом перевороте, об убийстве великого везира и о многом другом?

Аббасов смутился. Никто и никогда не задавал ему такого вопроса. И вместе с тем он был доволен — он не ошибся, именно такой человек ему нужен.

Вмешался Араббай:

— Мы должны быть благодарны почтенному Суфи за его блестящее сообщение. Ваш вопрос, Хамид-ака, можно было бы не задавать.

— Нет, почему же, я могу объяснить...— начал было Аббасов.

За него продолжил Хамид-Чатак:

— Дело не в том, откуда эфенди знает многое о деятельности «Иттихад-вэ-тереке». Мы очень благодарны нашему другу за то, что он обогатил наши умы ценными сведениями. Пришло время, мусульмане, начать борьбу! Хватит сидеть сложа руки!

Мухамедов обратился к Суфи Аббасову:

— Вам слово, эфенди. Говорите, что надо делать?

Турок поднялся. Протянул руку Хамиду-Чатаку.

— Я рад, что вы заговорили о борьбе. Уверен, что все присутствующие согласны с нами и будут с нынешнего дня считать себя гази.

Хор согласных голосов прозвучал в ответ.

— Создадим в Коканде тайную организацию и назовем ее «Иттихад-вэ-тереке»! Первое заседание проведем у меня.— Суфи оглядел присутствующих и остался доволен. У всех на лицах была написана решимость.

...Суфи Аббасов нервничал. Заседание было назначено на сегодня, на семь вечера. Суфи вернулся из школы во втором часу дня. Положил книги в нишу, вышел на террасу, залитую солнечным светом. Март на исходе, впереди изумрудный апрель. «Грех оставаться в такие дни в комнате»,— подумал Аббасов. Вынес ковер, стеганое ватное одеяло, подушки. Устроил себе ложе, раскурил кальян и спустился на подушки.

Дом, в котором он жил, располагался в старом Коканде, в кривом узком переулке, недалеко от каменного моста. Как и все дома, он был построен в глубине двора, обнесен-

ного высоким глиняным дувалом. Хозяин жил рядом, за дувалом, во втором доме. Квартира Аббасова состояла из двух комнат и чулана, из которого через маленькую дверцу можно было проникнуть в хозяйский двор. Это устраивало турка: всегда есть возможность уйти через черный ход.

Он курил кальян и старался предугадать, как пройдет первое совещание. Представляя лица присутствующих, думал, о чем они будут говорить. Среди других он чаще останавливался на Хамид-Чатаке. Суфи был доволен, теперь дело пойдет. И еще он решил: «Надо написать письмо. Связой скоро придет. Теперь есть о чем сообщить майору, Нияз бею».

Утомившись от дум, Аббасов заснул. Проснулся он от легкого озноба. Солнце зашло. Сумерки быстро сгустились в темноту.

Суфи вошел в комнату, зажег лампу. Хотел было сесть за проверку тетрадей, но раздумал. Встал, прошелся по комнате. «Почему никого нет, ведь уже пора?»

Скрипнула калитка. Пришли трое. За ними еще и еще. Не было только Хамид-Чатака. Суфи переглянулся с Араббаем, спросив взглядом: «Где?» Тот пожал плечами.

Аббасов вышел на улицу. Долго вглядывался в темноту. Увидел двоих. Один был Хамид-Чатак. Кто другой? Мелькнула мысль: «Как он неосторожен!» Суфи отступил в подворотню, ждал встречи лицом к лицу.

Двое приблизились. Разглядев в темноте Аббасова, Хамид-Чатак спросил:

— Это вы, эфенди?

Поняв, почему Суфи не ответил, он торопливо зашептал:

— Это наш почтенный ишан. Он изъявил желание навестить вас.

Аббасов обмяк. Напряжение покинуло его. Волна радости прилила к сердцу. «Какой молодец, Мухамедов! Он сумел привлечь в «Иттихад-вэ-тереке» самого Наим-Кудрата».

...Ишан опустил на почетное место. Только что каждый из собравшихся поцеловал в знак почтения его руку.

Ишан заговорил:

— Я знаю, что вы организовали тайный комитет. Я одобряю это. Уверен, что вы сможете призвать мусульман Ферганы к джихаду с неверными. Турецкие гази, которые

едут к нам, послужат опорой в священной борьбе против русских. Вот почему надо проявить о турецких воинах, взятых в плен русскими у Эрзерума, великую заботу. Их скоро привезут сюда. Нельзя допустить, чтобы они превратились в батраков. Пусть каждый возьмет к себе в дом одного-двух пленных. Надо объяснить урядникам, что вы берете их как слуг, сторожей.

Совещание закончилось чтением корана.

Разошлись поздно. Первыми покинули дом Аббасова ишан Наим-Кудрат и Хамид-Чатак. Проводив последнего заговорщика, Суфи вошел в комнату и тут же потушил лампу. Долго не мог заснуть. Он был больше чем доволен. Он торжествовал!

ЗАГОВОРЩИКИ

Защитники крепости торжествовали победу. Иргаш с остатками своей банды торопился в Бачкир¹. А старый город пребывал в трауре.

Отовсюду неслись крики, стоны, причитания.

Будто невзначай, будто мимоходом около согбенных от горя людей останавливались ишаны и имамы, их мюриды и присоединялись к причитаниям:

— О, трижды проклятые большевики, неверные кафиры, вы превратили наш пленительный Коканд в Байт-Уль-Хазан!² Мы никогда не забудем этот день, мы вечно будем ненавидеть вас и вашу Советскую власть!

Эти слова заражали сердца и разум мусульман неверием и гневом. Женщины кричали еще громче, били себя кулаками в грудь, рвали волосы и царапали лица ногтями. Старики не стеснялись слез, выдирали седые клочья бород...

Когда совсем стемнело, в дом ишана Наим-Кудрата заспешили люди. Шли поодиночке, озираясь, проскальзывали в калитку, точно в щель в заборе.

Гостей встречал сам ишан. Стоя посередине комнаты, усталой тяжелой коврами, он указывал вошедшему

¹ После неудачного штурма Кокандской крепости в январе 1918 года курбаши Иргаш бросил на произвол судьбы своих «друзей» — буржуазных националистов, и увел банды в кишлак Бачкир.

² Буквально — место плача. По мусульманскому преданию, в этом месте Иаков оплакивал своего сына Иосифа.

на его место, то есть на свернутое вдвое шелковое одеяло, и тотчас, еле заметно, отвечал на почтительный поклон другого.

Приглашенных было одиннадцать: Хамид-Чатак, Суфи Аббасов, Кадырхан-Тюря, Анвар-Кары, Камил-Кази, Араббай... Одиннадцатый сидел несколько в стороне от других. Никто, кроме ишана и Хамид-Чатака, его не знал и потому смотрели на сидящего искоса, с плохо скрываемым любопытством, с немым вопросом — кто такой? Лет ему было около сорока. Среднего роста, плотный, с черными пышными усами и небольшой осанистой бородкой.

Свою речь Наим-Кудрат начал со слов о необходимости создания комитета «Иттихад-вэ-тереке» во главе с Хамид-жаном Мухамедовым. Комитет через верных людей будет создавать повсюду секретные группы по десять-двадцать человек. Множество таких организаций должно быть в каждом городе, кишлаке, махалле. Возглавят их ишаны, муллы, бай, торговцы.

— Мы будем с именем аллаха на устах призывать правоверных к священной борьбе с Советской властью. Пусть наши люди всеми способами разжигают ненависть у мусульман к неверным, — ишан бросил быстрый взгляд на Суфи Аббасова. Тот в знак согласия прикрыл глаза.

— Таксырлар! Вам предстоит услышать еще одну тайну. Она касается секретной борьбы с большевиками. Вы должны помнить, что у нас есть длинные руки и чуткие уши — отныне мы будем знать все, что делается в большевистском штабе.

У слушающих от напряженного внимания бровь не шевельнулась, глаз не моргнул.

— Среди нас присутствует верный сын ислама Мансур Валиханов! — все точно по сговору повернулись к одиннадцатому. Ах, вот это кто! Сын известного кокандского крупного торговца, верный служака полиции.

— Мы решили сделать Мансура помощником главного кокандского большевика Бабушкина, да будет над ним и его семейством вечное проклятие! Валиханов запишется в партию большевиков, русский язык он знает хорошо. А задание, которое мы ему поручим, он сумеет выполнить, пусть это будет даже очень трудно.

Заговорщики снова повернулись в сторону Валиханова. Они сразу поверили, что Мансур выполнит любое поручение.

И снова Мансур Валиханов промолчал.

Ишан устремил свой взор на Кадырхана-Тюрю:

— Вас хорошо знают и чтут в Тюря-Курганской и Касан-Сайской волостях Наманганского уезда. Вас уважают и в Андижанском уезде. Мы предлагаем вам выехать в Тюря-Курган и оттуда руководить работой против Советской власти. Надо создать там тайные комитеты «Иттихад-вэ-тереке», организовать отряды гази и начать подготовку газавата против русских. Проверьте близких вам людей, отберите самых достойных, пошлите их к большевикам: пусть они проникнут в ревком, в совет, в милицию — всюду. Иргашу мы тоже поможем. Он свой человек. Его крепко обидели большевики, поэтому он будет мстить им. У него под рукой пятьсот джигитов. От нас он получил две-сти винтовок. Мы еще дадим ему оружие. Чем больше людей мы привлечем на свою сторону, тем скорее наступит конец проклятой власти большевиков.

Тюря в ответ закивал, точно автомат. Улыбка восхищения от слов ишана разлилась по его лицу и делалась с каждой секундой все шире. Он громко сказал:

— Светлейший хазрат! Вы открыли нам глаза и указали светлый путь избавления от большевиков. Следуя вашему учению, мы всколыхнем мусульманский океан, и он захлестнет советскую власть и всех кафиров, проклятых аллахом!

Тайное заседание духовных и финансовых магнатов Коканда и всей Ферганской долины закончилось перед рассветом.

НИЩЕНКА

Стоял теплый весенний день, близилось лето. По кривым, пыльным улицам кишлака Султанбаяз шли и ехали на базар дехкане. Под густой листвой карагача, напротив дома бая Атаджана, сидела на разостланном халате нищенка. Рядом лежала грязная старая тубетейка, в ней — несколько мелких монет, медных и серебряных царской чеканки, да куски сухой ячменной лепешки. Никто из редких прохожих не задавался вопросом, почему на этом, обычно безлюдном, месте появилась старуха-нищенка. Сидела она здесь третий день, вполуборот к дому Атаджана, и очень мало интересовалась дорогой на базар.

Проезжавший мимо на белом ослике дехканн вынул из-за пазухи халата лепешку и, не останавливаясь, ловко бросил ее на разостланный халат. Нищенка подхватила лепешку, забормотала слова молитвы. И вдруг точно поперхнулась: внимательный глаз, проглядывающий сквозь драную сетку чачвана, вонзился в ворота дома Атаджана...

Тяжелые ворота растворились. На улицу выехал на прекрасном вороном коне хозяин дома, за ним — пятеро вооруженных джигитов. Нищенка осталась недвижима, даже пальцы рук не шевельнулись до того мига, пока Атаджан с джигитами не скрылся за поворотом дороги. Старуха резво вскочила на ноги и тут же, словно спохватившись, сгорбилась, опираясь на палку, засемила к дому бая.

Открыв калитку, она вошла во двор, направилась к внутренней стене, за которой скрывалась ичкари. Подойдя к женской комнате, старуха, не поднимая чачвана, решительно, без стука открыла дверь. Переступила порог. В комнате находилась младшая жена Атаджана Халима, она стояла около зеркала и внимательно себя разглядывала.

— Кто?

Ответа не последовало. Халима повернулась... и, чтобы не закричать, вынуждена была зажать рот руками. Перед ней стоял красивый юноша с револьвером, нацеленным прямо ей в лицо.

— Где Офтоб, говорите немедленно?

У Халимы от испуга подкосились ноги, она присела, запричитав. Юноша опустился рядом, и уже не гнев, а смущение были на его лице. Когда же он заговорил, голос его дрожал от волнения.

— Не бойтесь меня, я жених Офтоб, похищенной Атаджаном. Умоляю вас, скажите, где она?

Несколько секунд прошло, а Халима успела превратиться из испуганного ягненка в заинтригованную кокетку. Она смотрела на юношу с томным удивлением, с любопытством, смешанным с восхищением.

— Вы же рискуете жизнью!

— Знаю, знаю, ападжан, — умоляюще проговорил юноша и еще ближе придвинулся к Халиме. Она вздрогнула, но не отодвинулась, наоборот, развела пальцы своих рук так, что Шарипджан мог хорошо разглядеть ее прелестное лицо и длинные, лукавые, волнующие глаза.

— Вы действительно любите Офтоб?

— О, если бы вы знали, апа-джан, как я люблю эту девушку!— При этих словах слезы навернулись на глазах Шарипджана.— Ради ее спасения я готов отдать свою жизнь.

Халима вспыхнула: «Мог ли Атаджан пожертвовать жизнью ради нее? Никогда! Он похитил зеленую девчонку и пытался уверить всех, что сходит с ума от любви. Но Халима была уверена, что Атаджан любит ее, только ее. И если теперь сказать этому юноше, куда запрятали Офтоб, а он пойдет и освободит ее, уведет с собой, то Атаджан останется только с ней, с Халимой. И будет ласков, как прежде».

— Вы настоящий джигит, но мне не верится, что есть такие мужчины, которые могут рисковать жизнью ради любви.

— Умоляю вас, не терзайте мое и без того изболевшееся сердце. Скажите, вы видели Офтоб?

— Видела!

— Значит она жива!— воскликнул Шарипджан и, забывшись, положил наган на пол, рядом с собой.— Ради аллаха, расскажите, что с ней, где она?

Халима отняла руки от лица и смело посмотрела на юношу.

— Я расскажу вам, но поклянитесь, что ни одно слово не дойдет до Атаджана. И еще — как только я закончу, вы должны уйти из ичкари.

— Клянусь кораном, памятью моей покойной матери и прахом отца!

— Мне кажется, что ее увезли в кишлак Шур на Дарью. Там у Атаджана большой скотный двор, и там, наверное, он спрятал Офтоб.

Опустив на лицо чачван, засунув револьвер за пазуху, Шарипджан в сопровождении Халимы вышел из ичкари. Во дворе они натолкнулись на старика с большим зобом, то и дело кивающего головой. Старик являлся домоправителем и был приставлен следить за поведением жен бая.

Халима заранее предупредила Шарипджана о старике. Юноша скособочился, застучал палкой и, семеня, потащил по земле ноги, как это делают старые и больные люди. Домоправитель подозрительно покосился на женщин. Халима громко проговорила, обращаясь к Шарипджану.

— Ты хорошо гадаешь, кампыр. Всю правду рассказывала!

Выйдя на улицу, юноша подобрал лежавшие на земле у карагача халат и тюбетейку. Побрел в сторону базара.

К вечеру он подошел к кишлаку Шур. Много дум было им передумано за время дороги, но особенно волновали две: выручить из беды Офтоб и убить Атаджана.

Войдя в кишлак, спросил первого встречного, где усадьба бая Атаджана.

— А зачем вам?

— Хочу в батраки наняться, скот пасти.

— А кто вас сюда направил?

— В Султанбаязе сказали — идите в Шур, здесь или сам бай, или его помощник Закир.

— Бая нет, а Закир здесь. А вы сами откуда?

— Я из кишлака Кум, под Кокандом. У нас плохо с работой, а с продуктами беда — ничего нет.

— Вон оно что! Так вы идите прямо по улице и в конце увидите усадьбу, у самой Дарьи стоит. Вы по забору узнаете — высокий и длинный.

К воротам скотного двора Шарипджан подошел, когда воздух из прозрачного сделался темно-синим. Солнце кусочком медного блюда висело над рекой. Еще полчасика, и наступит тьма. Юноша, заглянув в щель между досками, увидел стадо баранов, устроившееся посередине двора. Остальное трудно было разглядеть, синева сгустилась, очертания построек смазывались.

Шарипджан надавил на створку ворот, она поддалась. Звякнула цепь, створка вздрогнула и дальше не пошла. Но щель была достаточной, чтобы в нее протиснуться. Шарипджан проскользнул во двор.

Он крадучись пошел к навесу, где на привязи стоял конь. Никого! Огляделся. Увидел, что к противоположной стене прилеплен ветхий сарай. Заторопился туда. Но, подойдя, остановился. Дверь сарая наглухо заколочена. Значит, здесь тоже никто не живет. Не было смысла заглядывать в зияющую в стене, на уровне плеч, дыру. Никого!

О, если бы он мог хоть на миг предположить, что в этой заколоченной грязной конюшне замурована его Офтоб — изможденная, с прядями седых волос, с безумными глазами. Он развалил бы это строение голыми руками, вызволил девушку из темницы и тогда не сдобровать Закиру, не уйти от смерти!

Но не подсказало сердце Шарипджану, что Офтоб здесь, за дощатой, вымазанной навозом дверью. Не забилося в радостной тревоге и сердце девушки: тяжелой дремой был охвачен ее тупеющий мозг; без движения лежала она на грязном и сыром полу, приткнувшись к стене.

Шарипджан посмотрел в сторону. Кибитка! Сердце екнуло, рука сама потянулась за револьвером. Дверь кибитки закрипела, вышел мужчина с ведром. Шарипджан догадался—это Закир.

Закир открыл ворота, направился к Дарье за водой. Шарипджан по-кошачьи, бесшумно ступая, подбежал к кибитке и решительно вошел. Никого!

Подавленный, с поникшей головой вышел Шарипджан за ворота. Встретился лицом к лицу с Закиром.

Закир вздрогнул, быстро поставил ведро и, ухватив юношу за полу халата, зло закричал:

— Ты кто такой, как попал во двор!

Шарипджан исподлобья взглянул на Закира. Рванув халат, ответил с холодным равнодушием:

— Я батрак, мне сказали, что Атаджану нужны чабаны. Вот и пришел сюда.

— Какой смысл пасти скот, есть работа получше. Иди в Султанбаяз к Атаджану, ему нужны смелые парни. Получишь хорошего коня, шелковый халат, сапоги и в каждом кишлаке будешь иметь жену.

— Неужели все это мне даст Атаджан?

— Он даст тебе оружие, остальное ты добудешь сам.

— Нет, это не для меня. Да и потом недаром говорят в народе: краденый халат не греет, если и греет, то ненадолго.

Закир рассмеялся, крикнул вдогонку: «Язык у тебя острый, смотри, как бы из-за него ты не потерял голову!»

— Бировга ўлим тилагунча, ўзингга умр тила¹.

Шарипджан возвращался домой в Коканд. Пешком он добрался до кишлака Бувайда. Здесь он решил передохнуть и узнать, не идет ли в Коканд арба.

Вошел в чайхану на базаре. Заказал чайник чаю, лепешку, полпиалы мешалды. И тут увидел, как из байского дома напротив вышли два красногвардейца, уселись на камне под ветвистым карагачом. Шарипджан присмотрел-

¹ Чем желать смерти другому, лучше проси жизнь для себя.

ся, заметил еще одного бойца, маячившего на плоской крыше дома.

— Эй, чайханчи, разве у вас в Бувайде стоит русский отряд?

— Шайтан принес этих кафиров, да пошлет аллах проклятие на их головы!— тонким голосом пропел жирный чайханщик, наградив большевиков непечатными эпитетами.

Шарипджан хотел было вступить за русских, но передумал.

Чайханщика не переубедишь, желчной злобы в нем столько же, сколько жиру. Юноша напился чаю, отдохнул и решил разыскивать арбу. Вдруг послышался гул конских копыт, крики, защелкали выстрелы.

— Что случилось? Кто это?— вскинулся Шарипджан.

Чайханщик, бледный от испуга, но явно торжествующий, крикнул:

— Наверное, Иргаш! Он должен был возвратиться сюда со своими джигитами из Шахимардана, а тут неожиданные гости. Сейчас он угостит их свинцовым пловом.

Красногвардейцы высыпали на крышу байского дома, стреляли залпами и в одиночку. Заработал пулемет, слышались взрывы гранат, ругань и истошные крики на узбекском и русском языках. Несколько пуль впились в карниз чайханы, сидевшие бросились на пол. Шарипджан тоже вытянулся на паласе.

Басмачи были конные и пешие. Они засели в окружающих домах, заперли улочку, намереваясь ворваться в ворота байского дома. Из чайханы было хорошо видно и нападавших, и оборонявшихся. И Шарипджан увидел крадущихся басмачей, целую ватагу, человек двести, пытавшихся обогнуть фруктовый сад перед байским домом и просочиться в него. Если бы им это удалось, они смяли бы красногвардейцев с тыла, уничтожили бы в десять минут.

У Шарипджана пересохло в горле. Он не колебался: русским надо помочь! Нельзя допустить, чтобы Иргаш одержал победу. Но как это сделать? Как предупредить красногвардейцев о грозящей опасности?

Кричать во всю мочь по-русски! Разве его услышат, всюду шум, крики, взрывы. Надо проникнуть на крышу дома, предупредить командира. Но его могут убить красногвардейцы—подумают, басмач! «Трусишь, Шарипджан?

Боишься за свою шкуру. Что же, тогда прости Иргашу смерть своего отца, а Атаджану его страшное зло, причиненное семье Сулеймановых. Тогда ничего не остается, как самому пойти в басмачи, стать насильником и убийцей». Подумав, Шарипджан тут же вскочил с паласа, метнулся к байскому дому. Находившиеся в чайхане стали кричать: «Куда бежишь, сумасшедший? Тебя убьют, остановись!» Но он не обращал на них внимания, перемахнул через дувал и через несколько секунд был уже среди красногвардейцев.

Бойцы не заметили его, разгоряченные, они целились из винтовок, ругались, хрипло кричали, бросали гранаты. Шарипджан подбежал к одному из них и, тяжело дыша, спросил:

— Где начальник?

Боец не отвечал, он продолжал стрелять.

— Где начальник? — закричал Шарипджан, с силой встряхнув за ворот стрелявшего.

— Я начальник! — сказал тот. Оглянулся, отскочил в сторону и наставил на Шарипджана маузер.

Юноша, не обращая внимания на оружие, указал рукой в сад.

— Там басмачи, их очень много... Скорее стреляйте.

Начальник с Шарипджаном подкрался к дувалу и, маскируясь в ветвях, выглянул в сад. Там между деревьев мелькали басмачи, число их увеличивалось с каждой минутой.

Командир оторвался от дувала, ухватил Шарипджана за руку и, лаконично бросив: «Спасибо!», крикнул красногвардейцам:

— Павлов с пулеметом, ко мне! Зайцев, Володин, еще человек двадцать — сюда! Живо, живо!

Буквально через две минуты застрекотал пулемет и в сад разом полетело двадцать гранат. Из сада захлопали беспорядочные выстрелы, выкрики «Ур! Ур!» сменились воплями и столами. А Павлов все давил и давил на гашетку, кося убежавших и прячущихся людей, ревя во всю мощь своей луженой глотки:

— Давай, ребята, шпарь гранатами! Жги!

Ослаб басмаческий нажим и с фронта. Видимо, разгром тыла настолько удручающе подействовал на Иргаша, что он решил отойти. Скоро выстрелы стихли, басмачи откатились за кишлак, и, наконец, рассеявшиеся клубы пыли

показали, что Иргаш с остатками банды уходит в сторону Бачкира.

Командир красногвардейцев подошел к стоящему в стороне Шарипджану и, улыбаясь, охрипший от крика, сказал:

— Ну, а теперь давай познакомимся, дорогой товарищ!— Он щелкнул каблуками сапог, отчеканил:— Командир второй роты Перовского отряда Чернов!— Поймав руку Шарипджана, Чернов сильно пожал ее.

Юноша смутился, назвал себя:

— Шарипджан Муминджанов! Я из старого города Коканда, я за большевиков... Иргаш мой кровный враг.

— Еще раз спасибо, дорогой товарищ Шарипджан, за то, что спас отряд от гибели. Вот тебе на память!— Чернов отстегнул свой маузер и протянул Муминджанову.— И вот это!— Он пристегнул к груди юноши красный бант, который снял с себя. Потом снова с силой сжал его руку, обнял Шарипджана и трижды расцеловал.

Бойцы, наблюдавшие эту сцену, сначала ничего не могли понять.

— Чего это наш командир с басмачом целуется?

— А ты откуда знаешь, что басмач, может он бедняк.

— Гляди, маузер отдал и бант на грудь приколот!

— А ну пойдем, узнаем!

Когда узнали, каждый посчитал своим долгом пожать руку Шарипджана, похлопать по плечу, бросить дружеское: «Друг! Уртак! Браток!» Шарипджан, краснея до слез, отвечал на рукопожатия, улыбался, весь напоенный радостью, восторгом.

Ночевал отряд в Бувайде. Рано утром к командиру пожаловал кишлачный амин. На ломаном русском языке он выразил восхищение одержанной красногвардейцами победой. Спросил:

— Мы хотим сварить аскерам жирный плов, будете ли вы нашими гостями?

— Вот за это спасибо!— ответил Чернов.— А то я хотел сам попросить, чтобы вы устроили плов, ребята его заслужили.

Слух о плове в секунду облетел отряд. Бойцы попрятали розданные банки с консервированным мясом, оживленно заговорили. Спустя час во двор байского дома явились амин и жирный чайханщик, а за ними, на специально

приспособленных носилках, внесли два громадных казана с пловом.

Красногвардейцы, воодушевившись, дружно загудели, торопливо стали рассаживаться на разостланных под деревьями одеялах и кошах вокруг дастархана.

Шарипджан замешкался — он мыл в арыке руки, испачканные в масле после разборки и чистки подаренного ему маузера. Когда он разогнулся, мимо проносили вторые носилки. Он взглянул на казан, а потом на босоногого парня-узбека в коротких до колен белых штанах, в такой же рубашке с крапинками, в простенькой ферганской тюбетейке. Жилы на руках парня набухли от тяжелого груза, лицо напряженное. Глаза его, встретившись с глазами Шарипджана, вдруг перебежали на казан с пловом и снова впились в лицо Муминджанова. Парень проделал это еще раз и отрицательно мотнул головой, еле заметно, чуть-чуть. И Шарипджан понял — плов есть нельзя! Так сказал глазами парень. Но почему? Неужели?!

Он едва сдержал себя, подойдя быстрыми шагами к дастархану. Плов уже лежал горой на блюдах, и крайний боец первым потянулся к янтарному от жира рису.

— Не трогай! Нельзя! — крикнул Шарипджан. Боец, недоуменно взглянув, отвел руку.

— В чем дело? — спросил Чернов, стоя рядом с амином и чайханщиком и намереваясь сесть за дастархан последним.

— А вот вы сейчас увидите, — холодея от волнения, произнес Шарипджан и посмотрел на амина, посмотрел в самую глубину его глаз. Он увидел злобу, страх, отчаяние, мольбу; он увидел то, что ожидал: готовящееся массовое убийство и ужас расплаты за разоблачение.

Он нарочито громко и весело сказал, обращаясь к амину и чайханщику:

— У узбеков есть святой обычай — угощая гостя, первым отведай пищу сам. Разве вы не узбеки?

Не дождавшись ответа, — видно, амин и чайханщик онемели от испуга, — Шарипджан широким жестом пригласил их занять места за дастарханом.

Они сели, не глядя друг на друга, побледнев до синевы. Шарипджан устроился напротив. Протягивая руку к плову, произнес обычное:

— Капи!

Они не пошевелились, с отчаянием глядя на Шарипджана остановившимися глазами.

— Кушайте, чего вы сидите?

Амин заговорил плаксивым голосом, умоляюще глядя на Шарипджана:

— Вы мусульманин и мы мусульмане. Не губите нас и наши семьи, пожалейте наших детей! Мы никогда не забудем этого, мы хорошо заплатим.

— Мы хорошо заплатим,— повторил за амином чайханщик, и слезы заструились по его желтому жирному лицу.

Шарипджан вспыхнул. Он выхватил маузер:

— Ешьте, собаки, иначе пристрелю!

Вскинулся Чернов:

— Убери оружие, с ума сошел!

Насмерть перепуганные амин с чайханщиком схватили по горсти плова и, обжигаясь, запихали за щеки. Но, воспользовавшись вмешательством Чернова, быстро выплюнули рис.

Шарипджан, глядя на Чернова, крикнул:

— Плов отравлен! Это они его отравили, весь отряд хотели погубить.

На несколько секунд застыли бойцы, не двигаясь с места. А потом разом поднялись.

— Убить негодяев!

— Расстрелять!

— Повесить!

Чернов пальнул в воздух. Он сказал тихо, а слышали все:

— Мы, бойцы революции, и судить предателей будет трибунал. Арестовать их!

Шарипджан рассказал Чернову о том, кто поведал ему об отравленном плове. Позвал парня, который стоял под деревом и с любопытством разглядывал бойцов, их снаряжение, вслушивался, чуть наклонив голову, в странный говор.

— Тебя как зовут?

— Хакимджан, сын Гаипа!

— Хаким, мы хотим созвать сегодня общекишлачное собрание и предложить тебя в амины. Как, согласен?

Парень сначала пожал плечами, удивленный, что в его жизни может произойти такая важная перемена. А потом сжал губы, свел брови к переносице:

— Согласен! Прежний амин только и делал, что бедняков обманывал, а я батракам друг.

Чернов не удержался, одобрительно хлопнул Хакима по плечу, да так, что тот покачнулся. Тряхнув за руку, сказал:

— Молодец! Справишься! А самое главное, надо создать в кишлаке отряд самоохраны из бедняков и батраков. Из смелых людей! Оружие есть, вон сколько побросали басмачи.

Как ни злились баи и духовники, собрание прошло организованно. Амином кишлака Бувайда был избран батрэк Хакимджан Гаипов. А через два часа он пришел к Чернову и доложил, что создал отряд самоохраны из двадцати человек. Причем, половина из них охотники, лучшие стрелки в округе.

Чернов предложил ему:

— Говоришь, у тебя в отряде двадцать бойцов? Я тебе еще двадцать дам во главе с Павловым. Понял? Вас сорок станет, сумеете кишлак защитить. А мы двинемся дальше.

Сказано — сделано! Бойцы поддержали предложение командира. Собрались за полчаса и пошли, легко преодолевая километры.

...Шли по Султанбаязу осторожно, старались слиться с тенью дувалов, избегая освещенную луной сторону улиц.

Дремавший на крыше атаджановского дома часовой, увидев внизу вооруженных людей, вынырнувших из темноты на небольшую площадь, завопил не своим голосом:

— Ким?— Не получив ответа, заметался по крыше.— Вайдод! Вайдод!

Один из красногвардейцев, не целясь, выстрелил, пуля скользнула рядом с головой басмача. Часовой завыл: «Уляман! Ой, уляман!»

Прыгнул с крыши во двор. Прыжок оказался неудачным, басмач вывихнул ногу и завизжал, как недорезанный поросенок.

Басмачи выскакивали из кибиток, в ужасе метались по двору. Те, кто успел опомниться, хватали ружья, палили вверх, еще больше усиливая панику. Чернов приказал бойцам забросать двор гранатами, а пулеметчику— прощить очередями. Басмачи, побросав лошадей и оружие, через проломы в стенах, через соседние дворы бежали в спасительные чули.

С криками «Ура!» отряд ворвался во двор, где валялись трупы и стонали раненые. Чернов, не останавливаясь, бросился в конец двора. На женскую половину рванулся раньше всех Шарипджан с группой бойцов.

Шарипджан, захватив караульщика, допрашивал его. Бойцы осматривали помещения во дворе. Но вот они направились к ичкари. Шарипджан крикнул:

— Туда нельзя, там женщины!

Красногвардейцы остановились. Один грубо спросил:

— Почему нельзя? На войне все можно!— Решительно шагнул к ичкари.

Шарипджан в два прыжка достиг двери, заслонил ее спиной.

— По нашему закону мужчина не может войти в ичкари, не предупредив об этом заранее. Женщины закроют лица, и мы сможем войти.

Когда в кишлаке началась стрельба, спавший в ичкари Атаджан вскочил с постели и замер, вслушиваясь. Он слышал испуганный вскрик караульщика, увидел в окно приближавшихся бойцов. Как шакал в западне, метался Атаджан по комнате, в нижнем белье, с револьвером, готовый лбом пробить стену. Воспользовавшись тем, что Шарипджан задержал красногвардейцев, он натянул сапоги на босые ноги и, ударя каблуками в каркасную стену, пробил в ней дыру. Выполз задом, попал в соседний двор, притаился в лабиринте дворовых построек у местного имама.

— Пошт!.. Пошт!..— прокричал Шарипджан и после этого толкнул дверь ичкари. Дверь была на запоре. Он постучал, но никто не ответил. Шарипджан постучал сильнее. На этот раз послышался испуганный женский голос:

— Ким?

— Очинг!¹— властно произнес Шарипджан. Когда дверь открылась, он вошел, держа в руке маузер. За ним следовали пять бойцов.

— Хечким йўк²,— проговорил женский голос, уже слышанный Шарипджаном раньше. Он вспомнил—это Халима. Всматриваясь в темноту, увидел ее, сидящую на полу в углу с натянутым на голову одеялом.

— Где Атаджан?

¹ Открой.

² Никого нет.

— Он убежал туда? Вон туда!—Халима указала на дыру в стене.

Шарипджан, словно ужаленный, подскочил к пролому, опустился на колени, протиснулся и вылез наружу. Увидел следы ног. Оставив двух бойцов в ичкари, он с тремя другими пошел по следам. Уже совсем рассвело, когда вернулся в кишлак, нашел Чернова и сел рядом, тяжело вздохнув. Он-то хорошо понимал, что только по его вине скрылся Атаджан, и потому не мог смотреть в глаза командиру.

— Мне обо всем рассказали бойцы. Очень жаль, что мы упустили этого двуногого зверя,— сказал Чернов.— Ну, ничего, он еще попадется. Правда, неизвестно, каких это будет стоять жертв, но мы его поймаем и отчаиваться не следует.

«Лучше бы он меня выругал»,— подумал Шарипджан. Ему было очень больно за ошибку. Чернов, видя, что Шарипджан совсем сник, уверенно произнес:

— Если хочешь знать, ты поступил правильно. Представь, вошли бойцы без предупреждения в ичкари, поднялся бы крик, баи использовали бы этот случай и ославили нас, большевиков, как насильников.

Шарипджан понимал, что командир говорит так, чтобы утешить его, но все же от этих слов ему стало легче, и он в душе был очень благодарен Чернову.

* * *

Как только отряд Чернова ушел в Султанбаяз, баи и духовники Бувайды, собравшись тайком, решили послать гонца к Иргашу.

Иргаш выслушал гонца и приказал, чтобы джигиты седлали коней.

— Говоришь, сам видел, как сто аскеров ушли в сторону Дарьи?—переспросил он с радостью.

— Сам, Иргаш-бек, сам и пересчитал их.

Иргаш оделся, нацепив оружие. Заходил по кибитке, нервно потирая искалеченную руку.

— Я разделаюсь с ними в Бувайде! Они узнают, каков Иргаш!

Он быстрыми шагами вышел во двор, где по сотням выстроилась вся его банда.

...Туго пришлось тем, кто остался охранять Бувайду.

Басмачей было раз в десять больше. Они истошно визжали крутясь на конях, как дьяволы, непрерывно паля из ружей. Все сильнее нарастала перестрелка, все уже сжималось кольцо окружения и все меньше становилось защитников, способных держать оружие в руках, а главное— совсем мало патронов и гранат.

Павлова ранило в ногу. Он попытался встать, но не смог. Его перенесли в кибитку, приткнувшуюся к дувалу, сюда же перевели арестованных — амина и чайханщика.

Павлов командовал лежа. Когда басмачи ворвались во двор, он отдал приказ — всем в кибитку, будем защищаться до последнего!

Осталось в живых двенадцать красногвардейцев и девять человек из отряда самоохранны. Забаррикадировали двери, выставили ружья из окон—благо их оказалось целых четыре; по одному, на выбор, стали снимать басмачей.

Один из бойцов, зло посмотрев на арестантов, бросил: — Чего их держать, надо в расход пустить!

— Не разрешаю!— сквозь стон глухо сказал Павлов.— Разве это дело. Ты лучше посчитай, сколько у хлопцев гранат осталось и сколько патронов.

Оказалось, на каждого по шесть патронов, а граната — одна.

— Дайте ее мне!— потребовал Павлов.— Я знаю, когда она понадобится.

После нескольких отчаянных попыток овладеть кибиткой, басмачи, потеряв много убитых и раненых, попрятались за углами соседних строений и принялись осыпать осажденных градом пуль. А осажденные отвечали все реже.

Оставалось по два патрона на каждого. Басмачи догадались, почему так редко стреляют красногвардейцы.

По приказанию Иргаша пятьдесят джигитов, вопя: «Алла, алла!... Ур, ур!», бросились к кибитке.

Павлов передал гранату бойцу, стоявшему у двери.

— Швырни им под ноги!

Вслед за взрывом послышались крики, ругань. Пять убитых басмачей и несколько раненых остались около двери, остальные разбежались.

— Это дело!— громко сказал Павлов, а сам подумал: «Скоро конец! Неужели не успеет Чернов? И чего он там застрял, в Султанбаязе?»

Басмачи решили поджечь кибитку. Ворохами гуза-паи, янтака и клевера они обложили ее. В кибитке наступило

замешательство. Кое-кто из отряда самоохраны стал просить переводчика, пусть уговорит Павлова сдаться. Амин закричал басмачам, чтобы те не поджигали дом, иначе вместе с русскими сгорит и он. Басмачи, услышав вой и причитания, решили, что осажденные намерены сложить оружие. Начали смелее подходить к кибитке.

Павлов приподнялся, оперся о стену и обратился к бойцам:

— Хлопцы, осталось десять патронов, да еще пять штук в моем нагане. А потом мы будем драться ножами и зубами...

Басмачи подожгли хворост, стали прикладами бить в стены, выкрикивая ругательства. Тут грянули выстрелы. Два бандита, стоявшие ближе к двери, рухнули наземь, остальные, взыв, отскочили за угол.

Сухой янтак и клевер запылали ярким пламенем. Амин и чайханщик, увидев огонь и дым, заскулили еще громче, начали что-то кричать.

— Замолчите, жабы, и без вас тошно!— Павлов нашел в себе силы, поднялся на ноги.— Хлопцы, приготовьте ножи и штыки.

Вдруг на улице послышалось многоголосое «Ура!», застрочил пулемет. Раздались взрывы гранат.

— Наши успели! Хлопцы, наши пришли!—задышающим голосом проговорил Павлов и без чувств свалился на глиняный пол. В радости заметались остальные, выглядывали в окна.

Басмачи, заслышав выстрелы подходившего отряда Чернова и крики «Ура!», бросились врассыпную, как мыши от кота. Шарипджан первым вскочил в охваченную пламенем кибитку, стал вытаскивать раненых.

Вечером Чернов, собрав всех бойцов, подвел итоги последних боев:

— Хотя мы упустили Атаджана и потеряли в обеих операциях двадцать с лишним человек, мы можем с гордостью сказать—обе банды сильно пострадали, а потери их во много раз больше, чем у нас. Я приношу глубокую благодарность узбекскому революционеру Шарипджану за оказанную нам помощь в борьбе с басмачами!

На другой день, после похорон погибших красногвардейцев и бойцов из отряда самоохраны, Шарипджан уезжал в Коканд. Прощаясь с Черновым, сказал:

— Вы вчера благодарили меня за помощь. Это вам спасибо за то, что сметаете с лица земли злейших наших врагов — басмачей!..

Рахмат! Катта рахмат!

КОНЕЦ РЕЗИДЕНТА

Суфи Аббасов уже не работал в школе. С созданием областных организаций его перевели в отдел народного образования.

Он не успел разложить бумаги на столе, как был вызван к заведующему.

— В пятницу в Наркомпросе состоится совещание. Вам, товарищ Аббасов, надо будет поехать в Ташкент. Приказ уже подписан, командировочные документы заготовлены. Выезжайте сегодня первым поездом, вы ведь знаете, что в Наркомпросе всегда спешка и там очень не любят, когда с периферии опаздывают.

Возвращаясь домой, Суфи миновал каменный мост и посмотрел в свой переулок. Все в порядке: две перекладные лестницы торчали над забором. Он остановился около лепешечника.

Рядом то и дело сновали люди. Аббасов перебирал в плетеной корзине лепешки, недовольно ворча: «Вечно они у тебя холодные и черствые». Лепешечник божился, что это не так, выхватывал со дна теплые лепешки и совал в руки турку.

Дождавшись удобной минуты, Суфи прошептал:

— Сегодня же предупреди гараджи, что я выехал на совещание в Ташкент, где пробуду несколько дней.

...Когда Аббасов уже ехал в поезде, его слуга Васиф осторожно постучал в калитку дома Шарипджана. Через несколько минут турок и Муминджанов сидели за скромным дастарханом и вели деловой разговор.

Вскоре пришел начальник особого отдела Колосов и с ним молодой человек лет двадцати трех, в гимнастерке защитного цвета, туго перетянутой ремнями.

— Знакомьтесь, командир истребительного отряда Орлов!.. Один из десяти краскомов, которых прислал Михаил Васильевич Фрунзе. Товарищ Орлов принял командование над крепостным дивизионом Бобришева, вчера дивизион переформирован в истреботряд.

Услышав фамилию погибшего друга, Шарипджан тяжело вздохнул. Глядя на Орлова, подумал: «Как-то этот будет воевать, сумеет ли заслужить такую же любовь у бойцов, какой пользовался Николай?»

Александр Орлов тепло улыбнулся в ответ на изучающий взгляд Шарипджана и крепко сдвинул ему руку. Юноша просветлел — почувствовалось сразу, что они станут друзьями, что приживется молодой командир в дивизионе, которым когда-то командовал лихой Николай Бобришев.

Совещались до утра, договорились, как захватить Сабир-эфенди. Колосов верил, что кто-то — или Аббасов, а иначе, майор Риза-Али бей, или капитан Сабир-эфенди — должен знать, где скрывается Кейли. Он сказал:

— Васифу возвращаться домой не надо. Там будут дежурить мои люди. Пусть отдохнет здесь, да и тебе, Шарипджан, надо хорошенько выспаться. Ночь опять предстоит бессонная.

...Истребительный отряд достиг берега Дарьи к полуночи. Впереди виднелся небольшой островок, густо заросший деревьями и кустарником. Орлов и Шарипджан решили: один взвод останется здесь, два взвода с ручными пулеметами переправятся на островок, укроются и будут держать под прицелом другой берег... Это на тот случай, если Сабир-эфенди явится не один, а в сопровождении басмаческого отряда.

Еще до наступления рассвета Шарипджан, Васиф, переводчик отряда Булатов и комсомолец Мурад, вооруженные револьверами, ножами и ручными гранатами, переправились на другой берег Дарьи. Никем не замеченные, они пробрались в кишлак, в дом Хашима — родного дяди Мурада.

Орлов, затаившись с двумя взводами на острове, в бинокль рассматривал кишлак. Видно все, как на ладони. Вон дом Хашима: Мурад говорил, что рядом с домом дяди растет самый высокий тополь в кишлаке.

Александр остался доволен выбранной позицией, она позволяла оказать помощь Шарипджану буквально за несколько секунд.

В стеганом халате из коричневой маты, в тюбетейке, обмотанной зеленым платком, смуглый Васиф выглядел настоящим горцем, таджиком. В кишлак Ашт он пришел часов в одиннадцать утра, в пасмурный день пятницы, когда мусульмане со всей округи съезжаются на базар.

Кроме сушеного урюка, тутовых ягод, ячменных лепешек и глиняных горшков, ничего другого здесь не было. Но любители базара наводнили площадь, и она гудела от множества голосов.

Затерявшись в толпе зевак, среди которых было немало вооруженных басмачей, Васиф ходил по базару, надеясь встретить Сабира эфенди.

Он почувствовал, как кто-то цепко сдвинул пальцами его плечо. Васиф вздрогнул и обернулся. Перед ним улыбаясь стоял один из постоянных посетителей Суфи Аббасова.

— Как ты попал сюда? Уж не случилось ли чего с майором?

— По воле аллаха мой господин здоров и желает вам, эфенди, успехов и благополучия.— Васиф извлек из-за пазухи янтарные четки и таинственно зашептал:

— Мне надо переговорить с вами, эфенди, давайте отойдем в сторону.

— А мне незачем прятаться,—по-турецки ответил Сабир эфенди... — Я чувствую себя здесь безопаснее, чем в священной Порте. Четки ты можешь спрятать, я ведь знаю, с кем имею дело.

Только сейчас Васиф заметил, как дехкане и джигиты, проходя мимо, низко кланялись капитану, прикладывая к груди ладони.

— Я не могу нарушить волю моего господина, он приказал переговорить с вами наедине.

Они отошли в сторону.

— Из блистательной Порты прибыл очень важный человек. Майор приказал мне проводить этого человека до кишлака Пунган, а потом предупредить вас о встрече. Майор приказал, чтобы никто, даже сам курбаши Рахманкул, не должен знать о вашем свидании с господином.

— Кто он такой?

— Не могу знать, эфенди. За всю дорогу от Коканда он не сказал ни слова. Майор отговаривал господина ехать сюда, он говорил, что здесь неспокойно, даже предлагал вызвать вас в Коканд. Но господин сердито сказал: «Этого делать не следует, я сам поеду к храброму офицеру священной Порты».

— А где он остановился в Пунгане?

— У местного дехканина Хашима. Я по приказанию

майора вручил ему пузырек с насваем, и как только Хашим это увидел, он принял нас очень почтительно.

«Энергичный человек мой дядя, в каждом кишлаке у него есть свои люди», — мелькнуло в мыслях у Сабира эфенди. Вслух он сказал:

— Еще до наступления темноты я повидаюсь с посланцем родины. А сейчас, Васиф, пойдем ко мне, я угощу тебя за радостную весть. Я рад, что встретил тебя, очень уж скучаю по родной земле.

— Я тоже скучаю, эфенди, и еще очень хорошо, что вижу вас здоровым и бодрым.

Не успел капитан переступить порог кибитки Хашима в кишлаке Пунган, как сзади зажал его руки в железные тиски Васиф. Шарипджан направил на турецкого капитана ствол маузера, а Булатов моментально обезоружил его. Мурад вышел во двор, плотно прикрыв за собой дверь.

Связанный, с кляпом во рту, Сабир эфенди был доставлен на рассвете в Коканд. Когда первые лучи солнца коснулись городских крыш, он сидел уже в кабинете Колосова и глядел в угол, поникший, измятый, со спутанными грязными волосами, вовсе не похожий на того изящного, веселого и самоуверенного господина, с которым около суток назад встретился Васиф в кишлаке Ашт.

* * *

Показания о своей собственной персоне, о майоре Риза-Али бее, о завербованной ими агентуре, о Рахманкуле и других курбаши Сабир эфенди начал давать после того, как Колосов предъявил ему несколько документов и записей, сделал очные ставки с двумя турецкими агентами. По мнению капитана, эти агенты были до того хорошо конспирированы, что их поимка ЧК подумалась ему как нечто из ряда вон выходящее. И потому он начал рассказывать, припоминая детали и глядя уже не в угол, а на Колосова — тоскливо и обреченно и вместе с тем с глубоко скрытой надеждой.

На вопрос, где скрывается афганский купец Гулям-Мухамад, Сабир эфенди ответил:

— Я не знаю такого человека.

— Ну, а если мы вам напомним, что Гулям-Мухамад, он же — гараджи, он же — полковник Кейли?

Турок сник, сцепив пальцы рук, сказал глухо и упрямо:
— Я не знаю, где скрывается англичанин. Никто этого не знает.

Его отправили в камеру. Ночью он застучал в дверь и потребовал, чтобы его повели на допрос к Колосову.

Турок сел, сгорбившись, глаза его лихорадочно блестели. Он спросил Колосова:

— Мой дядя арестован?

— Да, его взяли в Ташкенте, завтра он будет здесь.

— Он ничего вам не скажет, а особенно про Кейли. Майор стальной человек!

— Может быть, но разве для этого вы попросили свидания со мной?

— Я не хочу умирать, я хочу заслужить прощения и помочь вам захватить Кейли,— в глазах у турка уже не было тоски, только отчаяние и страстное желание выжить.

— Говорите, я вас слушаю.

— Утром я сказал вам правду, что не знаю, где скрывается англичанин. Не знает этого и мой дядя. Зато знает лепешечник Ахмед, бывший военнопленный турецкий фельдфебель. Он всегда дежурит со своим лотком...

— Около каменного моста и наблюдает за квартирой Аббасова,— закончил Шарипджан, который вошел в это время в кабинет. Сабир эфенди вскочил, низко поклонился и проговорил с явно выраженным сожалением:

— Вот как, значит вы и за лепешечником наблюдали? Но если вы знаете, что Ахмед связной, то почему через него не вышли на след Кейли?

— А мы этого не знали,— спокойно сказал Колосов.— Теперь узнали и, как я понимаю, вы хотите предложить свои услуги, чтобы Ахмед разговорился.

— Да, да! Я обещал вам это, я смогу повлиять на Ахмеда, и он скажет, где находится англичанин! — задыхаясь, проговорил Сабир-эфенди.

Колосов задумал арестовать связного. Ждать он больше не мог, сроки подпирали, а захватить полковника Кейли следовало во что бы то ни стало. Колосов сделал это, но потом, очень много лет спустя, не любил даже вспоминать о роковой ошибке.

Сабир эфенди убедил все-таки Ахмеда, хмурого, криволицего, угрюмо молчавшего два часа, в течение которых

капитан говорил не переставая, быстро проглатывая отдельные слова, указать место, где затаился Кейли.

И Ахмед стал давать показания...

— Последняя встреча с Кейли состоялась три дня назад в субботу. По заданию Суфи я побывал в Алты-Арыке в Ляйляк-махалле, где гараджи сообщил, что майор уехал в Ташкент на совещание.

— Чем вызвана необходимость такого срочного уведомления об отъезде Аббасова? — спросил Колосов.

— Майор всегда докладывал через меня гараджи, когда покидал Коканд. Так было, когда он уезжал в Андижан, Скобелев, в Ташкент.

— И всегда для доклада вы отправлялись в Алты-Арык?

— Да!

— Какой-нибудь пароль существовал, были определенные часы явок?

— Гараджи знал меня в лицо, какой же еще пароль был нужен? Я приходил к нему в саклю, что во дворе чайханы.

— Что сказал вам Кейли в последний раз?

— Гараджи просил придти, как только Суфи вернется в Коканд.

— А бывало так, что, приехав в Алты-Арык, вы не заставляли Кейли?

— Да, бывало. Тогда я смотрел на замок — если висел большой, значит, я должен был ждать гараджи в чайхане, если маленький — то это означало, что гараджи в Алты-Арыке нет. Я тогда шел в большую мечеть, во дворе есть несколько небольших комнат-худжр, в одной из них живет старик-нищий Карим-дивана. Он сообщал мне волю гараджи и называл день, когда я должен придти еще раз.

Оперативные группы получили задания, были проинструктированы с особой тщательностью. Алтыарыкскую группу возглавил Шарипджан, в ее составе были Васиф и лепешечник Ахмед.

Приезд Фрунзе в Фергану встревожил Кейли. Он получил от своих агентов довольно подробные сведения о пути следования командующего в Андижан. Кейли ждал с часу на час, что в Алты-Арык пожалует Ахмед и сообщит о возвращении Аббасова. Но лепешечника все не было. Надо ехать в Коканд самому и там через Хамид-Чатака

или ишана Наим-Кудрата узнать то, о чем он должен сообщить в Лондон.

Кейли шел по залитым теплым весенним солнцем улицам старого города, многолюдным и шумным. Еще издали он заметил, что около каменного моста нет лепешечника Ахмеда. Тревожные мысли промелькнули в голове англичанина. Он не замедлил шаг и не заспешил, он шел как и прежде и, дойдя до моста, искоса посмотрел на дом Аббасова. Две лестничные перекладки торчали над забором. Значит все в порядке! Но почему нет Ахмеда?

Сердце подсказало: в дом Суфи заходить нельзя. Неужели провал? Неужели большевики пронюхали? Тогда как можно скорее надо бежать из этой страны.

Обливаясь холодным потом, сдерживая себя, чтобы не перейти с шага на бег, Кейли пошел к мечети Джами. Здесь на площади он увидел второго своего агента, тоже лепешечника, Хусейна. Взгляд Кейли прояснился, на сердце стало легче. Но уже напуганный, он не решился подойти к Хусейну. Прошел мимо и, войдя в чайхану, забрался в дальний угол.

Появление гараджи около мечети подсказало Хусейну, что тот нуждается в услуге. Лепешечник, несколько помедлив, зашел в ту же чайхану и стал предлагать свой товар сидящим. Обойдя нескольких человек, Хусейн приблизился к Кейли.

— Горячие, жирные, совсем как шашлык лепешки,— произнес веселым голосом Хусейн.

Выбирая лепешку, Кейли шепнул:

— Пойдешь с лотком к турку Суфи, узнаешь, все ли там в порядке. Я буду ждать в этой чайхане.

Англичанин поступил не так, как сказал лепешечнику. Он последовал за ним по пятам, ловко укрываясь за спинами идущих. Прошло, наверное, минут десять, но Хусейн, как шагнул в ворота дома Суфи, так больше не появился. Кейли до того был поражен страшными мыслями о провале, что еще целых пять минут стоял около моста, прислонившись к лавке старьевщика. Мелькнула мысль: «Что я стою, как ягненок над пропастью. Бежать! Как можно скорее бежать!»

Операция была завершена. Аббасов был доставлен в Коканд и дал ценные показания. Выявлена большая агентурная сеть и вся ликвидирована. Только Кейли удалось бежать...

Хамзабаев Джапар

1905 года рождения, член КПСС с 1928 года, в органах ВЧК, ОГПУ и КГБ работал с 1920 по 1954 год. Персональный пенсионер.

Вы спрашиваете, где и когда я родился? Не знаю. Одни говорят, что в год змеи в Чусте, другие — в год рыбы в Касансае. От одних взял год змеи — 1905, от других место рождения Касансай и записал в первый в своей жизни документ — анкету ЧОН при Наманганском ЧК в 1921 году.

Сам же считаю днем своего рождения 7 ноября 1917 года. На самом деле, кем бы я был при старом режиме? Несколько лет содержал как мог меня, беспризорного мальчишку, Константин Шмулевич — наманганский телеграфист. Был я и мальчишкой на побегушках — малайкой у садовника наманганского уездного начальника Богаевского. Тем бы, наверное, и кончил, если бы не Октябрьская революция. Так что родился я 7 ноября 1917 года. В этот день я справляю свои именины.

Шестнадцатилетним мальчишкой в 1921 году записался я в отряд ЧОН. Командовал им учитель Наманганской высшей начальной школы Нехорошев. В помещении школы располагался штаб отряда и казарма.

Хоть и молод я был, но в отряд приняли меня с распростертыми объятиями. И вновь я с благодарностью вспомнил Константина Шмулевича: живя у него я научился говорить по-русски, он же научил меня и грамоте. Узбек из народа, говорящий на русском языке, да еще грамот-

ный, по тем временам был большой редкостью. Приняли в комсомол, а вскоре избрали секретарем комсомольской организации.

С того времени до октября 1954 года я не расставался с органами ЧК.

У частей особого назначения, создавшихся из добровольцев рабочих, бедняков, дехкан, советских служащих, дел было много. Год тяжелый, голодный. В Узбекистан прибывали эшелоны голодных людей с Поволжья. Хлеб в крае был, но у кулаков, баев, ишанов и мулл, а городской люд тоже жил на голодном пайке.

В Ферганской долине бесчинствовали тогда многочисленные басмаческие банды. Они разоряли кишлаки, совершали налеты на города, жестоко расправлялись не только с советским и партийным активом, но и со всеми жителями, в какой-то мере высказавшими сочувствие советской власти. Настоящую охоту басмачи устраивали на хлебоготовителей и продовольственные отряды, сопровождавшие хлебные обозы для голодающего Намангана.

Нашему отряду ЧОН много раз приходилось вступать в бой с бандитами при доставке хлеба в город. Геройской смертью в боях с басмачами пали члены нашего отряда Владимир Марков, Петринцев, Увайсов, Мурадов.

Небольшая группа бойцов отряда сопровождала обоз с хлебом из кишлака Пишкурган. Командовал группой сын наманганского учителя Владимир Марков.

В горной теснине на пути обоза басмачи из банды Аман-Палвана устроили засаду. Храбро сражались комсомольцы, но что они со своими берданками и охотничьими ружьями могли сделать против английских скорострельных одиннадцатизарядок. Израненные герои попали в руки басмачей. После страшных пыток и издевательств изверги всех их сожгли на костре. Погибли от рук басмачей в те дни и замечательные парни — комсомольцы Игамберды, Абдукаххар, Самадар и многие другие из нашего отряда.

...В июне 1921 года меня утвердили в должности разведчика-переводчика Наманганской ЧК.

Хитрым и опасным был Аман-Палван, этот бывший мираб из кишлака Кызыл-Рават. Кипчак по национальности, он обладал могучим телосложением и большой физической силой, был непобедим на курашах (национальная борьба), за что пользовался известным уважением населения. Зная его как фанатика-изувера, ярого поклонника наманганско-

го Ходжимат-ишана, духовенство и баи сколотили для него большую банду, вооружив ее английским оружием.

Одно время вместе с Аман-Палваном действовала банда из русских кулаков. Создали ее бывший белоказачий офицер Фарынский и Борис и Кирилл Богаевские — сыновья наманганского уездного начальника. К русским кулакам присоединились сынки киргизских баев из окрестных горных аулов, а весь отряд влился в банду Аман-Палвана. Как видите, перед классовыми интересами отступили и религиозные разногласия. Правда, это «единение» было недолгим. Как-то, убегая от преследовавшей банду 2-й интернациональной бригады Эрнеста Кужело, Аман-Палван на всем скаку выхватил из седла Фарынского и задушил его. Бандит бросил своего коня, пересел на коня Фарынского и таким образом ему удалось замести следы и уйти от преследования. После этого банда Фарынского распалась. Братья Богаевские сдались т. Кужело, кулаки разбежались, а киргизы из отряда остались у Аман-Палвана.

С ним надо было срочно кончать. Много бед он натворил, много крови народной пролил. Не раз трепал банду Кужело, но самому главарю удавалось скрыться. На этой почве духовенство усиленно распространяло легенду о том, что Аман-Палван отмечен самим аллахом, а поэтому неуловим. Хитер же он был необычайно. Прибегал, например, к такому приему: преследуют его красноармейцы, видит — деваться некуда, сумеет свернуть к какому-нибудь большому арыку, бросит коня, нырнет и дышит через камышовую трубку, которую всегда возил с собой. Найдут красноармейцы коня, а о всаднике думают, что утонул или ушел, ищут в другом месте, а он здесь, рядом.

Поимка Аман-Палвана стала делом чести всех чекистов, а у меня к нему особый счет. Ведь это он недавно в кишлаке Чартак зверски уничтожил двух моих друзей: чекиста-разведчика Игамберды и бойца-чоновца Абдукаххара Касоб.

Чекистское руководство пыталось завязать с Аман-Палваном переговоры по поводу сдачи его на милость советской власти. Кроме того, к этому времени был обнародован декрет об амнистии басмачей, добровольно сложивших оружие.

Уговорить его прекратить кровопролитие согласился Ходжимат-ишан — некогда духовный руководитель и вдох-

новитель Аман-Палвана на борьбу с советской властью. Как и некоторые другие курбаши, он к этому времени сам вышел из вооруженной борьбы в расчете на амнистию, сдался. Был ли искренен ишан в своем стремлении помочь нам, не знаю. Думаю, что он понял, что дело их безнадежно.

Развязка была самой неожиданной: Аман-Палван отрубил всем членам делегации, в том числе и своему духовному отцу, головы и сжег их на костре.

Расправа с Ходжиматом-ишаном вызвала в банде сильное брожение, и только необычайная жестокость вожака, боязнь его мести удерживала банду от развала. О добровольной сдаче главаря теперь не могло быть и речи. Надо было его брать.

В этом деле нам помог сам Аман-Палван своими дикими выходками.

Задумал курбаши жениться. Посватал дочку одного из своих приближенных, белобородого бека, сыновья которого — Якуббек и Ахметбек — состояли в банде юзбашами. Аксакал решительно отверг сватовство кизилраватского мираба. Разъяренный Аман-Палван выхватил из очага горящую головню и сунул ее под холеную бороду бека. Лишился бек главного признака своего высокого достоинства. Обезображенный, в страшном гневе, покинул он лагерь Аман-Палвана...

— Как думаешь, Джапар, не простят беки Палвану бороды? — спросил меня председатель ЧК, когда нам стало известно о случившемся.

— Не простят, председатель-ака, правоверные мусульмане бороду уважают. Убьют они курбаши. Туда ему и дорога, шакалу!

— Нет, Джапар, этого допустить нельзя. Аман-Палвана мы должны добыть живым и судить его революционным судом на глазах у народа. Сделать этот суд судом над всем басмачеством, всей старой жизнью, над беками, ишанами, муллами. Это они наплодили аман-палванов, дадовой-гансотов, атаджанов, юсуповых и других курбашей.

— Так вот, к бекам пойдешь ты, сынок. Пойдешь с предложением поймать Аман-Палвана, передать его нам, помочь разгромить банду, тогда они могут рассчитывать на прощение. Дай им понять, что иначе мы уничтожим и Аман-Палвана и их. В банде есть наши люди. Свяжись с

ними. Действуй осторожно. Ходить будешь рядом со смертью.

Что и говорить, задание серьезное. Был разработан план операции. Сначала разведка. Выведать настроение сыновей бека, в прямую связь с ними вступать только в крайнем случае.

Крутые Чаткальские горы Киргизии. Долина Алука. Здесь в труднодоступных местах укрылся Аман-Палван.

Бродя в лохмотьях от одного костра к другому, слушая ирчи, аскиябозов, не вызывая ни в ком подозрения, мне удалось все вывести постепенно, через влиятельных членов бекского рода Ахмеджана и Катипхана, войти в сплочение с братьями, уговорить их выдать ЧК Аман-Палвана.

...Аман-Палвану донесли, что братья Якуббек и Ахметбек боятся его мести и ругали отца за ссору с курбаши. Ему дали понять, что старый бек склонен помириться и за приличный калым отдаст ему дочь. Начавшиеся переговоры не затянулись и закончились обоюдным согласием. Свадьба готовилась пышная, ведь неуловимый курбаши роднился с беками.

В долине раскинуто с десятков белоснежных юрт. Звучат карнаи. Джигиты готовятся к улаку, курашу. Прибывающих почетных гостей приближенных Аман-Палвана под руки разводят по юртам, а там... там на них набрасываются дюжие джигиты, затыкают рты, связывают.

Наконец, в сопровождении свиты прибывает и жених. Его ведут в самую большую свадебную юрту, свиту окружают джигиты, разводят...

Юрта перегорожена занавесью. За ней невеста. В народе говорят, что если аллах хочет наказать человека, то лишает его разума. От радости лишился разума и Аман-Палван. Всегда такой хитрый, здесь он потерял осторожность. Только он сел на почетное место, «приветливо» встреченный родичами, как на него обрушилась занавесь и навалилось с десятков джигитов. Скрутили его как барана, не успел и пикнуть.

Взвилась в небо ракета, и из-за ближайших пригорков на банду обрушился красноармейский отряд Сафонова с добровольной киргизской дружиной Сару. Их сюда по тайным тропам провели и укрыли заранее посланные проводники.

Операцию подготовили и руководили ею чекисты Матвеев, Сойкин, Желтиков, Поляков, Романов.

А Аман-Палвана судила выездная сессия из Ташкента при всем народе. Приговорен он был к высшей мере наказания — расстрелу. По требованию народа приговор в исполнение был приведен публично.

Пролетарский суд наказал не только зверя и выродка Аман-Палвана. Он разоблачил его хозяев — агентов английских империалистов, баев, ишанов, мулл, которые в лютой злобе к советской власти вели эту братоубийственную кровопролитную войну.

В этот же примерно период (в июле 1923 года) совместными действиями чекистов и частей Красной Армии были выловлены и осуждены вожаки разгромленных банд, во главе которых стояли Азиз-Ходжа-Пансай, Кенжа, Умар-Али, а многие другие десятки курбашей сдались на милость советской власти. Вздохнули свободней «тортинчи»¹.

Но чекисты знали, что борьба предстояла еще длительная. Сбежал за границу с частью своей банды Ширмат Магомет Гази (басмаческая кличка Курширмат-курбаши). После сдачи Мадаминбека он возглавил все басмачество Ферганы. Старый конокрад и разбойник, он претендовал на должность главкома всех войск ислама. Туда же бежал из восточной Бухары и другой конокрад и патентованный «главком» ислама Ибрагимбек.

Там их хозяева. Там английский шпион, организатор многих кровавых преступлений против советского народа авантюрист Бейли. Недавно газеты сообщили, что Бейли в преклонном возрасте «почил в бозе» у себя дома, в Лондоне. Очень жаль. Виноваты мы, чекисты, что он так еще долго коптил свет. Он успел еще написать и полную яда и клеветы на нашу родину книгу «Миссия в Ташкент». Есть мудрая поговорка: «Собака лает, а караван идет». История уже рассудила, на чьей стороне правда.

...А с Ибрагимбеком нам еще предстояло встретиться.

1923 год закончился блистательной победой советской власти над контрреволюционным басмачеством во всей Средней Азии. В этой борьбе победили, прежде всего, ленинские идеи. Народ решительно встал на защиту Советов.

¹ «Четвертые» — так реакция называла всех сочувствующих советской власти, голосовавших при выборах в учредительное собрание за большевистский список № 4,

В кишлаках и аулах организуются добровольные отряды самообороны («калтак кызыл-хашар» — по-узбекски и «калтак доронду сурх» — по-таджикски). Туго стало остаткам басмаческих оанд, скрывавшимся в неприступных горах. Разгневанный народ стал встречать палками, кетмеями, а где мы его успели вооружить, то и добрыми залпами из винтовок. С помощью народа только в восточной Бухаре в конце 1923 — начале 1924 года было уничтожено 39 курбашей и более полутора тысячи рядовых басмачей, а 78 главарей и 1200 их нукеров сдались в плен.

Под руководством партии большевиков развернулось социалистическое строительство.

В органах ВЧК и ОГПУ в Намангане я проработал до конца 1925 года. Хотя и спокойней стало, но в краю, где совсем недавно еще бушевало басмачество, дел для чекистов было много: ликвидировали бродившие по горам мелкие банды, вылавливали прятавшихся по кишлакам у родственников баев и мулл, которые боялись явиться с повинной, так как знали, что совершенные ими преступления народ не простит.

И все же вызывает меня как-то начальник:

— Учиться поедешь, Джапар!

Я от неожиданности оторопел, не знаю что сказать. Учиться. Дверь школы я открывал как чоновец, когда там был наш штаб, но как ученик я в нее никогда не заходил... А начальник тепло улыбается:

— Всем нам надо учиться, Джапар. А первым мы решили послать тебя. Тебе нужней. Поедешь в Ташкент.

...И вот я курсант национальной школы ОГПУ в Ташкенте. Учусь. Два года. Ох, как трудно было. Казалось, Аман-Палвана ловить было легче. Все начинал сначала. И арифметику, и теорию классовой борьбы. На практике я ее усвоил хорошо, где и в каком сражаться стане знал, а вот теория давалась трудней. Позднее мне еще приходилось учиться. Довелось быть и студентом Московского института востоковедения, но первую в своей жизни школу ОГПУ я ценю выше всякого университета.

...Май 1928 года. Школа окончена. В руках командировочное предписание: г. Термез, на должность помуполномоченного восточного отдела ОГПУ. Мне 23 года.

Но события развивались таким образом, что не успел я как следует обосноваться в Термезе на должности помощника начальника, как был назначен начальником рай-

отдела ГПУ в Денау. Тогда это был большой район, включавший в себя горную территорию в добрую Швейцарию.

Крутой курс партии на коллективизацию всего сельского хозяйства вызвал ожесточенное сопротивление баев и кулаков. За кордоном решили, что сложились благоприятные условия для новой попытки свержения Советской власти в Средней Азии. Зашевелилось недобитое басмачество. Для накопления его сил удачная обстановка была в Афганистане. Авантюристу Бачо-и-Сакао с помощью англичан и басмаческих банд Ибрагим-бека удалось в марте 1929 года свергнуть Эмира Аманулла и объявить себя падишахом Хабибуллой.

Усилилась заброска посланцев Ибрагимбека на нашу территорию, которые должны были подготовить население к встрече «армии» ислама. Но в листовках-обращениях к населению речь шла не о войне за веру, а о свержении большевиков, которые лишают имущества «почетных» людей. Адресовано обращение к узбекам, таджикам, киргизам, русским, армянам...

Чекисты готовились к встрече непрошенных гостей. Было установлено, что плацдармом начальных действий контрреволюция избрала горный массив, ограниченный населенными пунктами Шурчи, Денау, Регар, Гиссар, Файзабад, Куляб. К Аму-Дарье и Пянджу в форме подковы спускаются хребты Байсунтау, Бабатаг, Актау, Каратау. Между ними долины рек Сурхан-Дарья, Кафирниган, Вахш, по которым, в случае успеха, обеспечивался выход на Душанбе, Шахрисабз, Самарканд, через Джиргиталь в Алайскую долину и далее на Фергану. А главное, чего не могли забыть за рубежом,— в этом районе жило большое воинственное племя горцев-локайцев, которые в Бухарском эмирате выполняли ту же роль, что и русское казачество для царя, и на первом этапе активно поддерживало басмачество. Одного не учли горе-стратеги — время не то. Не 1921, а 1929 год. Народ понял советскую власть.

...В центре горного края, километрах в двухстах восточнее Душанбе, на берегу бурной речушки Кзыл-Су располагался горный кишлак Бальджуан, а еще дальше Ховалинг. Где-то здесь плетутся нити заговора. Сюда идут следы посланцев из-за кордона. Надо их найти, обезвредить, сорвать планы подготовки плацдарма для вторжения банды Ибрагим-бека.

...Как и во всяком кишлаке, чайхана — средоточие всех событий Бальджуана. Здесь за чайником чая совершаются все сделки, договоры, ведется агитация. Чайханщик — наш человек.

Недалеко от чайханы на глиняной супе постоянно сидит и что-то бормочет старый дервиш-каландар в остроконечной шапке. Когда я прохожу мимо него, руки за подающим не протягивает, а окидывает острым взглядом из-под насупленных седых бровей. Чем-то он не похож на нахальных странствующих монахов-суфистов. Что за человек? Народ о нем отзывался хорошо, умный, помогает беднякам, лечит людей. Не странствует, потому что стар, но с орденом не порвал и у всех дервишей края состоит кем-то вроде шейха.

Раздумываю: умный человек, по всему видно, бедняк, значит не должен идти против народа и его власти. Решено, надо поговорить.

Друзья устраивают как бы случайную встречу. И сразу он меня огорошил.

— Салам, Джапар-ГПУ. Пусть сопутствует тебе счастье и благословение аллаха.

— Кроме самых близких моих людей, никто не знает, кто я. Откуда знаешь ты, бобо?

— Мы, странствующие дервиши-каландары, знаем все. Тебя мои братья видели в Термезе, Денау и других местах и знают о твоих делах.

Вот тебе и конспирация.. Беседа наша была длинной и памятной.

Каландар и сам давно видит, что все установки корана защищают интересы кучки богачей, оставляя в вечной темноте и нужде народ. Знаком он был с философией просветителей Фараби и ибн Сины. А главное, он много слышал о Ленине и его учении.

...Помогать нам дервиш согласился охотно. Для начала дал полезные сведения о том, что среди старейшин локайских родов нет согласия. Не только народ, но и главы родов не хотят идти против советской власти. Многие локайские старейшины, например, Абдулазиз, которого зовут ревкомом, Юзбай и Абдулазиз-бий, ставший командиром отряда.

Коренной народ этого края — таджики-кухи — раньше неказидели локайцев, так как эмир Алимхан отдал лучшие

их земли локайским старшинам, а кухни выгнал на голые камни. Сейчас земля общая, для вражды нет причин.

Каландар подтвердил уже имевшиеся у нас сведения о том, что под видом паломников на могилу Энвер-паши, которого духовники возвели в сан святого, идут «правовверные» с той стороны. Здесь, в ущелье Оби-дара, между Бальджуаном и Ховалингом их удобно перехватывать.

На прощанье монах просил меня больше с ним не встречаться.

— Враг хитер. Будь осторожен. Узнали тебя мои братья, узнают и те. Увидят нас вместе — меня убьют, но это бесполезная смерть. Я могу еще принести пользу народу. Все, что узнаю, передам тебе.

Так опираясь на народ, чекисты вели глубокую разведку и контрразведку.

С некоторыми из таких помощников, являвшимися родовыми старейшинами, дело иной раз доходило до курьезов. Обязавшись вступить в борьбу со своим сопленником Ибрагим-беком, они требовали, чтобы от них приняли клятву на коране. И что же, принимали. Тогда это имело глубокий смысл. О том, что руководитель рода на коране поклялся служить советской власти, становилось известно всем членам рода, и клятва как бы распространялась и на них. Особенно это было важно в отношении локайцев, фанатиков-кухи. Безбожниками всех мы тогда сделать не могли, а чрезмерной антирелигиозностью можно было навредить делу. Нам приходилось быть не только воинами, но и тонкими психологами.

На всю жизнь запомнился такой случай. Нам стало известно, что Бачо-и-Сакао — «калиф на час» для инспекционной что ли проверки готовности края к приему Ибрагим-бека, заслал к нам двух своих эмиссаров. Было приказано их изловить. Поручили это двум локайцам, поклявшимся на коране. Через некоторое время они приехали с докладом о том, что живыми шпионов захватить не удалось, а в завязавшейся стычке обоих их пришлось пристрелить. Один из наших руководителей высказал сомнение в достоверности доклада. Ничего не сказав, джигиты ушли, сверкнув глазами. Некоторое время спустя джигиты возвратились и вывалили из хурджумов две головы, в которых были опознаны те самые шпионы. Вот в какой обстановке нам приходилось работать.

К концу 1929 года чекисты полностью вскрыли план внутреннего заговора и вторжения ибрагимбековских банд, установлены были имена и местонахождение всех его основных резидентов, оставленных с прошлых времен и вновь засланных.

К этому времени басмаческие агенты действовали во всех основных районах края. Кроме клеветы на советскую власть, сбора шпионских сведений и вербовки сторонников, эти выродки временами собирались в небольшие банды и совершали налеты на ревкомы, кишлачные советы и особенно кооперативы.

Всю эту нечисть надо было как можно быстрее уничтожить еще до прихода Ибрагим-бека.

А сил у нас было не так много. К этому времени белокитайские генералы развязали конфликт на КВЖД. Ушла от нас на Дальний Восток славная 8-я кавалерийская дивизия и некоторые другие части. Поэтому в борьбе с басмачами мы должны были опираться на народные добровольческие отряды.

В сравнительно короткий срок нам удалось создать такие отряды в Денау под командованием Мусулманкула Хаитова, в Файзабаде — Минкабула-командира, в Джанчики (ныне Узунский район), где руководил Улакомандир, в кишлаке Байбури — Балта-аксакал, в таджикском районе Локая — под командованием Кувандыка Алешева, на правом берегу Вахша действовал отряд муллы Шарифа Рахимова (мулла не всегда означает духовное лицо, часто, как и в данном случае, этим подчеркивается, что это человек грамотный), на левом берегу Кафирнигана — отряд Карахан Сардара.

Бедняки охотно шли в отряды. Но вся беда в том, что большинство из них никогда не держало в руках винтовку. Надо было учить их стрелять. И мы учили. И сейчас еще без улыбки нельзя вспомнить, как мы объясняли взаимодействие мушки и прицела. Складываю кулак в дулю и показываю, то высовывая вверх, то опуская вниз между указательным и средним большой палец. Большой палец — это мушка, указательный и средний — это прорезь прицела. Большой палец высоко — крупная мушка, пуля пойдет вниз, большой палец ниже среднего и указательного — мелкая мушка, пуля пойдет вверх. Держи вровень. Очень хороший способ, быстро понимали.

Но лучшей школой были боевые операции с мелкими басмаческими бандами, то и дело переходившими из-за рубежа.

В начале 1930 года наши отряды получили боевое крещение по разгрому банд Утанбека и Ходжи Сагата. Пришлось мне руководить добровольческими отрядами в операциях по ликвидации банд Азим Марка, Кури-Зарифа, Мулла-Джайлоа, а также во многих других стычках с басмачами. Хорошо действовали, можно было надеяться, что не подведут.

Весна 1931 года.

В кишлаках бай жарят пшеницу и батманами отправляют в горы. Закупают и заказывают кузнецам много конских подков. Обо всем этом рассказывал мне каландар. О запахе жареной пшеницы в байских дворах горных кишлаков сообщали и другие наши друзья. А мы знали, что жареную пшеницу бай есть не будет. Это пища бедняков и джигитов в походе. Перемелют ручными жерновами или истолкут в ступе, разбавят водой, вот тебе и готовый харч — атала, что-то вроде тюри. Батманы жареную пшеницу отправляют в горы? Значит, готовят тайные базы для пропитания многих людей. Много подков — значит ждут много конников. По свежим следам с помощью друзей нам почти все эти тайники удалось обнаружить и ликвидировать.

Были и другие признаки приближающейся развязки. Еще в конце 1929 года был растерзан народом на Кабульской площади один из покровителей Ибрагим-бека — Бачо-и-Сакао. Другим его покровителям — англичанам — все труднее было держать такую банду в стране. Действовала и наша дипломатия. Афганский король вынужден был объявить Ибрагим-бека вне закона и даже назначил за его поимку денежное вознаграждение.

Авантюра явно шла не по плану и была обречена на провал. Но, ухлопав массу денег из Ибрагим-бека, враги хотели хотя бы укусьить советское государство.

...13 апреля 1931 года трехтысячная банда головорезов прорывает границу в районе Чубек и устремляется в сторону Куляба и далее в горы. В горах банда разделилась на несколько отрядов, которые во главе с курбашами направились каждый в предназначенный ему район поднимать народ. И народ поднялся, но... против басмачей.

Мне пришлось руководить действиями отрядов Шехабутдина Таирова, Халифаева, Муллы Исмата в районе Бальджуаны и Ховалинга.

В первом же бою мы завлекли в засаду и разгромили банду, возглавлявшуюся афганцами Гулям Хусайн Ханом и Сеид Гусейн Ханом. Многих басмачей этой банды взяли в плен, многих убили. Среди убитых были найдены тела обоих афганских авантюристов. Затем внезапно напали на банду Кур Артыка Додхо и также разбили ее. Кур Артык с небольшой группой бежал в направлении Алайской долины на Дараут Курган. Я преследовал его с небольшой группой отрядников. Долго пришлось нам за ним гоняться. Правая рука Ибрагим-бека, он был матерым врагом. Захватили мы его вместе с восемнадцатью его соратниками в кишлаке Кызыл-мазар у родственников.

Так же успешно частями Красной Армии и добровольческими отрядами были разгромлены остальные банды. Как мыльный пузырь лопнула и эта кровавая авантюра английского империализма. Жаль погибших товарищей. Многих чекистов, командиров, красноармейцев, бойцов-отрядников похоронили у горных дорог и троп, на перевалах и в теснинах.

...А в горах метался главный зверь — Ибрагим-бек. 23 июня 1931 года на берегу Кафирнигана у кишлака Исанбай его поймали командиры добровольческих отрядов Мукум Султанов, Кувандык Ташев, Абдулазиз-ревком, Юлдаш Махибназаров, Кувандык Алашев. Руководил их действиями чекист Валишев.

Басмачество перестало существовать. Ибрагим-бека, Кур Артыка и десятки других сдавшихся и выловленных курбаши доставили в Душанбе. Народ ликовал, на митинге все выступающие благодарили партию и правительство за избавление от напасти, которая более десятка лет мешала строить счастливую жизнь. Требовали сурового суда над врагами народа. Все участники поимки Ибрагим-бека и Кур Артыка, в том числе и я, за эту операцию награждены орденами боевого Красного Знамени.

Свои скромные и безыскусные воспоминания я хотел бы посвятить чекистам, погибшим в борьбе за советскую власть в Средней Азии. В Узбекистане нет ни одного города, ни одного кишлака, где бы не пролилась кровь борцов на народное дело. В парках и на площадях, на братских могилах им установлены памятники иobelisks. Но

в те годы у нас была традиция хоронить товарища там, где он погиб. Мы не насыпали курганов, как это делали Чингиз-хан или Тамерлан. Оставался маленький холмик, на нем столбик, а чаще всего камень, с высеченным изображением пятиконечной звездочки или серпа и молота. Часто хоронили товарищей у подножия скал и высекали эти знаки на скале. На перевалах, горных дорогах и тропах, на замшелых камнях и сейчас еще можно различить их.

Остановись, товарищ,— это обелиск! Здесь похоронен герой!

**АГЕНТ
АНГЛИЙСКОЙ РАЗВЕДКИ
ИБРАГИМ-БЕК**

Валишев Абдулла

1901 года рождения, член КПСС с 1941 года, в армии и органах ОГПУ и КГБ служил с 1921 по 1947 год. Майор в отставке.

Весной 1929 года было сразу три басмаческих выступления. Первое в Душанбе, второе — в Яванской долине и третье — Янгибазарском районе. Во главе их стояли реакционеры — националисты, давние враги советской власти. Заговорщики, пользуясь сложной обстановкой, вызванной началом коллективизации сельского хозяйства и обострением классовой борьбы в кишлаке, решили поднять мятеж. Уже прошла вербовка в басмаческие банды, добыто оружие, разработаны планы нападения на советские учреждения, почту, банки, отделения милиции. Чекистам удалось разгадать замысел врагов и обезвредить заговорщиков.

Во время ликвидации вражеской группы в Яванском районе чекисты обнаружили в тайнике секретное письмо, адресованное главарю банды Абдул Вахиту Датхо. При аресте он пытался уничтожить листок, но мы предупредили намерение заговорщика.

Уже первое знакомство с текстом убедило меня, что письмо имеет важное значение для расследования дела и выявления связей реакционеров с определенными кругами за рубежом.

Наличие связей не было для нас секретом. Все басмаческие курбаши в прошлом действовали по указке иностранцев и пользовались их помощью и поддержкой. Но кто в данном случае вдохновлял заговорщиков?

На допросе Абдул Вахит прикинулся ничего не знающим. Письмо, дескать, адресовано не ему, поэтому и автор неизвестен.

— Кому же? — поинтересовался следователь.

— Другому человеку.

— Имя?

Он начал сочинять истории, объясняющие появление письма в доме, и так неумело, что запутался. По содержанию, действительно, нельзя было установить адрес получателя. «Неизвестный» автор обращался ко всем жителям-мусульманам, призывал их начать священную войну против неверных. Мы знали, кому принадлежат эти строки, но хотели, чтобы Абдул Вахит Датхо сам назвал автора. Наконец, он признался:

— Ибрагим-бек!

Имя знаменитого басмаческого предводителя давно уже не звучало в этих краях. Загнанный в безлюдные районы Таджикистана, Ибрагим-бек, опасаясь разгрома, впоследствии бежал за рубеж. Это было в 1926 году. Вместе с ним ушла часть курбашей, отряды остальных были разбиты Красной Армией или сдались. И вот снова Ибрагим-бек!

— Кто передал письмо?

Абдул Вахит Датхо снова начал крутить.

— Неизвестный мне человек... Его уже нет здесь.

— Где он?

— Вернулся в Афганистан.

То, что Ибрагим-бек находился в Афганистане, было известно.

Вместе с эмиром бухарским он затевал там интриги против короля и даже участвовал в мятеже. Являясь подручным англичан, Ибрагим-бек создавал напряженную обстановку в стране, стараясь ослабить центральную власть и этим самым облегчить хозяйничание иностранцев. Британская разведка хорошо платила беку за услуги. Он получал оружие, боеприпасы, обмундирование для своих головорезов, ну и, конечно, фунты стерлингов. Одно время «воитель за веру» даже намеревался захватить власть и стать правителем Афганистана. Попытка не удалась, мятеж был подавлен, а сам Ибрагим-бек оказался в положении «узника на воле». Ему пришлось укрыться в северных районах страны и здесь выжидать подходящего случая для

новой авантюры. Выжидание сопровождалось накапливанием сил, разбоями, провокациями.

Из Ханабадской провинции и прислал это письмо Ибрагим-бек. Не обычное письмо, не пожелания здоровья и спокойствия, как требует шариат при обращении к друзьям. Призыв к войне. Я скоро приду, объявлял бек, ждите, готовьтесь, поднимайте оружие против Советов!

Кому же все-таки адресовано было письмо? На кого возлагал басмаческий главарь обязанность глашатая? На Абдул Вахита?

Он молчал на следствии. А если вопросы были настойчивыми, выдавливал из себя:

— Мусульманам.

Мусульмане уже несколько лет как отбросили всякую мысль о войне. Они занимались мирным трудом, сеяли хлеб и хлопок, разводили овец, строили дома и школы. Не ко времени призывы Ибрагим-бека. Мир был на земле, которую отдала советская власть дехканам.

Не Абдул Вахит, а другие арестованные рассказали, что письмо прислал из-за кордона бек главарям националистического заговора и они должны были распространить его среди баев, мулл. А те, в свою очередь,— среди паствы в мечетях перед молитвой, Уже раздавались призывные вопли в кишлаках и пригородах. Письмо размножилось бывшими казиями и рассылалось по всей республике.

— Когда ждете Ибрагим-бека?— спросил я Абдул Вахита.

Снова заговорщик начал выкручиваться. Снова он разводил руками и бормотал что-то несвязное насчет воли аллаха, который один лишь знает будущее. Возможно, он, этот главарь реакционеров и исполнитель замыслов Ибрагим-бека, не был еще посвящен в планы «воителя ислама». Как всякий провокатор и мятежник, бек хранил тайну до последнего момента. Ему надо было появиться на нашей стороне внезапно, застать пограничников и гарнизоны прикордонных городов врасплох. Это мы учитывали. В то же время действия Ибрагим-бека не могли не координироваться с действиями заговорщиков, иначе вся эта переписка теряла смысл. Должны были существовать хотя бы ориентировочные сроки перехода бека границы.

Нам не удалось выяснить дату. Видимо, она не существовала. Но что-то приблизительное Абдул Вахит все же назвал:

— Скоро...

Была весна. Трудное время в кишлаке. Запасы продуктов на исходе, все зерно высевается. Именно весну и выбирал Ибрагим-бек для нападения.

Мы стали готовиться к отпору. Главные силы направили на выявление резервов Ибрагим-бека. В разных уголках притаились его сторонники — баи, служители культа, бывшие басмачи, члены националистических организаций, находившихся в подполье.

В самом зародыше пресекалась попытка мелких курбашей сколотить новые банды.

Шло время, а Ибрагим-бек не появлялся. По сообщениям из-за кордона силы его находились не в непосредственной близости от рубежа и пока что не угрожали нам. Сведения, полученные во время допроса Абдул Вахита Датхо и других главарей, не подтверждались. У нас возникло опасение, что заговорщики спровоцировали органы госбезопасности, навели их на ложный след. И вот в период перепроверки полученных на следствии данных границу нарушил враг.

Это не были силы Ибрагим-бека. В районе Калайхумбы появился Фузаил-Максум со своей бандой. Первое, что он сделал, это убил секретаря парторганизации Бурхана Ишанбабаева и комсомольского вожака Саида Мурадова. В ту же ночь от руки бандита погибли многие учителя, врачи, работники советских организаций Калайхумбы.

Сопровождавший Фузаила советник по делам мусульманской церкви ишан Мауляви особенно настаивал на наказании женщин, осмелившихся снять паранджу и выступивших против религии. На площади были повешены три молодые учительницы: Муалима-биби Касимова, Алам-биби Касимова и Сайтам-биби Факирова. Четвертой учительнице Файзинисо Шаназаровой удалось избежать казни — бросившись в реку, она добралась до Гарма. Так стало известно в штабе обороны о появлении банды Фузаила-Максума.

Перепуганная насмерть девушка не смогла назвать ни курбашей, чинивших расправу, ни число джигитов, ворвавшихся в Калайхумбу. В штабе обороны быстро

собрали добровольческий отряд из двадцати человек под командой Гutowского.

Комсомольцы прискакали в Калайхумбу и с ходу ударили по басмачам. Не знали смельчаки, что им противостоят пятьсот бандитов, вооруженных винтовками и пулеметами. Все двадцать легли в неравном бою. Одним из первых упал бесстрашный Гutowский.

Переход границы Фузаилом-Максумом заставил нас иначе взглянуть на письмо Ибрагим-бека. Стало ясно, что он избрал новую тактику и, прежде чем появиться в Таджикистане, готовит себе базу. Сподвижники бека, как авангард, выходят на нашу территорию, террором запугивают население, вербуют сторонников, собирают силы для встречи «воителя ислама». Вместе с «разведкой» идут представители духовенства и агенты английской секретной миссии. Их задача духовно подготовить мусульман, выявить союзников Ибрагим-бека, уточнить обстановку. Обработкой мусульман занялся Ишан Мауляви, уточнением обстановки — английский агент Пименов. Последний был знаком со Средней Азией, так как являлся белым офицером и принимал активное участие в Осиповском мятеже в Ташкенте, после подавления которого бежал в Афганистан и продался англичанам.

Первый успех Фузаила-Максума оказался и последним. Командование Среднеазиатского военного округа приняло срочные меры. В район Гарма вылетел П. Е. Дыбенко и под его руководством в трехдневный срок банда была ликвидирована. Сам Фузаил бежал в Афганистан. Часть его сообщников попала в руки чекистов, часть погибла во время разгрома банды. Английского шпиона Пименова нам удалось взять, а Ишан Мауляви, переодевшись, скрылся. Под видом простого муллы он посещал святы места и совершал обряды в мечетях. В своих проповедях он призывал верующих браться за оружие, готовиться к встрече бека. Во время одной такой воинственной проповеди мусульмане попытались схватить муллу, но он стал обороняться с помощью браунинга. Подоспевший милиционер вынужден был тоже применить оружие, и пуля пресекла дальнейшую деятельность ишана Муляви.

Разгром Фузаила не остановил бека. Можно было предполагать, что урок в Гарме как-то отрезвит «воителя ислама», заставит его призадуматься. Но наши расчеты не совпали с планами Ибрагим-бека. На допросе Пименов

рассказал о подготовке провокаций против мирного населения Таджикистана со стороны Ибрагим-бека. Ближайшая должна была последовать сразу же, как только Фузаил укрепитя в районе Гарма.

Ибрагим-бек не торопился. Прошел месяц, второй, третий — никаких признаков агрессии. Лишь 8 июня 1930 года границу перешла банда Муллы Амира, насчитывавшая всего несколько десятков человек. Теперь Ибрагим-бек направил разведку в Кулябский округ. Как и все басмачи, Мулла Амир действовал под прикрытием темноты. Ночью он напал на дом командира добровольческого отряда Дадарбека. Хозяин был убит. Затем бандит кинулся в кишлак Дагриз и зверски расправился с братом Дадарбека, тоже добровольцем. Мстя за разгром Фузаила, басмач направил удары на своих главных противников — добровольцев, поднявшихся на борьбу с националистами. В Сарысемчаке были убиты шесть комсомольцев. В одном из первых колхозов округа «Дгана» банда сожгла постройки, увела тридцать лошадей — почти всю тягловую силу.

Муллу Амира постигла такая же участь, как и Фузаила. Уполномоченный ГПУ Муминабадского района Д. И. Звягинцев возглавил объединенный добровольческий отряд и дал бой банде. В течение двух дней отряд трижды столкнулся с басмачами. Схватки были жаркими. В последнем бою пал сам Мулла Амир. Банда рассыпалась.

У Муллы Амира нашли мандат и личную печать Ибрагим-бека. «Воитель ислама» уполномочивал своего помощника свергать на местах советскую власть и устанавливать правление бека, вершить суд именем главы будущего мусульманского государства. Таким образом Ибрагим-бек намечал крупную политическую и военную авантюру, цель которой установление его власти, создание «мусульманского государства». Мулла Амир объявил о походе англо-афганской армии в Таджикистан. Эта армия должна была восстановить бухарский эмират и провозгласить правителем Ибрагим-бека.

Сам по себе напрашивался вывод, что действиями бека несомненно руководит иностранное государство и бек является лишь агентом разведки этого государства. Его именем, его усилиями хотят осуществить политический акт. Связь Ибрагим-бека с иностранной разведкой была известна и раньше. Все главари басмачества — и Мадамин-бек,

и Курширмат, и Эшвер-паша и, наконец, Ибрагим-бек — становились слугами иностранцев, поскольку на той территории, где они воевали, у них не было ни поддержки народа, ни материальной базы, ни оружия. Поддержка шла из-за рубежа. На деньги и оружие иностранцы не скупилась.

Не успел Мулла Амир покинуть этот свет, как бек направил следующего подручного. Курбаши Хусаин действовал более осмотрительно. Он связался с единомышленниками, и они подготавливали его банде объекты для нападения. Например, казарму в Хазрат-Имаме Хусаину открыли предатели. Таким же способом он намеревался войти в Лангар-Даре. Переодетые в красноармейскую форму, басмачи под видом сопровождающих обоз с зерном, приближались к амбарам, рядом с которыми находились бойцы гарнизона. Бандитов вовремя опознали. Загремели выстрелы. Хусаину пришлось принять бой. Гарнизон стойко и мужественно защищал казарму, басмачам никак не удавалось прорваться. Тогда они начали осаду.

Осада продолжалась сравнительно долгое время. Во всяком случае, гонец из Лангар-Даре успел доскакать до окружного центра и сообщить о появлении банды Хусаина. Снова задача ликвидации басмаческой группы была возложена на уполномоченного ГПУ Д. И. Звягинцева, возглавившего отряд добровольцев. Приказ председателя ГПУ республики был кратким: в семидневный срок ликвидировать банду.

По дороге в Лангар-Даре Звягинцев захватил басмача из шайки Хусаина. Допрос вели на ходу. Бандит назвал точное местонахождение басмаческого главаря и даже вызвался быть проводником.

Отряд добрался до Лангар-Даре никем не замеченный. На банду обрушились внезапно. Вопреки правилу басмачи не побежали, а стали обороняться. Звягинцев вел бой умело, и в течение часа было убито 37 бандитов. Хусаин решил отступать. Оставив прикрытие, он повел банду к Дарвазу. Однако чекисты легко разгадали хитрость курбаши и начали преследование основной басмаческой группы.

Банда быстро удалялась. Звягинцев, чувствуя, что погоня является единственной возможностью покончить с Хусаином, отобрал группу всадников, у которых были самые резвые и выносливые кони, и бросил ее вслед кур-

баши. Стычка продолжалась до одиннадцати часов вечера. Впереди стали видны тени всадников.

— Сдавайся!— крикнул командир добровольческого отряда.

Бандиты ответили беспорядочной стрельбой и еще сильнее погнали коней. Но силы уже иссякли. Сам Хусаин метнулся в сторону, пытаясь оторваться от погони. Звягинцев давно держал курбаши на примете и тоже свернул на глухую тропу. Ему хотелось взять главаря живым.

— Сдавайся, Хусаин!— снова крикнул командир отряда.

Курбаши выхватил наган и обернулся, чтобы выстрелить в преследователя, но Звягинцев опередил басмача. С короткой дистанции он разрядил свой браунинг. Хусаин рухнул под скачущего коня.

Едва чекисты обезвредили банду Хусаина, из-за кордона явился новый подручный бека Мулла Исмаил. Путь этого курбаши оказался совсем коротким. Он был убит в первом же бою с добровольческим отрядом Муминабада.

Осенью тридцатого года Ибрагим-бек предпринимает еще несколько попыток забросить в Таджикистан своих курбашей, и все они терпят неудачу. Последним в этой цепочке оказался Мулла Шариф. Религиозный человек, служитель культа, он не побрезговал взять в руки винтовку и начать разбой в кишлаках. Правда, развернуться ему добровольческие отряды не дали возможность. Поэтому Мулла Шариф, собрав мелкие басмаческие банды, увел их в Афганистан к беку.

Можно было подумать, что теперь Ибрагим-бек уже не возобновит попытки напасть на нас. Слишком дорого обошлись ему прогулки в пограничных районах Таджикистана. Но оказалось, свое намерение начать войну бек не оставил. Зимой в Айлабад, где находился «воитель ислама», прибыл представитель английской секретной службы Ишан Сулейман-судур, давний друг бека, и передал приглашение резидента явиться в Даку (Пакистан) для переговоров.

Ибрагим-бек немедленно отправился на встречу с резидентом. Что обсуждали в Даку слуга и хозяин — неизвестно. Но результаты подтвердили давнее единодушие бека и английского разведчика в вопросах, связанных с политикой империалистов на Востоке. Секретная служба Великобритании толкала Ибрагим-бека на новую большую про-

вокацию. Для осуществления ее он получил оружие и деньги. В деньгах особенно нуждался бек: банда его росла за счет эмигрантов, надеявшихся вернуть свои богатства, потерянные после революции, и банду эту надо было кормить, одевать и обувать. Нужны были лошади, а их, как известно, также никто не дарил «воителю ислама».

Задание секретной службы сводилось к конкретным и срочным действиям. Английские политики считали весну 1931 года самым подходящим моментом для нанесения удара Советам. Удар должен был нанести Ибрагим-бек крупными силами, собранными за рубежом. И вот, наконец, наступил срок появления бека в Таджикистане. Срок, давно намеченный и обещанный сообщникам, притаившимся в глухих уголках. Два года понадобилось «воителю за веру», чтобы выполнить клятву, данную в письме.

Однако и на этот раз бек не пошел первым. Он снова послал глашатая и диверсанта Муллу Шарифа впереди себя.

Шарифа уже ждали на границе, и ему пришлось трудно. Против бойцов заставы он бросил несколько сотен человек, вооруженных английским оружием, и только тогда прорвался. Ибрагим-бек приказал не жалеть ни людей, ни патронов, прокладывая дорогу основным силам. Чем больше трупов, тем надежнее путь. Мулла Шариф применил испытанный метод басмачей — террор. Запылали кишлаки, поднялись виселицы. «Трепещите, молитесь! — кричал Мулла Шариф. — За нами идет Ибрагим!».

Сам Мулла Шариф прошел недалеко. В Лангар-Даре его обескровили добровольческие отряды Умаркула Саидова и М. Топольского, а затем банду разметал Д. И. Звягинцев с объединенным отрядом советско-партийных работников. Половина банды сдалась в этом бою, остальные басмачи вместе с курбаши сложили оружие после неудачной попытки уйти за кордон.

Не сумел проложить путь Ибрагим-беку Мулла Шариф. Пришлось делать это самому «воителю за веру». Правительство решило покончить с мятежником и направило в Ханабад войска для разгрома басмаческой банды. Военный министр Махмуд-хан стал теснить бека к северной границе. Начались кровопролитные бои, в результате которых обе стороны понесли немалые потери. Басмачи оказались прижатыми к берегу Аму-Дарьи.

Ибрагим-бек созвал совет курбашей и объявил о походе на север. «Прошло время, — сказал он, — покинуть Хана-

бад». В подчинении его находилось три тысячи басмачей и около пяти тысяч их родственников. Шумной лавиной вся пестрая толпа переправилась на советский берег Аму-Дарьи. Никакие заслоны не смогли бы удержать такой массы людей. Бек, надеясь, что красные пограничники не станут стрелять в безоружных, пустил вперед семью басмачей. И он не ошибся. Охрана пропустила людей и, отделив от основной банды, направила их в сторону Душанбе, где семьям басмачей приготовили жилье и пищу.

Убедившись, что эта масса людей на той стороне, Ибрагим-бек направил своих конников к заставе Чубе и силой прорвал цепь охраны. Басмачи вступили на территорию Таджикистана.

Бек не двигался единой колонной. Едва переступив рубеж, он рассеял своих курбаши по разным местам. Ему надо было зажечь пламя сразу во всех районах, создать впечатление большой войны. Преследовалась и другая цель — распылить наши силы, не дать чекистам возможность сосредоточить удар в одном направлении.

И этот ход и другие действия Ибрагим-бека говорили об умении басмаческого главаря вести войну в горных условиях, о его незаурядном полководческом, если можно так громко сказать, таланте и организаторских способностях. Перед нами был серьезный противник, и военный, и политический. Переходя рубеж, бек захватил с собой пропагандистскую литературу, которая сейчас же была пущена в ход. Семьи басмачей тоже имели задание вести агитацию среди населения, и то, что нам сразу удалось изолировать их от основного басмаческого ядра, уменьшило опасность проникновения враждебных элементов в гущу дехкан.

Ибрагим-бек действовал решительно. Разведка доносила ему о наличии гарнизонов в тех или иных местах и о количестве бойцов. Налеты совершались на те пункты, где наши силы были незначительны и где банды могли добиться успеха. Бек хотел произвести впечатление на жителей и в первые же дни он захватил несколько кишлаков. Отряды добровольцев едва успевали выезжать на сигналы активистов. Бои возникали всюду.

По приказу Ибрагим-бека началось убийство партийных и советских работников. Кулябский округ запылал кострами.

До появления главных сил Красной Армии чекисты на местах создавали добровольческие отряды и выступали

против басмачей. Помощник начальника ГПУ Кулябского округа П. С. Шаталов собрал группу активистов и бросился с ними в ущелье Аксай. Там засели после ограбления кишлака басмачи. Шаталов решил смелым ударом смять шайку, рассеять бандитов. Внезапность не всегда, однако, приносит успех. Басмачи заметили из своих укрытий, что против них выступает малочисленная группа и встретили чекистов огнем.

Добровольческий отряд, насчитывавший всего десять человек, повел бой против целой банды. Шаталов показал себя смелым командиром. Ему не раз приходилось биться с беляками и басмачами, и весь свой опыт он применил в этой неравной схватке. Вначале бандиты оборонялись, потом стали обходить отряд. Образовалось кольцо, которое, постепенно суживаясь, образовало смертельный круг.

Ждать помощи было неоткуда. Стоять до конца или прорываться! Чекисты несколько раз бросались в атаку, но убийственный огонь винчестеров заставлял возвращаться в укрытия. Ряды добровольцев редели. Бесстрашный коммунар С. Носовец погнал своего коня на цепь бандитов. С обнаженным клинком он влетел в гущу противников и принялся рубить их. Десяток пуль впилося в его тело. Чувствуя, что слабеет, чекист сполз с коня и укрылся за бугорок. Отсюда он стал расстреливать басмачей из нагана. Шесть бандитов легли на склоне. Еще оставалось несколько патронов в барабане, и Носовец выбрался на грабень, чтобы оттуда стрелять наверняка по приближающимся басмачам.

Еще полчаса борьбы, еще полчаса жизни. Чекист истекал кровью. Последний патрон он оставил для себя. Не хотел, не мог отдать себя живым в руки врага. Когда его окружили и с торжествующими криками бросились, чтобы схватить, Носовец сделал последний выстрел.

Бандиты терзали уже безжизненное тело героя.

В ущелье Аксай погиб весь отряд, первым выступивший против врага. Гибель отряда способствовала тому, что Ибрагим-бек укрепил свой авторитет среди единомышленников как удачливый военачальник. Весть о басмаческой победе была разнесена муллами по всем кишлакам.

Служители аллаха не называли число побежденных — десять человек, а обобщали событие, именуя группу наших бойцов частью Красной Армии. «Войны ислама уничтожают неверных! — кричали они. — В руках Ибрагим-бека священный меч».

Притаившиеся заговорщики подняли голову. Пришли в движение силы, на которые рассчитывал «воитель за веру». Они стали запугивать дехкан, заставляли их вступать в басмаческие шайки. Часть кишлачного населения поддавалась вражеской агитации. Курбаши получали пополнение от своих сообщников. Банды разрастались.

Нужны были решительные меры для подавления мятежа. В Душанбе прибыл командующий войсками Среднеазиатского военного округа Дыбенко и его помощник Грязнов. В район действия басмачей были стянуты три кавалерийских полка 7-й отдельной бригады и два полка 3-й стрелковой дивизии. Из Ташкента прибыла узбекская кавалерийская бригада под командованием Миршарапова. Сформировался таджикский кавалерийский полк. Все предназначалось для быстрой ликвидации басмаческой группы Ибрагим-бека.

На чекистов возложили задачу обезвредить заговорщиков, ведших вражескую агитацию в кишлаках, выявить и изолировать провокаторов, диверсантов. В обязанности органов ГПУ входила также защита активистов от покушений со стороны басмаческих агентов, организация добровольческих отрядов по борьбе с налетчиками и диверсантами. Самым важным было решение проводить работу среди курбашей и рядовых джигитов по добровольной сдаче их властям. Были отпечатаны специальные листовки для распространения среди подчиненных Ибрагим-бека.

Последнее являлось наиболее трудным и опасным, так как чекистам предстояло пробраться в пункты расположения басмаческих групп и вести работу в окружении жестокого и беспощадного врага. Сотни разведчиков взяли на себя эту миссию и выполнили ее.

В короткий срок была создана сеть наблюдателей в кишлаках. Передвижение банд фиксировалось и передавалось с нарочными в штабы. Штабами дехкане называли оперативные группы, возглавляемые ответственными работниками ГПУ. Такие группы находились в районах действия басмаческих банд: в Кулябском округе, в Янгибазаре, в Локае. Особое внимание уделялось Локай-Таджикскому району, где влияние Ибрагим-бека было очень велико. Сюда направили и меня в качестве помощника начальника опергруппы С. А. Икка.

Против нас, если так можно сказать, стояла банда знаменитого в то время Алимардана Датхо. Его послал в

этот район Ибрагим-бек, надеясь на помощь близких людей. А близких людей в Локае было много. Большинство родственников бека и Алимардана Датхо проживало здесь, из жителей Локая курбаши набрали немало джигитов.

Наше появление в селении Караманды насторожило жителей. Они, как я уже говорил, были связаны с бандой Алимардана родственными узами и их беспокоила судьба собственных мужей, сыновей и братьев. Был уже поздний вечер, когда мы въехали в горный кишлак. Солнце село давно, и склоны погрузились в темноту. У глинобитных саклей и войлочных юрт пылали очаги, а вокруг расположились семьи в ожидании ужина. Стук копыт заставил всех подняться. Возможно, люди подумали о басмачах, хотя банды, как правило, врывались в селения на полном скаку, мы же ехали шагом. Отряд, сопровождавший оперативную группу, состоял из семидесяти бойцов внутренних войск ГПУ. Такое обилие верховых было неожиданностью для дехкан. Нетрудно понять тревогу родственников басмачей, усмотревших в появлении красноармейцев опасность для близких.

Мы не случайно избрали этот кишлак для опорного пункта. Здесь, в самом центре событий, лучше всего можно было развернуть работу по разложению басмаческих банд и организации добровольческих отрядов из дехкан. Локайский район являлся базой Ибрагим-бека, и мы намеревались выбить ее из-под «воителя за веру».

В нашу группу входили два замечательных чекиста — Абдулазиз-ревком, являвшийся командиром доброотряда Локай-Таджикского района, и Хакназар Турдыяров. Им, хорошо знавшим быт и нравы локайцев, легче было вести пропаганду среди местных жителей, чем кому-либо из нас. Абдулазиз-ревком и Турдыяров сумели в короткий срок провести работу в окрестных кишлаках и собрали десяти-тысячный митинг на склоне горы у селения Караманды. Это был необычный митинг. Пестрая толпа расположилась вокруг чекистов и громкими выкриками сопровождала выступления Абдулазиз-ревкома и Турдыярова. Люди поняли, что Ибрагим-бек несет с собой ненавистную каждому земледельцу войну, разоряет край, льет кровь ни в чем не повинных людей.

— Мы не хотим, чтобы наши сыновья поднимали оружие на своих братьев, — заявили дехкане. — Надо вернуть их домой.

Тут же старики вынимали из-за поясных платков обращение Ибрагим-бека к локайцам и бросали на землю.

— Он лжет, этот бек, никакого счастья он не даст людям, только слезы и разорение. Уже сейчас его джигиты обируют нас, последнее зерно выносят из амбаров. Советская власть помогла беднякам купить лошадей и волов для работы, а курбаши отняли.

Не все приехавшие на митинг осуждали бека. Бан молчали. Им курбаши сулил власть над дехканами, возвращение земли. Да и кое-кто из них вложил в авантюру Ибрагим-бека немалые деньги, надо было вернуть их.

Митинг решил помочь нам ликвидировать банду и, прежде всего, отозвать своих родственников и соплеменников из басмаческих рядов. Когда решение было зачитано, толпа ответила гулом одобрения. Тут же Хакназар Турдыев от имени правительства Таджикистана объявил амнистию басмачам, которые сдадутся в течение пяти дней.

Результат превзошел все ожидания. Банда Алимардана Датхо стала разваливаться. Вначале с гор потянулись рядовые басмачи, они сдавали оружие и возвращались к мирному труду. Потом попросили мира и курбаши. После бесед с чекистами, пробравшимися в басмаческие стоянки, они решили покончить с разбоем. В течение короткого времени сложили оружие Абдулкасыр Датхо, Паша Кул, Сухбан Кул, Кара Кул. Сам главарь банды Алимардан Датхо с большим числом сообщников ушел к Ибрагим-беку, в горы Чалтау.

Бек лишился своей базы в Локае, но прекращать борьбы не собирался. Оставив часть курбашей в Кулябском округе, он вместе с Алимарданом Датхо переправился на правый берег Вахша и пошел в горы Рангантау. Стоянкой для своей банды бек избрал кишлак Бедак. Отсюда ему была видна вся долина и город Душанбе.

Этот период для Ибрагим-бека оказался критическим. Видимо, вера в быстрое осуществление замысла пошатнулась. Он не мог не понимать, что Таджикистан изменился за эти годы, что люди вросли в новое, поднялись, существует могучая армия, способная нанести их силам сокрушительный удар. Части ее уже стягиваются к басмаческому логову. Главное, единомышленники бека, оказавшись на родной земле, изменяют своему главарю, бросают банду, тянутся к миру, к труду. Однако отступать было поздно. Озлобленный Ибрагим-бек решил драться до последнего.

В горах Рангантау находился мазар с останками предков Ибрагим-бека. В первую же ночь он направился к могилам и стал молиться, призывая бога помочь ему. Он все еще пытался представить свою авантюру, организованную английской секретной службой, как священную войну. Ишанов, сопровождающих его, принуждал творить молитвы во имя зеленого знамени газавата, в присутствии кишлачных жителей совершал намаз, поклонялся «святым местам».

На другой день бек пригласил к себе влиятельных лиц из окрестных селений и призвал их присоединиться к «армии ислама», помочь победить большевиков.

Об этом собрании мы узнали в тот же день. Я выше говорил о широкой разведывательной сети, созданной нами в районах действия басмачей. Немедленно была подготовлена комбинированная операция по ликвидации банды. Ее проведение возложили на нашу оперативную группу, возглавляемую Икка, а также дивизион ГПУ и добровольческий отряд под командой Абдулазиза-ревкома, Рия Гияева и Кувандыка Ташаева.

Вечером мы двинулись в путь. Сторожевая охрана Ибрагим-бека должно быть предупредила курбашей о приближении нашего отряда. Бек снялся со стоянки и двинулся в горы. Лишь под утро нам удалось настичь басмачей. Это произошло у кишлака Карабулак. Начался бой.

Это был первый бой с основными силами Ибрагим-бека. Вначале он попытался сопротивляться. Банда укрывалась и повела огонь против нас. Пули сыпались градом из-за деревьев, камней, выступов скал. Враг намного превосходил по силе наш дивизион и добровольческий отряд. Мы наседали, но смять тысячную банду не могли. К тому же Ибрагим-бек не жалел патронов, которыми его в изобилии снабдили англичане. Не знаю, сколько бы времени продолжалась эта схватка в горах, если бы не подоспели добровольческие отряды Кувандыка Ташаева и Юлдаша Сахибназарова и эскадрон 79-го кавалерийского полка. Они подошли с флангов и стали охватывать противника. В небе показались два самолета из Душанбе. Снижаясь, они открыли огонь из пулеметов по скоплениям басмачей.

Банда в панике хлынула в долину, понеслась в сторону Кабадианских степей. На поле боя и на дороге осталось много раненых, брошенных на произвол судьбы Ибрагим-беком. Трудные дни наступили для бека. Куда бы он ни

кидался, всюду его встречали части Красной Армии. В стычках он терял немало людей убитыми, еще больше исчезало — басмачи группами сдавались в плен или просто складывали оружие, отказываясь воевать под зеленым знаменем. Рассеянные по разным районам курбаши уже не могли помочь своему «главнокомандующему». Один за другим они выходили из игры, чувствуя свою обреченность. Около бека осталась лишь группа его приближенных, терять которым было нечего. Исконные враги советской власти, запятнавшие себя страшными преступлениями против народа, всевозможные беки и ишаны связывали себя с «воителем за веру» навсегда. Поэтому даже в критическую минуту они были около него. С ними он перешел вброд Кафирниган и взял направление на Шахрисабз. На другом берегу реки к нему присоединились банды Ишан Исахана и Ташмана. С помощью популярных духовных лиц Ибрагим-бек надеялся на территории Узбекистана обрести новую базу и собраться с силами.

За Кафирниганом беку тоже не повезло. На перевале Сангардак колонну басмачей обстрелял самолет. На горной тропе легло около ста джигитов. Спасаясь от стальной птицы, банда ущельями двинулась к равнине. Ибрагим-бек, кажется, отбросил мысль о передышке на узбекской земле и избрал ее лишь как удобную дорогу к границе. Перевал вторично одолевать было опасно, следовательно, о возвращении не могло быть и речи — только вперед. Но прежде чем банда попала в долину, ей пришлось столкнуться с новым противником. В ущельях Сангардака бек наткнулся на табун лошадей, принадлежавший местным скотоводам, и решил захватить его: многие джигиты потеряли коней в последних боях, да и с питанием было плохо.

Прежде такие «приобретения» не вызывали протеста со стороны дехкан. Они робко подчинялись произволу курбашей. Но на этот раз грабеж не удался. Скотоводы отправили гонца в Шахрисабз с донесением, а сами окружили банду и преградили ей путь. Почему-то бек не принял вызов. Видимо, он боялся выстрелами выдать свое место расположения и привлечь части Красной Армии. Он приказал свернуть в сторону Байсуна. Но едва банда проскакала несколько километров, как увидела эскадрон красноармейцев, двигавшийся ей навстречу.

Ибрагим-беку пришлось сделать то, чего он больше всего не хотел сейчас — повернуть обратно в горы Бабитага.

Другого выхода не было. В ущельях Гиссарского хребта банда могла укрыться и даже выйти, пользуясь тайными тропами, к Кафирнигану и дальше к границе.

На какое-то время «воитель ислама» исчез с горизонта. Но мы знали, что он в ущельях и только несколько дней сможет там проплутать, рано или поздно банда выйдет к реке. По всем дорогам в горы направились воинские подразделения и добровольческие отряды. В такой западне басмачи оказались впервые. Они хорошо изучили горы, пользовались услугами проводников и были уверены, что свободная тропа есть. И ошиблись.

Обессилившую банду Ибрагим-бек привел в Айбулак, недоступное басмаческое гнездо, где не раз отсиживались курбаши, пользуясь гостеприимством горцев. Прежде при появлении шайки местные богатеи посылали навстречу гостям людей с подносами, наполненными лепешками и мясом. Теперь нравы изменились. Никто не встретил бека. Им вообще отказали в гостеприимстве.

Басмачам было не до церемоний — они припали к воде, чтобы утолить жажду. Не знали «воители за веру», что в кишлаке им приготовлен особый дастархан. На банду бросились эскадрон 79-кавалерийского полка и отряды добровольцев. Ибрагим-бек успел скрыться, а все его приближенные, выхватившие оружие, были окружены и взяты в плен. Наконец, нам в руки попали такие головорезы, как Ишан Исахан, Абдул Каюм-парваначи, знаменитый Алимардан Датхо, Бабаджан би, Шахасан, Кугенбек и другие сообщники Ибрагим-бека, составляющие ядро банды. Среди пленных оказался и личный представитель эмира бухарского — Сдур.

Вместе с беком ушли лишь два курбаши — Мулла Ахмед би и Сахиб-командир. По предположению штаба «воитель ислама» должен был вернуться в Локай-Таджикский район, иначе говоря, пересечь Кафирниган. Поэтому план председателя ГПУ Таджикистана т. Дорофеева сводился к тому, чтобы взять Ибрагим-бека именно на переправе или около нее.

Была создана специальная оперативная группа по захвату бека. В нее вошли чекисты Енишевский, Куфельд. Конный отряд ГПУ под командованием т. Васильева и пять добровольческих отрядов, возглавляемых Мукумом Султановым, Кувандыком Ташаевым, Абдулазизом-ревкомом, Юлдашем Сахибназаровым и Кувандыком Алашевым,

должны были сопровождать группу при выполнении задания. Руководить операцией поручили мне.

Отряды находились в разных пунктах, и для того чтобы собрать их, предстояло наметить место соединения сил. Где появится Ибрагим-бек? Допрос курбашей, захваченных в Айбулаке, дал возможность построить примерную схему маршрута. Все пленные сходились на том, что бек попытается соединиться с курбаши Кур-Артыком, орудовавшим в Кулябском округе. Одному «воителю за веру» не продержаться даже неделю, ему необходима вооруженная поддержка. Дорога к Кур-Артыку лежит через Акмечеть, единственно удобную переправу в это время года.

Одна переправа существовала в нашем оперативном плане, но враг мог воспользоваться и другими, даже с риском для жизни. Ибрагим-бек понимал, что его преследуют и даже встречают и, конечно, в единственно удобном месте — Акмечети. Пойти обычным путем, значит отдать себя в руки противнику. Все это следовало учитывать при разработке и при анализе поступков бека: он был не глуп, обладал великолепным чутьем и большим опытом.

Перед тем как выехать из Душанбе, я разослал письменные распоряжения всем отрядам расположиться вдоль левого берега Кафирнигана и путем разведки установить место перехода Ибрагим-бека. Согласно нашему плану добровольческий отряд Мукума Султанова отвечал за участок близ кишлака Исанбай. Ему же поручалась организация колхозников на розыски бека.

Наша оперативная группа прибыла в Исанбай поздно ночью. Кишлак был погружен в темноту, и мы старались бесшумно пробраться к месту расположения гарнизона. Командир отряда Султанов не спал. Оказывается, он разослал разведчиков по окрестностям и ждал донесений. Уже минула полночь, а никто еще не вернулся с задания.

— Может быть, бек уже перешел? — спросил я Мукума.

— Нет, — довольно твердо ответил командир отряда. — Весь день люди следят за берегом и никого не заметили. Вдоль всего Кафирнигана цепь дозоров, трудно пробраться не только человеку, но и зверю.

Не только дозорные, сама река оберегала берег. Бурное таяние снегов в горах вызвало подъем воды, и она залила низменные места. Это было июньское половодье, срывавшее паромы и причалы, уносившее все живое, встречав-

шееся на пути. Вброд идти против такого потока равносильно самоубийству. Поэтому, когда я спросил у Султана относительно ночной переправы, он также отверг мое предложение:

— Если бек пойдет ночью, Кафирниган сам его убьет... Слышишь, как шумит.

Да, река громко извещала о своем буйном беге, не позволяешь тому, кто рискнет войти в нее сейчас.

В ожидании донесений разведчиков мы занялись подготовкой операции. Прежде всего, вызвали всех паромщиков и предупредили о возможном появлении Ибрагим-бека. При обнаружении беглецов паромщики должны немедленно сообщить в оперативную группу. В противном случае всякий, кто самовольно перевезет басмачей на этот берег, будет считаться предателем и сообщником бека, объявили мы.

Вместе с нами бодрствовал в ту ночь и председатель сельсовета Мамед Раджаб Ярмухамедов. На него была возложена задача собрать к утру колхозников и начать розыск «главнокомандующего» басмаческими войсками. Он заверил нас, что к розыску люди готовы и с первыми лучами солнца выйдут к Кафирнигану. Там на полях близ берега колхозники будут работать и наблюдать за всем, что творится на той стороне реки.

С рассветом началась операция. В Душанбе нам дали срок несколько дней. Опергруппа выполнила задание в одни сутки. Утром 23 июня Ибрагим-бек был взят. И вот как это произошло.

Колхозники Юлдаш Игамбердыев и Карим Алимарданов по указанию председателя сельсовета работали на хлопковом участке рядом с берегом. С утра было тихо и спокойно. Противоположный берег Кафирнигана казался пустынным — ни души. И на этом «царило спокойствие» — дехкане мирно трудились на полях, пасли овец.

Солнце уже поднялось сравнительно высоко, когда двое колхозников услышали крик на той стороне реки. Заслонив глаза от ярких лучей ладонями, они всмотрелись в берег и увидели трех человек. Те махали руками, просили приблизиться.

Юлдаш и Карим подошли к воде.

— Что надо? — спросили они неизвестных.

— Найдите гупсары для переправы! — приказал один из незнакомцев. — И побыстрее!

Колхозники еще не знали, кто это, но, имея указания

сообщать о всяком появлении людей на берегу, закивали одобрительно головами.

— На сколько человек гупсары? — поинтересовался Игамбердыев.

— На троих, — ответил незнакомец. — И еще приготовьте трех лошадей и немного лепешек... Заплатим за все...

Колхозники пообещали выполнить приказание и кинулись к председателю. Тот признал в старшем незнакомце, по описанию Алимарданова и Игамбердыева, никого иного, как Ибрагим-бека и послал колхозников в Исанбай в опергруппу.

— Незнакомцы ждут на берегу? — уточнил я у гонцов.

— Да, спрятались в кустах.

— Берите гупсары и отправляйтесь на тот берег, — приказал командир эскадрона Васильев. — Посадите путников и возвращайтесь назад. Никому ни слова.

— Будет выполнено, начальник. А как с лошадьми?

— Скажите, что лошади в овраге, только хозяева дорого за них просят. Лепешки передайте сразу. За них деньги можете не брать.

— А если они нас убьют? — забеспокоился Алимарданов.

— Вы для них все равно, что рука аллаха. Без вас они пропадут в Кафирнигане. А на этом берегу не успеют ничего сделать, так как мы встретим гостей.

Колхозники заторопились к переправе, а опергруппа провела короткое совещание. Было решено скрытно вывести двадцать добровольцев из отряда Султанова в овраг, спускавшийся к берегу, и там расположить в засаде. Решение это было единственно правильным, так как они носили обычную дехканскую одежду и не могли своим видом вызвать подозрение у басмачей.

Спустя некоторое время в сторону переправы направились весь отряд Султанова, оперативная группа и часть дивизиона под командованием Васильева. Овраг в какие-нибудь полчаса превратился в позиции, занятые воинской частью. Я избрал удобное место для наблюдения. Отсюда мне были видны переправа и движущиеся с противоположной стороны гупсары. Я различал вначале лишь силуэты людей, потом вырисовывались и лица. Человек с бородкой показался мне похожим на Ибрагим-бека, хотя никаких внешних признаков главаря басмаческой «армии» заметить

не удавалось. Он был в синей чалме и в обычном полосатом халате.

Наступила самая важная минута операции. Султанов с тремя бойцами двинулся к месту причала, я во главе остальных доброотрядцев пошел следом — возможно, командиру понадобилась бы помощь.

Плот медленно подплывал к берегу. Остались какие-то метры. Вот край его уперся, и люди качнулись. Стоявший впереди прыгнул на землю. И тут же поднял руки. На него уставились сразу четыре нагана. Подняли руки и остальные басмачи.

Главарь басмаческой банды, руководитель одной из крупнейших военных провокаций против наших среднеазиатских республик, агент английской секретной службы, сподвижник эмира бухарского, «неуловимый» Ибрагим-бек был пойман. Сейчас, здесь, у берегов Кафирнигана, простыми колхозниками, взявшими оружие в руки, чтобы избавиться, наконец, свою землю от ядовитых змей, заползших из-за рубежа.

Вот он, давний враг наш — сидит молча, с подвязанной рукой, и смотрит на людей исподлобья. Он говорил, что любит их и ради спасения их душ обнажил меч. Почему же теперь молчит? Да потому, что видит во взглядах дехкан ненависть к себе. Слишком много крови пролил Ибрагим-бек на своей родине, слишком много сирот осталось после его набегов и казней, слишком много слез вызвал грабежами. Он хорошо служил иностранцам и плохо — своим соплеменникам. Они его проклинали. И это проклятие не отвратят талисманы, навешенные на его камзоле, выдержки из корана, вделанные в серебряную оправу. Закончился путь «воителя за веру».

Знаменательно, что басмаческий военачальник был повергнут не войсками, не в большом сражении. Затравленного волка поймали дехкане — помощники чекистов. Я должен назвать еще раз их имена. Это — Карахан Сардаров, Абдурахман Алимарданов, Иса Хальяров и их командир Мукум Султанов. И два смелых, смекалистых колхозника — Юлдаш Игамбердыев и Карим Алимарданов.

Через несколько часов в Душанбе полетела весть;

«Сегодня, 23 июня 1931 года, близ селения Исанбай, завершена операция по ликвидации Ибрагим-бека. Вместе с двумя телохранителями он схвачен, обезоружен и взят под стражу...»

В ДАЛЕКИЕ, ДВАДЦАТЫЕ...

Гибшман-Ивановский Израиль Давидович

1899 года рождения, член КПСС с 1919 года, в органах ВЧК-ОГПУ работал с 1919 по 1937 год. Персональный пенсионер,

Перед отъездом меня предупредили:

— В Семиречье беспокойно. В станицах полно контры...

В тот далекий двадцать первый год обстановка в стране, действительно, была напряженной. А в пограничных районах, на окраинах, борьба шла день и ночь.

Семиречье... Я еще не знал, что представляет собой этот край. Хорошее, красивое название. Реки Или, Каратал, Биен, Аксу, Лепса, Баскан, Сарканд несут свои воды с Джунгарского Ала-Тау и Северного Тянь-Шаня. В плодородных долинах этих рек разбросаны десятки казачьих станиц, кулацких хуторов. За крепкими заборами громяют цепями свирепые псы. Они чем-то похожи, эти откормленные собаки, на своих хозяев. Вгрызутся в горло любому, кто посмеет войти в их владения.

— Там придется поработать...— предупреждают меня.— Рядом граница...

Возможно, эти предупреждения были лишними. Мы, все сотрудники ВЧК, знали о положении в стране и на ее границах.

Меня послали в город Верный (ныне Алма-Ата) на должность начальника информационно-оперативной части Особого отдела штаба Семиреченского фронта.

Да, нас ждала «работа». Огромная, трудная.

Почти во всех казачьих станицах руководящие посты занимали бывшие офицеры царской армии и кулаки. Рассчитывать на их поддержку было бы глупо. К тому же они, действительно, не сидели сложа руки. Они поддерживали тесную связь с белогвардейской эмиграцией в Синьцзяне. В это время в Северо-Западном Китае находились отряды и даже целые воинские части, которыми руководили генералы Анненков и Дутов.

Какими путями они были связаны? Что попытаются предпринять враги? Какая идет подготовка к вооруженным мятежам? На эти многие вопросы нам, чекистам, нужно было ответить.

Контрреволюционеры действовали хитро. Они использовали любую возможность, чтобы восстановить против нас местное население. Они распространяли о большевиках всевозможные грязные слухи, запугивали простых людей, вели свою пропаганду.

Помню, проезжая по одной из станиц, я увидел вывешенный лозунг: «Да здравствует советская власть без коммунистов».

Выступать открыто враги еще не могли. Не ожидая, пока они соберутся с силами, мы обезвреживали одно гнездо за другим. Разумеется, раскрывать их было нелегко. Какие только маски не надевали они: и сочувствующих, и людей вне политики, и даже друзей.

В 1918 году под честное офицерское слово был освобожден из-под ареста бывший полковник царской армии Бойко.

— Как образованный человек, я смогу принести пользу моему народу и новой власти.

Ему поверили. Бойко поселился в Верном, но часто ходил в разъездах. Это было связано с его работой в системе сельского хозяйства. Странное дело, поездки Бойко давали о себе знать. Но не в нашу пользу. Оказывается, бывший полковник встречался в узком кругу с такими же бывшими офицерами, как он, с кулаками. Он создавал группы. Широкую сеть групп, которые можно всегда поднять с оружием в руках.

Тоненькая ниточка тянулась через хутора и станицы к городу Кульджа на территории Синьцзяна. А оттуда ниточка возвращалась в крепкие руки опытного врага. Полковник Бойко получал и оружие, и антисоветские брошюры.

Что ж, потом эта ниточка уже от арестованного белогвардейца повела нас по всем гнездам.

По-иному действовали другие враги. Полковник Беянин имел все, кроме... подчиненных. Скрываясь на китайской территории, он часто выползал за границу. Здесь, в Семиречье, он объявил мобилизацию. По хуторам и станциям прошел слух. И все недовольные советской властью, а это были бывшие офицеры и кулаки, потянулись к новоявленному атаману.

Формирование отрядов шло полным ходом. Вероятно, полковник Беянин и не представлял, что через всевозможные преграды к нему просочатся чекисты, стараниями которых отряды так и не были сформированы. Беянину пришлось поднять руки, так и не организовав открытого выступления.

А в Синьцзяне белогвардейская верхушка по-прежнему вынашивала новые планы вторжения на территорию советской республики.

Контрреволюция хваталась за любую соломинку. Лишь бы удержаться на поверхности жизни. Тонут, захлебываются, но все-таки пытаются на час, на день, на месяц удержаться. Появлялись самые неожиданные атаманы и командующие. Так появился глава «национального освобождения» некий Хусайнбек Юнусбеков — в свое время владелец типографии в г. Джаркенте. Он тоже решил выступить против Советов.

Сразу же после революции, в 1918 году, Юнусбеков сбежал в Кульджу, прихватив с собой все состояние, в том числе и оборудование типографии. Он понимал, как могут пригодиться шрифты на уйгурском, татарском, русском и других языках.

Типография начала действовать за границей, а «продукция» стала поступать к нам.

— Читали?

Я беру листовку. Это воззвание, призыв к борьбе против коммунистов, истерический крик погибающих. Конечно, крик злой, с руганью.

Попадали к нам и брошюры. Стиль их изложения не отличался от листовок. Вновь ругань в адрес молодой республики.

Но недолгой была деятельность Юнусбекова. В одну из вылазок на советскую территорию его банда была

разгромлена. Перестали появляться и листовки со знакомым шрифтом на языках местных национальностей.

Мы всегда твердо верили, что у простого человека, труженика все-таки откроются глаза на жизнь, он увидит, кто у него настоящий друг, а кто враг. Но ожидать, когда придет это время, мы, конечно, не могли.

Контрреволюция делала теперь ставку на отдельных «национальных героев». Из числа эмигрантов местных национальностей привлекались те, кто мог возглавить борьбу с советской властью.

— Еще один...— докладывают в Особом отделе.

За этим «одним» скоро встанут десятки, а то и сотни других. Будут среди них и обманутые люди. Националисты знают, на каких человеческих струнах нужно играть: наша земля, наш народ. Сами-то они эту землю и свой народ продают там, за границей, белогвардейцам и китайской контрреволюции. Своих хозяев буржуазные националисты знают давно.

— Еще один. Бекулов.

Начинаем собирать данные об этой личности. О враге нужно знать все. Только потом вступить с ним в борьбу и обезвредить его.

Оказывается, офицер Бекулов служил вместе с Анненковым еще до революции.

Появляется на горизонте и другая фигура. Тоже знакомая личность. Тоже из Джаркента. Бывший ветеринарный врач гарнизона подполковник Исанкулов. Оказавшись в изгнании, и он забеспокоился о судьбе своего народа.

На первый взгляд они все похожи друг на друга: и Юнусбеков, и Бекулов, и Исанкулов, и многие другие. Да и хозяева у них были одни.

Но чекистам с каждым приходилось встречаться по отдельности. Каждый требовал к себе «персонального подхода».

Мы знали, какие сцены происходили в ставке белой эмиграции.

— Сколько уже у вас?— по-хозяйски рассказывает по кабинету бывший казачий офицер, полковник Сидоров.

Его имя наводило на местное население ужас. Зверь вырвался на волю. Что хотел, то и делал.

— Две сотни стоят за мной...

— Вы должны еще привести людей...

Исанкулов соглашается: он приведет. Ему нужно только выбраться. Он приведет.

Полковник Сидоров снабжает оружием не только эту шайку. Но все бесполезно. Чекисты завершают еще одну операцию. Не удастся каким-то отдельным юнусбековым—исанкуловым полить кровью освобожденную землю.

Труднее пришлось с самим Сидоровым.

Это ловкий, хитрый враг. Он уже много причинил зла. Его налеты отличались необузданным зверством. Его надежды соединиться с частями генерала Анненкова лопнули как мыльный пузырь.

В Семипалатинской области после первых встреч с Красной Армией белое «войско» стало рассыпаться. Окончательный удар Анненкову был нанесен в июле 1920 года. Оставшиеся группы белогвардейцев вынуждены были уйти за границу.

Здесь полковник Сидоров развернул бурную организаторскую деятельность. Он опять принялся за формирование отрядов. Эмиграция признает его своим вождем, присваивает воинское казачье звание — атаман.

Новый атаман начинает готовиться к следующему походу.

— Кузницу открыл в Кульдже, — докладывают нам о каждом шаге Сидорова, — оружие ремонтирует.

Атаман по-прежнему поддерживает связь с генералом Анненковым, который в это время находится в Урумчи.

Белокитайские власти предоставили и убежище и все возможности русским эмигрантам для организации борьбы против Советов.

Связным атамана Сидорова в это время был офицер казачьих войск хорунжий Касымхан Мухамедов. На одной из встреч генерал Анненков тепло встретил его. Как с равным побеседовал с ним. Откуда было знать генералу, что содержание этой беседы скоро станет известно нам.

Хорунжий внимательно выслушал генерала о новых планах эмиграции. По комнате неслышно двигались слуги-китайцы. Они ставили на стол угощения. Привезенный Мухамедовым пакет, вероятно, поднял настроение генерала.

Правда, Анненков был недоволен многими событиями последних дней.

— По Синьцзяну спокойно разъезжают работники советских представительств.. Видите ли, становятся на ноги..

Генерал наклонился к хорунжему:

— Нам всем нужно вместе быть... В один кулак собраться и... ударить.

Хорунжий Мухамедов пользовался авторитетом и у атамана Сидорова, который даже давал под командование молодого офицера казачью сотню.

Атаман Сидоров снова собирался с силами. Нам стало известно о численности его отрядов. Что если этот лютой враг опять сорвется с цепи? Появится он, конечно, неожиданно. Будет избегать встреч с Красной Армией. И пока такая встреча состоится, атаман оставит на нашей земле десятки, сотни кровавых следов.

Пришло время действовать. Было принято решение покончить с атаманом Сидоровым в его логове, а шайку разгромить.

И вот пятнадцатого августа 1922 года атаман был убит на квартире бывшего хорунжего Касымхана Мухамедова.

Сам Мухамедов сразу же встретился в условленном месте с представителем Особого отдела Юсуфходжаевым. Лошади были наготове.

Несколько дней скакали Мухамедов и Юсуфходжаев, чтобы доложить о выполнении задания.

Так свершилось возмездие над одним из злейших врагов советского народа.

Касымхан Мухамедов — один из старейших чекистов Узбекистана — ныне здравствующий персональный пенсионер.

За его голову в свое время была объявлена белокитайскими властями высокая награда. Отчаявшись поймать Мухамедова, власти сорвали зло на... Сидорове. Они всыпали двадцать плетей... труп бывшего атамана за связь с преступником.

Но это было, так сказать, их личное дело...

Мухамедов Касымхан Закирович

1896 года рождения, член КПСС с 1936 года, в органах ОГПУ и МВД работал с 1923 по 1937 год. Пенсионер.

КУЗНИЦА В КУЛЬДЖЕ

На одной из неприметных улочек строго китайского города приютилось несколько крошечных кустарных мастерских. Все они были ветхими, задымленными, темными, так что в сумерках, всегда царивших здесь, с трудом удавалось разглядеть мастеровых, склонившихся над работой. Они пилили, сверлили, стучали молотками, и по этим звукам угадывался кузнечный ряд. Собственно, не все были здесь кузнецами, но улочка почему-то именовалась кузнечной. По-китайски, конечно. Существовало у нее и другое название — таранчинское. На этом языке говорило большинство местного населения.

Мастерские в то время принадлежали состоятельным ремесленникам казахам, татарам, узбекам, таранчинцам, русским. В двадцатом году в этой китайской провинции особенно много оказалось русских. Белогвардейские банды, разбитые в Семиречье, через горы ушли на Восток и, естественно, попали за кордон, где были интернированы китайскими властями и временно осели. Именно временно, так как главари банд Анненков, Дутов, Сидоров предприняли переход границы не в целях прекращения войны, а для передышки и накопления сил. В Западном Китае искали прибежища все, кто оказался битым в Советской России, кому предстояло расплачиваться за свои преступления перед революционным народом. Мне приходилось встречать в Кульдже помещиков, купцов, жандармов, царских

чиновников, белых офицеров всех национальностей. И не просто встречать, а находиться среди них, слышать их речи, чувствовать настроение этих озлобленных жизненной неудачей людей. Они горели желанием снова вернуться в Россию, чтобы, прежде всего, мстить. Каждый надеялся вернуть утраченное, сесть на то место, с которого его согнал народ. Не стесняясь, эмигранты носили старые мундиры и ордена, даже хвалились ими. И это понятно: здесь, в Кульдже, существовали очень схожие с дореволюционной Россией порядки, местные власти заботливо относились к белогвардейскому отребью, выказывали бывшим чиновникам и военным свое внимание. Атаман Анненков, например, хотя и считался интернированным и значился арестованным, но пользовался свободой и жил припеваючи. Синьцзянские власти не только не притесняли его, а напротив, поощряли провокационную деятельность бывшего командующего семиреченскими белоказачьими бандами.

Так вот, одну из мастерских в Кульдже держал русский офицер и работали в ней бывшие белогвардейцы. Правда, мало кто знал, что в прошлом эти мастеровые значились прапорщиками или есаулами. Вместо прежних форм на них были рабочие куртки, косоворотки или кузнечные фартуки.

Если бы я не знал прежде в лицо владельца кузницы, то конечно, не обратил бы внимания на человека в простой штатской одежде. Обыкновенный содержатель маленького дела, без особых примет, ни толст, ни худ, ни горбат, ни хром. Добродушен, в глазах лукавинка, взгляд пытливый. Кузнецы тоже по виду простецкие ребята. Честно говоря, я мог вполне пройти мимо мастерской и мимо ее хозяина. Адрес был довольно туманный: кузница. А кузниц в Кульдже тьма-тьмущая. Тогда автомобили являлись редкостью, в Синьцзяне — тем более; помню, два раза и видел здесь грузовую машину, а так — все лошади, верблюды, ослы, поклажа на телегах и арбах. Работы для кузнецов неупрекнуть: кому шину на колесо изготовить, кому костыль вбить, кому удила выковать. А уж подковам счета нет. Весь транспорт на подковах. Город торговый, через него каждый день сотни караванов проходят, десятки обозов, выючных лошадей гонят со всех сел.

Большинство кузниц прилепилось у базаров и караван-сараяев, часть — на главных проезжих улицах и несколько у входных ворот города, около дунганских харчевен и чай-

ных. Моя кузница, я уже называю ее моей, поскольку из тысячи ищу лишь одну, не оказалась ни в центре, ни вблизи постоянных дворов, ни у выезда из Кульджи. Хозяин выбрал для нее самое неудобное, на мой взгляд, место — тихую, маленькую улочку за базаром. Поди догадайся, что там кузница. Ни один возчик, ни один караванщик не забредет сюда. Но кузница работает, люди носят мастерам всякую всячину, начиная от мотыги и кончая замком и лампой. Впрочем, хозяин, видно, не особенно заинтересован в заказах, не зазывает людей, не торопит рабочих. Сам до молотка и горна не дотрагивается, поглядывает издали. Чаще сидит в задней комнатухе и пьет чай, беседует с друзьями, что захаживают иногда в кузницу.

Трудно было набрести на эту мастерскую. И пока я нашел, истер подметки, пыли наглотался до одурения. Пыль в Кульдже особенная — густая, тяжелая, вязкая, пройдет караван — солнца не видно, а если всадники скачут — полдня будет стоять туман. Когда, наконец, увидел хозяина кузницы и удостоверился, что попал куда надо, на душе стало легче. До этого дважды заглядывал сюда, а владельца не заставал, чуть было не оставил мастерскую в покое, другого человека принял за хозяина, а другой мне без надобности.

Теперь точно — он. Полковник Сидоров. Белоказачий атаман, правая рука Анненкова. И не поверишь: синяя рубаша, картуз, подпоясан вместо ремня шелковым шнуром. Маленький незаметный купчишка.

Он меня тоже узнал. Вначале удивился, посмотрел пристально, не ошибся ли — подумать только, расстались на той стороне, встретились в Синьцзяне. Сидоров протянул мне обе руки, как старому знакомому, пожал их крепко. Я ответил тем же, хотя был насторожен: расстались-то мы год назад не друзьями. По приказу атамана Анненкова я и несколько моих товарищей были заочно приговорены к смертной казни. Так прямо было и написано, сам читал, — расстрелять за измену присяге. Но напоминать о приказе я не стал Сидорову.

— Как нашли меня? — не без удивления спросил полковник. В голосе его я уловил беспокойство. В Кульдже никто не знал о существовании атамана, во всяком случае, местные власти считали Сидорова погибшим, у них был зарегистрирован только купец Бодров. Легализация полковника потребовала бы его ареста, поскольку правительство

Синьцзян не имело права держать на своей территории воинские части другой страны и их командиров. К тому же белогвардейские военачальники входили в политическую организацию, ставившую своей целью вооруженную борьбу. Организация была тайная и, естественно, о ней не сообщали правительству, хотя отдельные чиновники знали планы и задачи белогвардейцев и даже помогали им.

— Верные люди подсказали,— ответил я.

Он прищурился, словно оценивал, насколько я искренен, и неожиданно улыбнулся.

— В счастливое время пришли.

Полковник оглядел улицу, не заметив ничего подозрительного, взял меня за локоть и повел внутрь кузницы, где виднелась небольшая дверь. Через нее мы и вошли в заднюю комнатку.

— В счастливое время пришли,— повторил полковник, когда мы уселись на маленьких табуретах,— народ стекается со всех сторон.

Он не объяснил, что за народ, но и так было понятно, кого имел в виду полковник. Мое участие в недавних походах сидоровского отряда давало право ему говорить доверительно, с расчетом на общую заинтересованность. Однако распространяться атаман не стал — первая встреча за рубежом — это лишь пробный шаг к сближению. Поэтому Сидоров стал расспрашивать, как я попал в Кульджу, как перебрался через границу, где живу, чем занимаюсь.

Я предполагал подобный характер беседы и заранее подготовил ответы.

Они были логичными и убедительными, в них все соответствовало реальному ходу событий и лишь сдвинулись некоторые детали и заменились причины. Полковник слушал меня с заметным интересом, но не вникал в суть моих рассуждений о необходимости дальнейшей борьбы. Она сама по себе предполагалась, раз я покинул родину и стал искать сообщников. Скоро он понял, что путь, которым пришлось мне идти, был естественным и даже шаблонным — все так перебирались в Синьцзян, и прервал меня.

— Хорошо сделали, решившись на такой шаг.— Полковник подумал и добавил:— Каждый офицер должен поступать по примеру своего начальника. Там пока делать нечего...— Под словом «там» Сидоров подразумевал Советский Туркестан и кивнул куда-то за стену.

— Да,— согласился я.

— Чем живете? — поинтересовался хозяин кузницы.

— Устроился в татарский «шанхай» делопроизводителем...

В Синьцзянской провинции тогда существовала своеобразная форма самоуправления для эмигрантов. Они селились в разных местах, но подчинялись канцеляриям по национальному признаку. Илийский округ включал в себя «шанхай»: русский, татаро-башкирский, казах-киргизский, узбекский, таранчинский. Управляли ими, естественно, ставленники китайского правительства.

— Думаю жениться на дочери одного купца, завести небольшое дело...

— Вот это зря... Здесь мы люди временные... Запомните, дорогой господин прапорщик, рвать с прошлым нельзя, вы связаны и происхождением, и офицерским долгом с Россией, и только с ней...

Мне хотелось выяснить, каковы планы самого атамана. Конечно, первая встреча не давала права на искренность, но кое-что мог сказать полковник, обмолвиться случайно.

— Значит, не советуете?

— Ни в коем случае...

— Однако бобылем жить трудно, — сказал я с горечью и сожалением.

— Временно ведь, — пояснил полковник.

Я надеялся, что он уточнит срок, хотя бы приблизительно. Не вышло.

На этом первая встреча с моим бывшим начальником закончилась. Честно говоря, она меня обрадовала, но не удовлетворила полностью. Безусловно, идя в кузницу, я и на такое не рассчитывал, вообще не знал, увижу ли атамана, главное было установить — в Кульдже ли Сидоров. Теперь, когда установил, загорелся желанием узнать больше, узнать все. Таков азарт молодого разведчика, такова закономерность всякого поиска. Тут легко увлечься и переступить грань. Сам Сидоров своей сдержанностью и осторожностью пресек мое чрезмерное любопытство.

В тот же день сообщение о Сидорове поступило к связанному и полетело дальше, в центр. Спустя неделю я получил приказ — продолжать операцию: идти на сближение с атаманом, выявлять его связи с остальными эмигрантами.

И я снова направился к Сидорову. Вторая встреча должна была продвинуть меня вперед к цели. Кто знает.

что затевают беляки. Ведь не случайно полковник обмолвился насчет временности моего пребывания в Кульдже. Возможно, срок короток и нам надо торопиться.

Как заставить атамана быть искренним? Как вызвать доверие?

Я стал припоминать все, что произошло по ту сторону границы, и анализировать свои поступки, стараясь быть объективным, глядеть на факты глазами полковника...

ПОБЕГ

Последний бой произошел под Джаркентом. В ночь на первое января 1920 года отряд атамана Сидорова получил приказ взять город. Пользуясь густым туманом, казачьи сотни подошли к Джаркенту на очень близкое расстояние и въехали в него, не встречая сопротивления. Командиры сотен знали, что гарнизон Джаркента невелик, но все же ожидали отпора. Тишина нас удивила и насторожила. Останавливаться, конечно, нельзя было, и отряд с ходу налетел на казармы. Тут-то и получили отпор. По нас ударили из винтовок и пулеметов. Стрельба была довольно беспорядочной и ущерба нам почти не нанесла. При желании мы могли взять казармы, но сидоровский отряд почему-то не дал ответный огонь, и отряд развернулся назад.

Как мы тогда поняли, цель налета заключалась в самом факте взятия города, он должен был продемонстрировать мощь казачьего войска атамана Сидорова. Произвести впечатление на его шефа атамана Анненкова. Белое воинство Семиречья уже пережило свою агонию, банды разваливались, остатки казачьих полков уходили за границу. Взяв Джаркент, мы все равно не смогли бы удержать его: у нас почти не оставалось боеприпасов, люди были вооружены в основном пиками, причем собственного изготовления. К тому же вера в победу давно погасла, и люди лишь по инерции продолжали подчиняться своим атаманам. Тут большую роль играл личный пример главарей, того же Дутова и Сидорова. Они фанатически держались своей пресловутой идеи восстановления прежнего строя России. Используя трудности, с которыми столкнулись Советы в первые годы строительства новой жизни, атаманы и их приспешники натравливали людей на коммунистов, виня их во всем, что произошло в результате империалистической войны, разрухи, голода и эпидемий. Однако заблуждение долго не

могло держаться, солдаты видели, как меняется жизнь, их тянуло к труду, миру.

Блеснув напоследок своим полководческим мастерством, Сидоров вроде закрепил за собой славу удачливого и смелого атамана. Он был рад, даже больше — счастлив. Я подумал тогда, что полковник заранее знал исход боя за Джаркент и план свой построил на простом проходе через город. Весь день первого января он праздновал и заставлял праздновать других. Атаман выстроил отряд и объявил всем сотням благодарность за смелость и мужество при взятии Джаркента, начальник штаба зачитал приказ, в котором производил в следующие чины всех офицеров, а младших командиров повышал в званиях. Мне атаман присвоил казачий офицерский чин хорунжего.

Несмотря на победу, все же чувствовалось, что конец атамана Сидорова близок. Двадцать дней мы стояли в ожидании нового, еще более серьезного наступления, как будто даже готовились к нему. Неожиданно на рассвете нас окружил небольшой отряд красных и стал обстреливать. Как оказалось, это был все тот же гарнизон Джаркента. Со стороны командира гарнизона было смелостью напасть на превосходящего по силе противника. Не знаю, на что он надеялся. Но окружил и начал обстреливать.

Сидоров дал команду сотням отходить без боя к казачьей станице Баскунча. Но бой все-таки завязался. Красные преграждали путь огнем, и атаману пришлось обороняться, прикрывать отходящие сотни цепью стрелков. Схватка была довольно жаркой, но кончилась быстро. Гарнизон, видя, что мы отступаем, прекратил огонь и вернулся в город. Отступление или, правильнее сказать, поражение не произвело на Сидорова впечатления. Он был, как и все в эти дни, в хорошем настроении, даже шутил. Вечером созвал командиров сотен в штаб и произнес заключительную речь. Дело, действительно, подходило к концу. Полковник поблагодарил офицеров за стойкость и самоотверженность, напомнил о взятии Джаркента, а потом объявил о прекращении самостоятельных действий и отходе к границе на соединение с отрядом атамана Анненкова.

— Помощи пока нет, — сказал полковник, — одним нам здесь делать нечего.

Утром отряд снялся со стоянки и по ущелью Хоргос стал подниматься в горы. Вначале мы двигались строем, как

и полагалось воинской части, но дорога все сужалась, и нам приходилось менять порядок, пока сотни, наконец, не вытянулись цепочкой. Впереди была лишь тропка, уходившая к перевалу.

Здесь, в горах, лежал снег, местами очень глубокий, и лошади тонули в нем по брюхо. Два дня мы барахтались в этой морозной каше, замучили лошадей и сами извелись. Ночами жгли костры, чтобы как-нибудь обогреться, восстановить силы. В глазах многих бойцов можно было прочесть отчаяние и страх. Они с радостью оставили бы отряд и скрылись, но некуда было податься — кругом пустынные склоны, скалы, пропасти. Атаман понимал состояние людей и всех торопил. Отряд растянулся по всему перевалу, от головы до хвоста цепи — чуть ли не километр. Заметно было, что часть бойцов отстает умышленно, стремится оторваться от штаба.

Для меня этот путь с отрядом Сидорова был последним. Я как бы провожал атамана до намеченного рубежа. А рубеж недалек. Скоро кончится наша земля и с ней моя служба у атамана.

На одном из привалов ко мне подошел Али Минеев и сказал тихо, чтобы никто не слышал:

— Нашел двух бойцов, у них в Баратала родственники. Можно укрыться на время.

Я молча кивнул. Значит, сигнал принят и пора действовать.

На следующий день отряд растянулся еще больше. Я попросил у атамана разрешение подтягивать сотни, уплотнять цепь. Он хмуро ответил:

— Действуйте, хорунжий!

Я свел коня с тропы и стал пропускать мимо себя бойцов. Они двигались еще медленнее, чем вчера, и пока я дождался своей сотни, прошло не менее часа. Сотня уже не интересовала меня. По уговору ко мне должен был подъехать Али Минеев, мой товарищ по службе в действующей армии. Он появился в назначенное время — часов в одиннадцать утра. Лицо у него выражало крайнюю озабоченность, я даже подумал — не сорвался ли наш план. Бойцы, которых подговорил Минеев, могли отказаться от побега или больше того — выдать нас, надеясь на награду. А такой вариант грозил мне и Минееву расстрелом. Атаману ничего не стоило прихлопнуть нас здесь, в ущелье, и бросить на съедение беркутам, что вились с утра до вечера над вершинами

гор, подстерегая отбившегося от отряда коня или человека.

— Чего стоишь на месте? — спросил с тревогой в голосе Минеев. — Полковник заметит.

— А он знает, сам приказал.

Это успокоило Али. Ему подумалось, что я без сигнала решил на глазах у всех отстать от отряда.

— Давай вместе подгонять бойцов, — предложил он. — Мои тоже растянулись.

На обочине, провожая взглядом верховых и покрикивая на нерадивых, мы выжидали минуту, когда можно будет договориться обо всем и уточнить время действия. Наконец, в цепи образовался большой интервал — кто-то замешкался или сошел с коня по своей надобности — и мы с Минеевым свободно обсудили детали побега. Своих бойцов он поставил в хвост и через час-два они подъедут.

Эти два часа растянулись на целые полдня. Солнце уже пересекло гребень и стало клониться к западу, когда показались на тропе два всадника. На поводу они держали запасную лошадь, нагруженную кошмами и продуктами. Минеев неплохо позаботился о нашем путешествии.

— За вами никого? — уточнил он.

— Кажется, — ответили верховые. — В ущелье пусто...

— Подождем немного, — предложил я. — Так будет надежнее.

Минеев не согласился.

— Упустим время, атаман хватится и пошлет разыскивать. Офицеры все-таки, заметно.

— Да и дорога трудная, засветло надо перебраться через реку. Вон солнце где, — заметил один из верховых.

Была ни была! Прощай, атаман. Больше мы с тобой уже не встретимся. Тогда, год назад, я был уверен, что судьба не сведет меня снова с полковником Сидоровым. Ошибся. Вот он передо мной.

ГЕНЕРАЛ И ТАЙ-ДЖУ

Атаман проговорился — назвал какого-то генерала в Куре, который разделял наши общие убеждения. Надо было понять, что лицо это влиятельное и даже могущественное. Во всяком случае, оно пользуется поддержкой Синьцзянского правительства и способно оказать помощь.

Фамилию генерала полковник не назвал или произнес так невнятно, что разобрать не удалось, переспросить же

я не решился — любопытство могло насторожить атамана.

Пришлось самому выяснять, кто такой этот могущественный покровитель хозяина кузницы. Город Куре находился в сорока километрах от Кульджи, если ехать на юго-запад. Город считался военным и там стоял гарнизон. Порядки, естественно, здесь были строгие. По улицам ходили патрули, место расположения казарм ограждалось и приблизиться к ним гражданскому лицу не представлялось возможным. Однако в городе свободно разгуливали беляки в форме, и военная комендатура для них была открыта. Видели здесь как-то самого Анненкова. Правда, слух этот никто подтвердить не мог, официально атаман считался узником и передвигаться по провинции не имел права. Русские офицеры между тем присутствовали на обеде, устроенном в честь своего бывшего командира. Больше того, говорили, что атаман являлся гостем коменданта Куре генерала И Тай-джу.

Теперь все стало ясно. Именно И Тай-джу имел в виду Сидоров, когда намекал на влиятельного сообщника. Вряд ли кто другой из близких к правительству лиц мог открыто принимать Анненкова. В то время китайское правительство уже признало Советскую Россию и утвердило в Кульдже советское консульство. Было бы нелогично и даже бестактно в той же самой Кульдже или Куре демонстрировать свои симпатии к врагам Советов. Подобный вызов способен был бросить лишь И Тай-джу. Он не являлся ни членом правительства Синьцзяна, ни государственным деятелем. Его считали наемником.

И Тай-джу во время гражданской войны в Семиречье примкнул со своей маньчжурской бригадой к Анненкову, стал одним из помощников атамана. Вместе они совершали налеты на станицы и города, и часто маньчжурская бригада выполняла роль ударной группы, разносила селения, поджигала дома, наводя ужас на крестьян. И Тай-джу считал себя правой рукой атамана и гордился этим. Когда военное счастье перестало улыбаться Анненкову и Красная Армия развернула решающее наступление на белоказаков, И Тай-джу первый предложил перейти в Западный Китай и сдаться синьцзянским властям. Тайно генерал уже вел переговоры и добился согласия правительства. И не только согласие, он выторговал себе должность коменданта приграничного городка и сохранение в полном составе маньчжур-

ской бригады. Взамен китайское правительство получало все вооружение отряда Анненкова и Дутова, состоящее из восьми тысяч винтовок, восьмидесяти пулеметов и нескольких полевых орудий разного калибра. Бедная на вооружение китайская армия пополнилась неплохим оружием, глаза чиновников из военного ведомства разгорелись, и вопрос для И Тай-джу был решен положительно. Так за спиной своих господ и союзников генерал совершил сделку.

Существовало мнение, что Анненков и Дутов знали о переговорах командира маньчжурской бригады и даже поощряли их. Возможно, последнее соответствует истине. После перехода границы дружба трех главарей не нарушилась, а, наоборот, укрепилась. Видимо, план был общий и предусматривал дальнейшее сотрудничество. Став комендантом военного города, И Тай-джу взял под свою защиту обоих атаманов, все оружие, принадлежавшее когда-то белоотрядам, спрятал в своих арсеналах. Синьцзянские власти не препятствовали генералу, так как побаивались его. В любую минуту он мог взбунтоваться и захватить не только город, но и весь Илийский округ.

При очередном моем визите в кузницу разговор снова коснулся помощи со стороны могущественных покровителей. Я сказал, что многие хотели бы снова взяться за оружие, но его нет. С теми пиками, которые ковали для нас в станицах, смешно выступать против Красной Армии — она сейчас лучше вооружена, лучше экипирована, пополнена опытными командирами. А где мы найдем щедрого хозяина? Тут, в Синьцзяне, к нам относятся с подозрением, Анненков под арестом, Дутов тоже, китайские власти налаживают добрососедские отношения с Советами. На англичан тоже нет особых надежд.

Сидоров выслушал меня и ответил:

— Я рад, что вы так серьезно относитесь к предстоящей борьбе. Это хорошо. Мы действительно не имеем права повторять затею со старыми средствами. Они не оправдали себя. Доверьтесь своим атаманам, которые думают о будущем и готовят все необходимое для решающего шага.

Полковник ограничивался общими фразами, а мне нужны были конкретные фамилии и факты. Поэтому я пустился на хитрость.

— Атаман Анненков напрасно отдал все оружие этому хунхузу, — сказал я. — У нас теперь было бы чем вооружить сотни.

Сидоров вначале удивленно поднял брови, потом насутился.

— Вам известен факт, но не известны причины. Перед нами стояла дилемма: или бросить винтовки красным или...— полковник запнулся, не решаясь, видно, открыть секрет, но после небольшого раздумья выдал все же его мне,—...или передать на хранение.

Значит, оружие находится на хранении у генерала И Тай-джу. В нужную минуту им воспользуются Анненков и Дутов. Я тогда еще не знал, как повернутся события и какую роль будет играть мой полковник. Мне и тем, кто изучал обстановку за кордоном, фигура Сидорова не казалась главной и тем более решающей. Первым в ряду стоял Дутов, вторым Анненков, остальные шли следом. Почему Дутов стоял первым? По своей активности этот атаман более привлекал к себе внимание, чем Анненков, на него делали ставку европейские правительства. Притом, Дутов был более популярен среди офицерства. Между собой два атамана не ладили, боролись за первенство, каждый старался захватить трон диктатора в будущем белом правительстве России. Даже здесь, за пределами родины, они продолжали эту борьбу, хотя она уже не носила такой остроты, как прежде. Общие неудачи и общие интересы несколько сблизили атаманов. Оба были связаны единой тайной белогвардейской организацией и подчинялись ей.

Для меня оставалась неясной роль генерала И Тай-джу. Кого он поддерживает: Анненкова, Дутова или обоих вместе? На это Сидоров не мог ответить. Да я и не стал бы спрашивать — слишком откровенным показался бы мой вопрос атаману.

— Могу я сослаться на сказанное вами при возможном разговоре с товарищами,— на всякий случай попытался уточнить я.— Всех интересует оружие.

Полковник встревожился:

— Ни в коем случае... И вообще, все, что мы говорим с вами,— святая тайна.

— Понимаю.

— Заверьте их, оружие будет в нужном количестве... И даже больше.

— Я для них маленький человек... Если ваше имя?

— Обо мне пока ни слова... Назовите атамана Анненкова...

— Хорошо,— согласился я.

ВЫСТРЕЛ В СУЙДУНЕ

Первое место в ряду, предназначенное для Дутова, определили сами события. Как тайно ни действовали заговорщики, планы их постепенно становились известными третьим лицам. Офицеры устраивали встречи в людных местах, на скотных базарах скупались в большом количестве лошади, причем выбирали их опытные в военном деле люди. Все это не могли не заметить любопытные. Зашевелился генерал И Тай-джу. Он несколько раз оставлял свою резиденцию в Куре, наведывался в Кульджу, Суйдун и даже Урумчи, где находились его подопечные. Проявил удивительный интерес военный комендант и к пограничным районам. В сопровождении переодетых белогвардейцев он посетил места переправ, проехал по уже заброшенным тропам, ведущим к перевалам. В горных селениях генерал беседовал со старыми проводниками.

Все это трудно было не заметить. Особенно настораживали частые встречи генерала с атаманом Дутовым. И Тай-джу держал постоянную связь с бывшим главарем и пользовался для этого целой группой доверенных лиц.

В самый разгар лихорадочной деятельности заговорщиков раздался неожиданный выстрел в Суйдуне.

Выстрелы вообще в то тревожное время не были редкостью. Часть оружия из переставших существовать отрядов растеклась по селам, аулам, станицам, городам. Каждый, кто уходил в так называемую мирную жизнь, уносил с собой винтовку, наган или браунинг. Ими пользовались во всех трудных случаях жизни — и для собственной защиты, и для устрашения других. Стрельба шла при дележе земли или наследства, во время свадеб и поминок, на общественных сходках. При этом не только стреляли, но и убивали. И вот при такой обыденности применения оружия выстрел в Суйдуне произвел огромное впечатление. О нем стало сразу известно во всех городах Илийского округа. В среде эмигрантов начался переполох. Кто возмущался, кто впадал в панику и торопливо снимал с себя мундир, которым недавно гордился. Многие укрылись.

Я узнал о происшествии в Суйдуне в тот же день и сразу бросился в кузницу к Сидорову.

— Убит Дутов!

Полковник схватил меня за руку и потащил в комнату. В кузнице он не хотел говорить о таких страшных вещах,

хотя рабочие и являлись его сообщниками. Видимо, Сидоров боялся появления кого-либо из заказчиков.

— Я все знаю,— сказал он, плотно прикрывая за собой дверь.

Произнес это атаман с горечью и даже с какой-то тоской в голосе. Мне раньше казалось, что полковник враждебно настроен по отношению к Дутову, как к давнему конкуренту и сопернику своего шефа Анненкова, но, должно быть, такое мнение создалось из чисто внешних представлений о симпатиях и антипатиях в эмигрантской среде.

— Что же будет?— с тревогой спросил я.

— То, что должно быть,— ответил атаман.— Конечно, жаль Дутова. Не во время он выбыл из игры. У атамана были подготовлены крупные силы и оставалось лишь начать дело... Я вам говорю это, прапорщик, как близкому человеку. От выступления Дутова зависела вся кампания на той стороне. Атаман умел начинать и умел выигрывать первую ставку.

— Значит, все?!— с преувеличенным отчаянием воскликнул я.

Атаман скривил губы. Видимо, моя растерянность раздражала его. И не только раздражала, но и тревожила: выстрел в Суйдуне мог породить у сообщников неверие в дело. И Сидоров сказал:

— Вы очень мрачно представляете себе будущее. Оно более радужно. Потеря Дутова несколько расстроила планы, но не отбросила их. Сегодня я послал письмо Анненкову с сообщением и своими соображениями по поводу гибели атамана. Его убрали большевики, это совершенно ясно. Мы оказались беспечными, нас подкупила мнимая тишина Синьцзяна, а здесь тоже фронт, хотя и невидимый. Противник ходит по тем же улицам, что и мы. И иногда сидит рядом с нами, ест из одной чашки. Об этом должны знать Анненков и генерал И Тай-джу. Пусть внимательно посмотрят на своих подчиненных.

— Но ведь неизвестно, кто убил Дутова. У него, говорят, были личные враги,— попытался возразить я.— Мало ли причин для ссоры или мести.

— Чепуха,— махнул рукой Сидоров.— Таких людей, как Дутов, не убивают из-за мелочности. Их убирают, прапорщик, и убирают в самый острый момент. Большевики боялись атамана, он мог доставить им массу неприятностей. В России голод, разруха, эпидемии. Дутов со своими

сотнями появился бы в Семиречье в очень горячее время и прибавил бы огня. Уж теперь Туркестан запылал бы по-настоящему...

Сидоров сбавил тон и сказал почти шепотом:

— Басмачи снова шумят в Фергане. Им нужна помощь, нужны сабли и винтовки Дутова и Анненкова.

— Фергана далеко слишком,— усомнился я.

— Не скажите, это как считать...— совсем уже тихо полковник добавил.— Мы ждем связного от Курширмата...

Я сделал вид, что мало верю в союз с басмачами, к тому же опыт прошлого показал неспособность курбашей действовать объединенными силами. Под Андижаном союз Мадамин-бека и крестьянской армии Монстрова потерпел крах.

Полковник решительно возразил:

— Прошрое было уроком. Теперь и мы, и басмачи стали умнее.

Во время нашего разговора кто-то постучал в дверь. Атаман прислушался и приложил пальцы к губам. Несколько секунд мы молчали. Стук повторился. Своеобразный стук с интервалами.

— Посидите,— бросил мне Сидоров и вышел.

Сколько длилось одиночество, не помню, по крайней мере, не минуту. В комнату доносились приглушенные голоса, за дверью кто-то говорил, причем не только с Сидоровым, но и еще с кем-то, однако разобрать слов я не мог. Приблизиться к дверной створке не решался, так как каждую секунду хозяин мог распахнуть дверь и войти. Наконец, голоса стихли и появился полковник. Он был заметно взволнован и даже обрадован. Кажется, улыбался.

— Ну вот,— сказал Сидоров, отвечая на мой немой вопрос, видимо, выраженный взглядом.— Дело обстоит не так уж плохо. Приходили делегаты от Дутова.

— Что?!— поразился я.— Он же убит.

— Да, конечно, Не от него лично, а от штаба Дутова. Никакой паники, все остаются на своих местах, решается вопрос о назначении нового атамана... Так-то, дорогой прапорщик... Да, кстати, насколько я помню, вам присвоен чин хорунжего. Не плохо, как вы считаете?

Я утвердительно кивнул.

— На этом, надеюсь, не задержитесь. Впереди борьба, а в ней и подвиги.

Пользуясь случаем, я решил напомнить атаману о приказе Анненкова по поводу моего исчезновения из отряда. Пора было уточнить эту деталь моей биографии и выяснить отношение к ней Сидорова. Мне казалось, что полковник таит в себе недоверие и рано или поздно проявит его.

— Забудьте! — махнул он рукой. — Тогда сотни уходили, и по понятной каждому причине, не все понимали необходимость перехода границы, патриотические чувства мешали совершить такой шаг. Теперь прошлое отмечено. Нас объединяет будущее...

Ответ успокоил меня.

«КОНТРАБАНДИСТ» АХМЕД-ВАЛИ

Важные сведения, добытые от Сидорова, я должен был передавать своему связному, а он уже отсылал их в разведцентр. Как ему это удавалось, не знаю. Во всяком случае, в назначенное время он появлялся словно по мановению волшебной палочки и молча ждал донесение. От него же я получал и указания о дальнейших шагах.

Последний мой отчет вызвал тревогу, так мне показалось, потому что назначил свидание связной до срока.

— Нужно во что бы то ни стало выяснить, кто возглавит отряд Дутова и сколько в нем человек? Это приказ, — сказал он.

— Здесь кое-что есть об этом, — пояснил я и передал новое донесение. Мне удалось узнать от Сидорова о тайном собрании командиров дутовских сотен, на котором решался вопрос о новом атамане. Назывались фамилии офицеров штаба.

— Очень важно, — одобрил связной. — В центре должны знать немедленно... Я исчезну на некоторое время... Не спрашивайте ничего. Новое донесение примет от вас другой человек, который найдет вас во вторник в караван-сараях у дунганской харчевни.

Я пожал плечами, выражая сомнение в надежности такой связи.

— Этот человек — контрабандист, — ошарашил меня связной. — Кстати, моего прежнего связного звали Мухамед Агидулин. — Так и спросите в случае чего у хозяина караван-сарая: «Не появился ли у вас Ахмед Вали?»

«Контрабандист?» — уточнит хозяин. Ответите: «Он кое-что хотел продать мне».

Ясно, что это не настоящий контрабандист, так я и решил, но когда во вторник пришел в караван-сарай у дунганской харчевни, то моя уверенность несколько поколебалась. Меня встретил типичный для тех мест рыцарь тайных троп. Продубленное солнцем и ветром лицо, суровый взгляд, настороженная походка, словно у барса. Одет он был в халат, перепоясанный ярким платком, на голове войлочная шапка, в голенище сапога — нож.

Я должен был передать Ахмеду-Вали сведения, которые ждали с таким нетерпением в центре. Они были не велики по объему, но содержали самое главное — имя нового атамана.

Маленькая записка. Скольких усилий стоила она мне! К тому же срок был дан короткий — какая-то неделя. За это время надо было навестить Сидорова, застать его в кузнице, вытянуть из него тайну. Самое неудобное заключалось в том, что атаман после покушения на Дутова перестал свободно появляться в городе, а если и появлялся, то с личной охраной. Меня никак не хотели впускать в кузницу, вернее, в комнату, примыкающую к ней. Только когда телохранитель атамана доложил обо мне, Сидоров приказал впустить.

— Не удивляйтесь, — объяснил атаман. — Накануне большого дела всегда так.

Сидоров был не один в комнате, поэтому разговор вначале не клеился. Говорили обо всем и в то же время ни о чем. Наконец, мы остались одни, и я спросил атамана:

— Можно готовиться?

Он понял меня, но уточнил:

— К чему?

— К выступлению, — рискнул сказать я прямо.

Полковник рассмеялся.

— Больно скоро, но вообще-то пора принимать соответствующий облик. — Сидоров осмотрел меня критически и сказал: — Зайдите завтра утром. Решим этот вопрос.

Внутри у меня все заныло от досады. Опять не сегодня.

— Утром, пораньше, — напомнил Сидоров и простился со мной.

Да, коротенькое донесение, кроме упорства, требовало еще и терпения. Ночь я провел в продумывании вопросов.

которые собирался задать атаману. Строил план беседы. Все оказалось напрасным. Сидоров вызвал меня, чтобы снять мерку для обмундирования. Мне должны были сшить офицерский мундир казачьего образца. Два солдата, видимо из бывших портных, окружили меня аршином, установили длину и ширину, записали все и велели через восемь дней придти на примерку.

— Но, но,— предостерег их атаман.— Многовато, мы так за год не оденем офицеров. Пяти дней достаточно.

После завершения процедуры Сидоров как всегда плотно затворил дверь и предложил мне сесть.

— Вы не поражены, что вам заказан мундир?— начал он с вопроса.

— Да нет. Если вступили в канун большого дела, так и одеться надо.

— Абсолютно верно. На той стороне должны увидеть не сброд всякий, а настоящую армию и в знакомой для глаз форме.— Полковник сделал паузу, будто раздумывая, продолжать мысль или ограничиться сказанным. Что-то все-таки заставило его быть сегодня многословным. Может быть, мое любопытство, с которым я постоянно приходил к нему, а может быть, необходимость ввести своего подчиненного в курс дела.— Форма будет единой для всех отрядов, под чьим бы командованием они ни находились. Впрочем, и руководство концентрируется. Отряд Дутова отказался от прежней самостоятельности и присоединился к нам...

— К Анненкову?— заторопился я с вопросом.

— Не совсем... Вы помните, прошлый раз приходили делегаты дутовского отряда... Мне предложено возглавить его. Таково единодушное мнение офицеров. Не скрою, для меня это большая честь заменить атамана Дутова, известного человека в России и в Европе. Я присягнул знамени отряда.

— Поздравляю, полковник!

Можно было радоваться, конечно, не назначению Сидорова атаманом дутовского отряда, а установлению самого факта — стал известен новый вдохновитель белогвардейской авантюры. На очереди вторая задача — узнать число бойцов, оказавшихся под командой Сидорова. Но как это сделать?

— Рад снова служить вам,— сделал я комплимент атаману.— Если, разумеется, доверите...

— Что за сомнения, прапорщик!— ответил Сидоров.— Сотня вам обеспечена..

— В чьем отряде? У дутовцев, простите за напоминание, наверно, все сотни разобраны.—Я сделал заход, чтобы вырвать хотя бы имена офицеров, если не их число и число сотен.

— Да, пока,— разочаровал меня атаман.— Но сколачиваются новые...

Полковник не давал прямых ответов или по соображениям конспирации, или по привычке не отвечать конкретно.

— С новыми людьми вам будет легче,—стал объяснять полковник.— Займетесь обучением, а это вы умеете хорошо делать.

— Без оружия?

— Да, первое время без него. Вернее, с учебными образцами. Остальное придет в походе.

Туман сплошной. Срок, по всей вероятности, еще не подошел для практического знакомства офицеров с планом похода, а лично для меня атаман не собирался делать исключение.

— Когда мне явиться в отряд?— поинтересовался я.— Лучше бы пораньше взяться за учебу.

Сидоров помедлил с ответом. Опять что-то решал, взвешивал.

— Вас известят, прапорщик. Дайте адрес!

Это было самое неожиданное в операции. Сидоров отказывал мне в дружеском общении, закрывал доступ в кузницу, где можно было свободно беседовать. До этого дня я находил атамана по собственному желанию и, следовательно, держал инициативу в собственных руках, теперь она перешла к полковнику. От него будет зависеть мое продвижение к цели. Захочет — вызовет меня, не захочет — выбросит адрес. В лучшем случае передаст приказ через одного из своих телохранителей. Иначе говоря, атаман привязывал меня к дому, вынуждал сидеть там и ждать событий. Это был удар. Схема действий, продуманная ночью и казавшаяся мне удачной, летела к черту.

— Не расстраивайтесь, прапорщик,— заметив мою растерянность, произнес Сидоров.— Ждать придется не так уж долго...

Пришлось уйти. Чувствовал я себя прескверно. Возможно, где-то допущена какая-то тактическая ошибка, исправить которую уже нельзя.

Донесение, правда, есть и почти соответствует заданию. Но что дальше? Как оправдаю перед Центром свою бездеятельность. Решил поставить товарищей в известность о случившемся. В таком виде я и передал доклад контрабандисту. Он принял от меня свернутый вчетверо листок и вложенные в пачку деньги. Обесцененные николаевские пятидесятирублевые купюры, хотя и потеряли свое значение, но еще ходили за границей и в данном случае выполняли довольно убедительно роль маскировки. Деньги контрабандист получал вроде бы за проданный мне опиум. Он долго считал, торговался со мной, наконец, потребовал обратно товар и вернул пачку пятидесятирублевок, но уже без записки. Ахмед-Вали успел вынуть ее и спрятать за поясной платок.

— Хочешь подешевле, — сказал контрабандист, — приходи другой раз. Мы остановимся здесь через неделю.

Я понял, Ахмед-Вали придет в следующий вторник. Сумею ли за несколько дней разузнать что-нибудь важное?

СЕКРЕТНЫЙ ПРИКАЗ АННЕНКОВА

Шли дни, я сидел в своем доме и ждал посыльных полковника Сидорова. Мое дежурство начиналось после обеда, когда работа в «шанхае» заканчивалась и все возвращались к семьям. Именно в такое время должен был явиться человек с приказом. Мне так казалось. Вечером, в темноте, вряд ли кто-нибудь отважится искать мою квартиру, затерявшуюся среди множества узеньких и кривых улочек. Да и вообще с наступлением темноты жизнь в этом районе Кульджи замирала, расспрашивать обо мне не у кого, да и рискованно. Правда, был ориентир — баня, которую содержали казаки, но она находилась с задней стороны дома и, прежде чем пройти ко мне, надо было попетлять по переулкам.

Я ждал, но никто не пришел. От случайных людей мне удалось узнать, что генерал И Тай-дзу снова навещал Урумчи и встречался с атаманом Анненковым. Генерала, кажется, видели и в Кульдже. Естественно, моя тревога усилилась, и ожидание стало просто невыносимым. События разворачивались и, возможно, быстрыми темпами, но в них я не участвовал. Больше того, был в неведении относительно ближайших намерений заговорщиков. О нарушении при-

каза не могло быть и речи — чем объясню я свое появление в кузнице? И все-таки меня подмывало нарушить его, пойти к атаману.

Решение уже созрело — иду. И вдруг отворяется дверь, на пороге сам атаман.

— Не ждали? — спрашивает он, оглядывая настороженным взглядом мою комнату.

— Ждал, — откровенно признался я и, кажется, даже вздохнул облегченно.

— Хорошо, если ждали. Время приступать к делу.

Честно говоря, я обомлел. Пробил роковой час, а никто не знает, никто не готов к отпору. Что делать!?

— Уже сегодня? — с испугом спросил я полковника.

— А вы не готовы?

— Никто не готов. Где мои люди? Где оружие, лошади? Вы же обещали дать срок на выучку.

Полковник сел к столу у окна, снял фуражку и положил на подоконник. Я заторопился, чтобы задернуть занавеску, скрыть атамана от посторонних глаз, но он остановил меня:

— Не беспокойтесь. На улице мои люди.

Значит, Сидоров пришел с личной охраной. Это ново для меня и не совсем удобно. Разговор откровенный не получится. Когда подслушивают, а я не сомневался, что телохранители воспользуются такой возможностью, надо взвешивать каждое слово, следить за интонацией. Что ж, примем к сведению. Главное, полковник здесь и беседа состоится.

— Вы требуете бойцов? — спросил с интересом атаман.

— Это была ваша воля назначить меня командиром сотни. Если, конечно, приказ не отменен.

— Не отменен, — улыбнулся гость. — Наоборот, утвержден. Кроме того, вам присвоен очередной чин подъесаула. Поздравляю и надеюсь...

По традиции казачьей я должен был поцеловать атамана и поблагодарить за доверие. Пришлось выполнить эту обязанность.

— Когда выступаем? — поставил я вопрос, который больше всего интересовал меня.

— Вот этого я вам не скажу, — шутливо ответил полковник.

Знакомая тактика: ничего конкретного, никаких дат, никаких цифр. Чтоб он провалился, этот атаман! Сколько можно играть в прятки.

— Понимаю, тайна, но мне надо распорядиться насчет квартиры и вещей, как-то подготовить свое исчезновение из канцелярии «шапхая»...

— Учитываю, голубчик. Рад бы сказать, да сам не знаю. Обстановка подскажет час. Сигнал тревоги прозвучит как в военное время — внезапно. А готовым надо быть каждую минуту. Но чтобы вы знали свою задачу и могли действовать, я ознакомлю вас с планом выступления, естественно, в том объеме и тех границах, которые предусматривают участие вашей сотни. Для этого я и пришел...

Наконец-то! Я забыл все свои огорчения, все сомнения и, взволнованный, приготовился слушать. Момент овладения тайной чем-то напоминает прыжок к трудной цели, он требует мобилизации сил, в том числе и духовных. Такова природа всякого узнания.

— Прежде всего,— начал атаман,— вы должны быть готовы к действиям здесь, в Синьцзяне. В чем они будут заключаться? Во-первых, в стремительном броске на юго-запад к городу Куре. Туда ведут несколько дорог. Одна из них ваша — самая короткая, караванная, но самая опасная. Однако навязывать бой ни в коем случае не следует. преждевременный шум не входит в программу первого дня. К моменту вашего подхода к городу там уже будут находиться остальные сотни. Дальнейшие действия принимаются сообща всем отрядом в контакте с гарнизоном...

— А оружие? — невольно вырвалось у меня.— Сотня выйдет из Кульджи с оружием?

— Кое-что будет,— пояснил полковник.— Штук двадцать карабинов. Вооружимся в Куре. Арсенал перейдет в полное наше распоряжение.

— Но его охраняет правительственный батальон?

— Совершенно верно. И командует батальоном генерал И Тай-джу. Коль скоро вы уже знаете главную задачу, могу сообщить некоторые подробности, необходимые для ориентировки. Никакого столкновения с правительственными войсками не будет. Секретным приказом Анненкова маньчжурская бригада генерала И Тай-джу передана моему отряду и по первому сигналу она восстанет и разоружит

гарнизон. Мы получим не только запасы арсенала, но и винтовки и пулеметы охранного батальона. Генерал ждет сигнала. Поэтому, если вы, подойдя с сотней к городу, услышите стрельбу, не ввязывайтесь. Ждите мою команду. В любом случае руководствуйтесь тем, что маньчжурская бригада не только наш союзник, но и равноправный участник похода. На первом этапе командование всеми отрядами, в том числе и маньчжурской бригадой, возлагается на меня. Вас, подьесаул, я назначаю командиром особого полка. Будете подчиняться непосредственно мне.

Чины и должности сыпались как из рога изобилия, я едва успевал их принимать. Стало ясно теперь и то доверие, которое оказывал мне атаман. Ближайшему своему помощнику он должен был сообщить стратегический план, иначе пришлось бы действовать в потемках, не проявляя инициативы. В то же время главное продолжало оставаться скрытым. С какими силами мы выступаем к Куре и насколько они возрастут после присоединения маньчжурской бригады? Какую роль будет играть генерал И Тай-джу? На каких условиях он согласился участвовать в походе? Все это полковник обошел. Видимо, тайная организация, готовившая авантюру, держала в руках нити заговора и даже начало похода было засекречено. Сидоров не имел права разглашать план, так как сам являлся только исполнителем. Его ограничивали сферой военных действий, политикой занимались другие. Вместе с тем полковник Сидоров был единственной после Дутова фигурой, способной возглавить поход против Советского Туркестана. Насколько мне удалось понять, для первого удара атаман Анненков не годился. Многие старшие офицеры его недолюбливали и отказывались служить в его полках. Сидорова принимали все, и это как бы объединяло силы эмиграции, гарантировало успех. А успех был необходим, иначе рушились надежды на возвращение в Россию и установление старой власти.

Итак, Сидоров — главнокомандующий белой «армией», идущей в Туркестан, завтрашний диктатор. Я — командир особого полка при нем. Мне остается только поблагодарить атамана и заверить его в преданности и готовности выполнить любой приказ.

— Все должно закончиться в одну ночь, — сказал на прощание полковник. — На рассвете перейдем границу.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Все должно закончиться в одну ночь! На какую ночь падет жребий? Возможно, он уже пал. Где-то в секретном приказе Анненкова стоит дата, стоит лишь листку календаря обнажить ее, и машина закрутится.

Узнать, во что бы то ни стало узнать!

Едва атаман покинул мою каморку, как я начал лихорадочно решать задачу. Всевозможные проекты рождались в моей голове, и простые, и хитроумные, но ни один из них при критическом рассмотрении не удовлетворил меня. Все они были нереальны. Ни выудить путем бесед, ни выкрасть у полковника секретный приказ я не мог. Во-первых, Сидоров сказал все, что необходимо для подчиненного перед выступлением, во-вторых, неизвестно, где хранится приказ. Да и существует ли он в виде документа. Словесное распоряжение? Этого вполне достаточно при такой конспирации. Наконец, допустим вариант, при котором полковник сам не знает точного срока. Не сказали. Анненков держит тайну при себе, а его резиденция — Урумчи, куда мне нет доступа.

Да, задача не решается, сколько ни ломай голову. Остается одно — сообщить в Центр о предстоящем восстании и захвате арсенала в Куре и просить подготовиться к приему отрядов Сидорова на границе.

У меня было желание немедленно побежать в каравансарай и разыскать там моего контрабандиста. Только чувство осторожности помешало сделать этот шаг. Я не был уверен, что телохранители атамана покинули мою улицу.

Пришлось ждать до утра. По пути в «шанхай» я заглянул во двор караван-сарая. Ахмед-Вали там не оказалось. Купцы и крестьяне грузили мешки на верблюдов и лошадей, стоял обычный для такого времени шум и гам. Крики погонщиков смешались с ревом и ржанием животных. Среди этой утренней сутолоки важно расхаживал хозяин, к нему я и обратился с вопросом, не заезжал ли Ахмед-Вали? Хозяин отрицательно покачал головой.

— В такой день с той стороны не приходят, — объяснил он, давая мне понять, что контрабандисты имеют свои маршруты и свое время.

Пришлось ждать вторника. Не простое и не обычное было это ожидание. В канцелярии я сидел как на углях. Некоторые эмигранты приходили оформлять продажу иму-

щества в связи со срочным выездом из Кульджи. Нетрудно догадаться, почему они выезжают. Безусловно, в большинстве своем это бойцы Сидорова. Их торопят командиры сотен.

Что, если начнут торопить меня, заглянет какой-нибудь казак и сунет записку — явиться сегодня ночью во столько-то часов для исполнения долга. Или еще короче — выступаем!

Вот и вторник. Лечу в караван-сарай. Ахмед-Вали там, но окружен множеством людей. Идет торг. Мне он делает знак, чтобы подождать. А как ждать, если дело не терпит, если дорога каждая минута. Кручусь около подвод, показываю свое нетерпение. Ахмед-Вали быстро разделяется с купцами, подходит ко мне. Передает записку. До нее ли! Сейчас главное поставить в известность Центр. Поэтому спрашиваю своего связного.

— Можешь сегодня вернуться назад?

— Вообще-то не по расписанию, но если очень надо, попробую.

— Надо.

— Хорошо. В четыре часа приходите в дунганскую харчевню.

Мы расстаемся, и я тут же за воротами читаю послание Центра. В нем повторяется просьба уточнить сроки выступления отряда Сидорова. Предлагается держать с атаманом самую тесную связь, проверить, насколько окончательно кандидатура его в качестве командующего походом и нет ли заместителя.

К четырем часам я подготавливаю полный ответ на вопросы и излагаю план выступления «армии» Сидорова на Куре. В нем подробно перечисляются слагаемые действия казачьих сотен и бригады маньчжуров, начиная от похода к городу, восстания гарнизона, захвата арсенала и до движения к границе. Атаман Сидоров характеризуется мною как единственный и самый подходящий исполнитель плана заговорщиков. В конце донесения я просил принять самые срочные меры к предотвращению перехода рубежа, так как все готово для осуществления секретного приказа Анненкова. Судя по запасам арсенала я назвал возможную цифру — около десяти тысяч винтовок, которые попадут на вооружение отряда полковника Сидорова. Возможно столько же будет бойцов, если присоединится бригада генерала И Тай-джу.

Я не сомневался, что донесение вызовет немедленный ответ действием. Моя тревога передалась связному, и Ахмед-Вали пообещал в самый короткий срок доставить отчет по назначению. Я не знал тогда, что это последнее мое донесение из Кульджи.

При мне Ахмед-Вали сел на лошадь, нагруженную хурджунами, кивнул мне и поехал.

Снова началось ожидание. Мысленно я торопил своего контрабандиста, снимал все препятствия, что стояли на трудном пути в горах, гнал его лошадь по каменистым тропам.

Пока Ахмед-Вали лазил по кручам и переходил вброд бурные горные потоки, я занимался своими прежними делами. Готовился к походу на Куре. Меня навестил полковник. Предупредил, что в ближайшие дни представит младшим командирам нового подъесаула. Как и в прошлый раз, атамана сопровождали телохранители. Они следили за двором и за улицей.

— Как личные дела? — поинтересовался полковник.

— Завершаю.

— Правильно делаете. Выступить можем внезапно.

— Учитываю, готов в любое время.

— Есть слухи, — доверительно сказал атаман, — что послы от Курширмата в дороге. Вероятно, где-то на той неделе прибудут в Кульджу. Хочу привлечь вас к переговорам в качестве переводчика и советника.

— К вашим услугам, атаман.

— И еще одно задание. Вокруг вас много людей, особенно в канцелярии «шанхая», они бывают на базарах, в караван-сараях, связаны с купцами. Им первым станет известно о появлении в городе басмаческих послов, тем более, что представители Курширмата прибудут в Кульджу как торговцы из Коканда. Постарайтесь быть в курсе дела и сразу же известите меня.

Просьба была вполне выполнимой, и я пообещал полковнику все разузнать. Забегая вперед, скажу, что задание Сидорова облегчило мне решение другой задачи, более важной, но поставленной уже не атаманом.

Представить мне младших командиров Сидоров не успел. Ахмед-Вали вернулся до срока, им же обещанного, и через какого-то парнягу вызвал меня из канцелярии. Сам по себе вызов, да еще среди дня, свидетельствовал о чрезвычайной важности послания, которое доставил кон-

трабандист. Ахмед-Вали выглядел усталым и озабоченным. Трудно, должно быть, пришлось ему в пути. В мешочке, где обычно контрабандисты держат драгоценности и опиум, находилось письмо. Он передал его мне и сказал:

— Я знаю, что там написано.

Осведомленность человека, которому доверена доставка секретной почты, не вызывала ни удивления, ни осуждения. В тех условиях связной должен знать содержание письма, так как постоянно подвергался опасности быть задержанным или ограбленным. Уничтожение текста предусматривалось правилами конспирации. Вырвавшись из рук грабителей или таможенников, связной должен был устно передать содержание приказа или донесения тому, кому они предназначались.

— Там кое-что касается и меня,— добавил связной.— Прочтите где-нибудь поблизости, я подожду.

— Не уходи никуда,— предупредил я и вышел за ворота. Послание оказалось коротким и лично мне предназначалось всего несколько слов. Я их прочел сразу. Прочел и ничего не понял. То есть понял, но смысл не дошел до меня, настолько все было неожиданным и необычным. Центр кратко излагал положение в пограничных районах Семиречья, где кулаки и баи вели тайную войну с Советами и собирали оружие, готовясь присоединиться к отряду Сидорова. Гарнизон Джаркента малочисленен и в настоящее время нельзя перебросить ему в помощь крупные силы с других фронтов. Поэтому изложенный в письме приказ подлежит выполнению как всякий приказ военного времени.

Об исполнении предлагалось доложить лично начальнику Семиреченского отдела ГПУ. Помогать мне будет человек из Джаркента, хорошо знающий дорогу через горы. С человеком этим познакомит меня связной Ахмед-Вали.

Вот что имел в виду контрабандист, сообщая о своей осведомленности. Я вернулся в караван-сарай.

— Где проводник?

Ахмед-Вали с любопытством посмотрел на меня и ответил:

— У родственников. Завтра пойдем покупать лошадь и завтра же познакомлю с проводником.

Я условился с Ахмедом-Вали о встрече и ушел.

Надо было собраться с мыслями, наметить план. Приказ ставил меня в положение единственного вершителя

судьбы всей затеи белоэмигрантов. Теперь уже не у кого было спрашивать совета, не к кому обращаться за содействием. От того, как я выполню приказ, зависит многое на той стороне.

В течение всего последующего дня я ломал голову над решением задачи — чем оправдать свое появление в кузнице. Когда-то я уже искал такой повод, ожидая вызова атамана. Теперь пришлось вернуться к прежней теме. Сидоров последний раз просил меня известить о появлении в Кульдже представителей Ферганского басмачества. Я обещал сделать все, что смогу. Если бы действительно кто-нибудь приехал сейчас, был бы найден великолепный выход.

Я принялся расспрашивать посетителей харчевни и заезжих купцов. Никто ничего не знал о гостях из Коканда. Как назло басмаческие посланники задерживались.

И я решился на опасный шаг.

КОНЕЦ БЕЛОГО АТАМАНА

— Проводите меня к полковнику.

— Его нет здесь.

— Где он?

— Об этом не спрашивают.

— Скажите адрес, мне необходимо передать ему очень важное сообщение.

— О чем?

— Не имею права разглашать.

— Хорошо, подождите на улице.

Такой разговор произошел у входа в кузницу между мной и солидного вида казаком, сидевшим на пороге. Я остался на улице, казак вошел в комнату, что находилась за мастерской. Вернулся он через минуту уже более приветливым.

— Идите, хозяин ждет.

Встречи с полковником становились все недоступнее. Видимо, военная организация, руководившая заговором, усилила конспирацию, изолировала главарей. Случай с генералом Дутовым насторожил белогвардейцев, заставил беречь свои кадры.

— Что-нибудь интересное? — сразу спросил меня Сидоров.

— Да,— ответил я.

— Рассказывайте скорее!

Я изложил составленную мною версию относительно приезда в Кульджу басмаческих представителей.

— Они хотели бы с вами увидеться. атаман.

— Где и когда?— с интересом откликнулся Сидоров. Он ждал делегатов, и мое сообщение оказалось как нельзя кстати.

— Вы поручили мне все выяснить, я воспользовался этим правом и пригласил к себе гостей. Появление кокандцев в кузнице, на мой взгляд, было бы нежелательным. Да и условий здесь нет. У меня тихо и неприметно для посторонних глаз.

— Правильно, подьесаул,— одобрил полковник.— Когда же?

О дне я не подумал. Не уверен был, что полковник одобрит инициативу, пришлось на ходу выдумать дату.

— Четырнадцатого, в двенадцать часов дня. Если, конечно, вы сможете, атаман.

— Время подходящее,— не задумываясь согласился полковник. Ни о чем другом говорить надобности не было. Я поклонился и вышел.

Уже на улице меня охватило беспокойство: а вдруг Ахмед-Вали и проводник еще не купили лошадь и не подготовились к отъезду. Прямым ходом направился в каравансарай, чтобы встретить связного и поторопить его.

К счастью, все было сделано, и мы вместе с контрабандистом пошли смотреть коня. Честно говоря, конь меня мало интересовал. Я хотел увидеть проводника и договориться насчет времени и места встречи.

Проводником оказался уже немолодой дунганин Эрса Юсуфходжаев. Крепкий, подвижный человек с быстрыми, цепкими глазами, он производил впечатление охотника или пастуха. Эрса отлично знал свою задачу и все заранее предусмотрел. Только спросил, с какого часа необходимо ждать меня. Местом встречи избрал дом его родственника, куда я мог придти в любую минуту.

Осмотрели коня.

Итак, все оговорено, все готово.

Четырнадцатое августа приближалось медленно. Так всегда бывает, когда время отсчитывается минутами. Снова и снова всплывали в памяти детали моего плана со всеми закономерностями и неожиданностями. Больше всего меня беспокоило возможное появление настоящих делегатов от Курширмата. Окажись они в Кульдже накануне

операции, и все полетит к черту. Ведь кроме меня у Сидорова могли быть, вероятно, и другие помощники, которые должны разведать о приезде басмаческих послов и доложить полковнику.

И они появились. Знакомый эмигрант зашел ко мне в канцелярию и сказал, что к купцу Шаларходжаеву приехал узбек из Ферганской долины с какими-то полномочиями от басмачей. Кажется, он намерен собирать средства для Курширмата среди богатых торговцев.

Самое удивительное, что он приехал десятого августа, то есть в тот день, когда я навестил полковника в кузнице. Совпадение как нельзя удачное. Но оно таило в себе опасность. Гость Шаларходжаева мог за эти дни связаться с белогвардейцами и навестить одного из атаманов, ну хотя бы Сидорова. Ждать или не ждать мне полковника четырнадцатого августа?

Настало роковое число. Я сидел в комнате у накрытого стола и смотрел на дверь.

Ровно в двенадцать постучали. Вошел полковник. Но не один. Вместе с ним пришли телохранители. У обоих в кармане торчали наганы.

Не все, оказывается, я предусмотрел. Забыл о личной охране атамана. Она абсолютно исключала возможность выполнения операции.

Гости расселись вокруг стола, я подал чай, кое-какие сладости, чтобы веселее было коротать время. Занавеска, как и в прошлый раз, была отдернута, и нам открывалась улица, по которой двигались прохожие. Болтая, полковник бросал мимолетные взгляды, выискивая фигуры в халатах. Специального разговора не было, касались всякой всячины, иногда, правда, атаман вспоминал прошлые походы, особенно «взятие» Джаркента. Минул час, потом второй. Сидоров ждал. Я терпел — мне-то было известно, что никто не придет.

— Запаздывает купец, — огорченно заметил полковник.

— Видно, что-то помешало ему, — попытался объяснить я. — Он ведь тоже приехал под вымышленным именем.

— Вот как? — покачал головой атаман. — Жаль, что не встретились. Ну, спасибо за чай.

Гости, несколько расстроенные, покинули мою комнату.

Снова я один, снова ломаю голову над решением, кажется, уже не имеющей решения задачи. Ночь провожу почти без сна. Наступление дня еще более усиливает волнение: вдруг в это утро прозвучит приказ о выступлении отряда или появится на горизонте посланник Курширмата. Приближающаяся опасность заставляет меня снова пуститься на риск.

Бегу в кузницу. На этот раз меня никто не задерживает. У входа дежурит знакомый казак из личной охраны атамана.

— Все выяснил,— торопливо докладываю Сидорову.— Представитель не решился войти, так как увидел в комнате посторонних людей. Я объяснил ему — это охрана. Он поставил условие: встречаться и решать дела только с глазу на глаз. У него секретное поручение. Он не хочет, чтобы и я присутствовал.

— Пугливый купец,— улыбнулся Сидоров.— Через Семиречье идти не боялся, а здесь, у своих, струсил.

— Такое время, атаман.

— Время, верно, трудное. Значит, сегодня. В то же время?

— Да, в двенадцать.

— Приготовьте что-нибудь на стол солидное, но без выпивки. Такие дела за рюмкой водки не решаются. Буду без пятнадцати двенадцать...

На этот раз я был уверен, что план удастся выполнить. Кажется все предусмотрено. Только бы атаман не прихватил с собой казака и не поставил его за углом на всякий случай.

Оставшиеся несколько часов я посвятил кулинарии. Стол получился неплохим. Здесь были блюда, которыми славилась восточная кухня, о фруктах и говорить нечего — половину стола занимали тарелки с персиками, сливами, ранним виноградом.

Полковник оказался точным как всегда. Вошел в комнату ровно без пятнадцати двенадцать.

Я попросил его сесть против окна, чтобы первым увидеть человека в полосатом халате. В руки ему .. дал книгу, не помню уже какую.

Сам продолжал подносить к столу сладости.

— Как только увидите гостя,— предупредил я,— дадите мне сигнал. Оставляю вас одних.

Полковник кивнул и стал пристально смотреть в окно...

...На этом закончился последний визит атамана в мой дом.

Через полчаса я запер дверь на замок, закрыл ставни и тихими улицами выбрался к пригороду Кульджи. Еще через полчаса вместе с Эрса Юсуфходжаевым мы оседлали коней и покинули город.

* * *

Так было выполнено особое задание по ликвидации главаря белогвардейской банды, готовившейся к нападению на Советский Туркестан.

Шестнадцатого августа 1922 года я прибыл благополучно в Джаркент и лично доложил о проведенной операции. Мой доклад подтвердили синьцзянские власти: через несколько дней на улицах Кульджи и других городов провинции появились объявления на китайском, русском и уйгурском языках, обещавшие 5000 китайских ланов за поимку Касымхана Мухамедова. Семь человек из отряда Сидорова были посланы в Джаркент с приказом выследить и уничтожить меня. Белогвардейские агенты опоздали. Я находился уже далеко от границы.

ЭТО БЫЛО В ХОРЕЗМЕ

Галеев Ханан Галеевич

1901 года рождения, член КПСС с
1926 года, в армии и органах ОГПУ и
КГБ служил с 1920 по 1938 год.
Пенсионер.

Хорезм стал моей родиной. Может быть потому, что самые лучшие, молодые годы были отданы борьбе за советскую власть. Именно в этом далеком краю.

Было мне немногим более двадцати лет, когда с предписанием о прикомандировании меня к органам ВЧК Туркестана я отправился в этот таинственный, неведомый и пронизанный легендами край. Повоевать мне уже пришлось. В 1920 году в составе курсангского отряда участвовал в свержении меньшевистского правительства и становлении советской власти в Грузии. Боевой опыт, так сказать, уже был, и все же брала оторопь от всего того, что узнал я о Хорезме по пути к нему. О трудностях, ждущих путешественника в Хиву из любой другой населенной точки, писали все: и древние, и современные авторы. Тысячеверстными пустынями Каракумы, Кызылкумы, Устюрт отделена она от остальной цивилизации. А в начале тридцатых годов конь, верблюд, ишак переносили путника с такой же скоростью, как и во времена Аль Хорезми и дороги оставались теми же. Но вот в пути вы узнаете, что месяц назад, в августе 1924 года, около Ходжейли сотня басмачей Дурды-Клыч-хана захватила каюк и зверски убила 26 безоружных коммунистов и комсомольцев-курсантов, ехавших на учебу из Хивы в Ташкент, а несколько раньше в ауле Эзбер в один день было вырезано двадцать семейств,

сочувствовавших советской власти, а в кишлаке Питняк басмаческие курбаши Шакир Бала и Саддула Бала зверски убили четырех женщин-активисток. Вооружены были бандиты скорострельными винчестерами и пулеметами. Причем пулеметчики были обучены в английских школах в Турции, Иране, Афганистане. На всем пути, а он, по существу, был один, от Чарджоу до Ургенча, то ли в каюке по мутной и капризной Аму-Дарье, то ли верхом на коне по берегу реки, сплошные вооруженные засады, и всюду кровь, кровь. Кажется, Аму мутная не от глины, а от крови народной. Так что путешествие в Хиву в те дни было не легче хождений за три моря наших пращуров

В сложной политической обстановке, мне, молодому чекисту, пришлось начинать работать. Только что было разгромлено антисоветское восстание, поднятое в первых числах января в узбекских районах Питняк, Хазарасп, Ханко и в районе Садувара, населенном туркменами племени ата. Восставшие немедленно вызвали к себе на помощь кровавого Джунаид-хана.

С документальной точностью облик английского ставленника воспроизвел в своем романе «Джунаид-хан» участник событий тех дней писатель Борис Чепурнов. Никогда, мне кажется, зеленое знамя с цитатами из корана не выглядело таким омерзительным, как в руках этого бандита. Гора гниющих человеческих голов в ставке у юрты главаря банды Джунаида не выдумка писателя, а страшная историческая правда. И такого выродка, вскормленного английскими денди, буржуазные националисты пытались возвести в национальные герои.

Разгромленный отрядами Красной Армии в Каракумах в 1923 году Джунаид-хан сумел сохранить ядро банды. К концу 1923 года банда вновь усилилась за счет туркменского кулачества. Узбекские и туркменские реакционеры договорились быстро. И вот 10 января 1924 года до пятнадцати тысяч повстанцев окружили Хиву. Муллы и ишаны объявили их борцами за мусульманскую веру.

Двести бойцов Красной Армии составляли основу обороны города. Они-то и прикрыли все двенадцать ворот. К ним на помощь пришли три тысячи местных коммунистов и комсомольцев, рабочих, советских активистов. И они не только выдержали осаду, но и делали вылазки, уничтожали врага контратаками.

Так героически держались защитники до 4 февраля, когда к ним, преодолев неимоверные трудности, прибыл из Ферганы знаменитый краснознаменный 82-й Туркестанский кавалерийский полк.

Город был спасен, а красные кавалеристы погнали банды Джунаида в Каракумы, во многих боях разгромили их и, совершив примерно тысячеверстный боевой поход, 10 апреля вышли к Кызыл-Арвату.

Кровавый авантюрист Джунаид-хан с жалкой кучкой сообщников удрал за кордон.

Так закончилась эта позорная попытка международного империализма свергнуть советскую власть в Хорезме.

В большом открытом сражении враг был разгромлен, но он не сложил оружия. Продолжали действовать мелкие банды. Сделают набег и спрячутся.

Были и другие враги, скрывавшиеся по домам баев, ишанов, мулл. В густонаселенном многонациональном левобережье Хорезма нашли себе прибежище белогвардейцы, эсеры, меньшевики, буржуазные националисты, ранее изгнанные из России и Советского Туркестана. Они не смирились со своим поражением. Точили ножи и при случае наносили нам удары.

Руководство от нас требовало основательно изучить уроки восстания 1924 года, учесть ошибки, хорошо разобраться в политической обстановке. Надо было выловить всех затаившихся врагов, а это можно было сделать только с помощью народа. Но еще значительная часть его слепо подчинялась своим родовым старшинам. Только в силу этого до августа 1925 года часть родовых старшин, такие как Якши-Гельди-бек из Куны Ургенча, Гулам-Али-хан из Тахтинского района, Анна-бала из Ильялы, открыто эксплуатировали до ста дехканских хозяйств каждый и имели для личной охраны от тридцати до ста пятидесяти до зубов вооруженных всадников — самые настоящие разбойничьи отряды.

Ликвидировать оплот контрреволюции можно было только после того, когда от него отойдут темные забитые массы дехкан. Этим и занимались все: партийные, советские органы и мы, чекисты. Громя банды, вылавливая группами и поодиночке запрятавшихся врагов народа, мы создавали свой актив, боролись за каждого человека. И ряды наших друзей росли. С помощью местных жителей, краснопалочников хивинские чекисты разгромили в Кара-

кумских песках банду Ага-балы и Черы-ишана. Люди перестали ждать сказочную Хумаюн-птицу, которая принесет им счастье, а все смелее брались ковать его собственными руками.

Борьба с басмачеством изобилует множеством примеров бесстрашия, героизма, самоотверженности красноармейцев, чекистов, милиционеров, простых трудящихся.

Вспоминается такой случай. Шайка басмачей до ста всадников глубокой ночью напала на кишлаки Ших-арык и Садвар Дарганатинского района. Ограбила кооперативные магазины, отобрала у населения домашний скот, муку, хлеб и различные ценные вещи. Погрузив награбленное на 80 отобранных у дехкан верблюдов, бандиты отправили караван в глубь пустыни. Сопровождать караван была наряжена небольшая группа, а остальная банда во главе с курбаши Хан-казы двинулась на Питняк.

Об опасности, угрожавшей родному кишлаку, узнал находившийся в Тюя-Мууне житель Питняка Сафар Алагай. Отлично зная местность, он одиному ему известными тропами сумел вперед басмачей добраться домой. Первым, кого он увидел, был милиционер Ходжа-Етмак Джуманиязов. Ходжа отдал Сафару своего коня и приказал скакать в Хазарасп к чекистам, а сам с винтовкой в руках занял боевую позицию у магазина. Вскоре появились и бандиты. Часть из них бросилась по дворам, а человек тридцать направилось к магазину. И Ходжа-Етмак дал им бой. Первым выстрелом он наповал свалил одного бандита, вторым ранил другого. Не ожидавшие отпора басмачи, подобрав раненого, отступили. Но минут через пятнадцать появились вновь. На этот раз их было значительно больше. Открыли сильный, но беспорядочный огонь, а часть группы под его прикрытием пыталась вести подкоп под стены магазина с другой стороны. Тогда Ходжа вскочил на крышу и начал оттуда метко поражать грабителей. Басмач, он как и всякий бандит, молодец против овец, а когда встречает стойкого человека, становится трусливым. Так и на этот раз, побросав трупы, они вновь отступили.

Ходжа этого и добивался. Ему надо было протянуть время. Он знал, что помощь должна скоро прийти, и она пришла. Отряд под командованием начальника районного отдела НКВД Ентина и начальника милиции Х. Якубова, с одной стороны, и отряд П. А. Приданникова из Ургенча на автомашинах, с другой стороны, одновременно

менно ворвались в Питняк, зажали басмачей в клещи и разгромили их. Остатки басмачей в панике бежали в пески. Отряд Г. Ентина, преследуя басмачей, настиг и отбил караван с имуществом населения, которое немедленно было возвращено благодарным жителям кишлаков Ших-Арык и Садвар.

Так мы завоевывали доверие и признательность населения.

Помнится и такой случай. Мне было поручено разработать и осуществить операцию по ликвидации банды Шамурата Худайбергенова и захвату его главаря. Жестокий и хитрый был бандит. Брат одного из главарей контрреволюционного восстания 1924 года Хасана Худайбергенова после его разгрома затаился. Устроился секретарем сельского Совета, прикинулся другом советской власти. Но бандитские привычки и непомерная алчность подвели его. За поборничество и незаконное взимание налогов на него было возбуждено уголовное дело. Скрывшись от правосудия, Шамурат сколотил из числа кулацкой молодежи банду и в течение длительного времени терроризировал население. От его руки погибли более тридцати сельских активистов.

Взять его можно было только узнав, кто ему помогает из местного населения. К этому времени добровольно оказывать помощь бандитам желающих было мало. Чаще всего это делалось из боязни жестокой мести.

Мое внимание привлек житель кишлака Таджи-ага Багатского участка Таджинияз Курьязов. Чем-то он был подавлен, чего-то боялся, переживал. Дополнительным наблюдением установил, что какие-то нити от него ведут к Шамурату.

Как-то осторожно устроили ему встречу с работниками райаппарата ОГПУ. Перепугался он страшно, запирался, не хотел признаваться в своей связи с Шамуратом, в том, что является его пособником. Долго и терпеливо рассказывал Курьязову, что советская власть защищает интересы таких бедняков, как он, Таджинияз, что советская власть не карает тех, кто, обманутый врагами, раскаивается в своих поступках, помогает обезвреживать врагов. Наконец, чувствую, что поверил. Лицо просветлело, распрямились плечи, заговорил спокойней.

Да, Шамурат посещает его дом. Но он очень осторожен. Никого к себе близко не подпускает. На разведку посыла-

ет телохранителя Нарбая. При малейшем подозрении о связи своих сторонников с органами советской власти беспощадно убивает.

В конце беседы Курьязов не возражал устроить в его доме засаду чекистов.

Засели в доме Таджинияза два моих друга Раджаб Бастанов и Атияз-Калмык — храбрые милиционеры, много раз проверенные на боевых делах. Сам я устроил засаду невдалеке, чтобы можно было наблюдать и в случае необходимости прийти на помощь.

Только на четвертые сутки появился Шамурат. После полуночи я услышал выстрелы у дома Курьязова. Бегу сломя голову. Вижу у дверей лежит в полосатом халате убитый Шамурат, а рядом стоят взволнованные Бастанов, Атияз и Курьязов.

Оказывается, против обыкновения Шамурат пришел без разведки. На условный стук Курьязов открыл дверь. Шамурат входить не спешил. Начал расспрашивать о новостях в кишлаке, а затем видно что-то почувствовал подозрительное, хотел нырнуть в темноту. В этот момент Раджаб Бастанов выстрелом в грудь уложил его насмерть.

После уничтожения главаря нам очень быстро удалось ликвидировать и всю банду.

Курьязов Таджинияз не только был прощен советской властью, но по решению райисполкома ему была выдана премия: дойная корова, мешок риса, мешок муки. По тем временам для бедняка это был очень ценный подарок. Такой исход дела произвел большое впечатление на население района. Все, кто из-за страха помогали врагам, стали помогать нам. Почва окончательно ушла из-под ног басмачества.

Юденич Николай Константинович

1890 года рождения, в органах ВЧК работал с ноября 1919 года по май 1921 года. Пенсионер.

Как сейчас помню, я сидел за столом в канцелярии Туркестанской комиссии по борьбе с голодом, когда позвонил телефон.

— Юденич?

— Да.

— Завтра в 9 утра явитесь на Уратюбинскую улицу в Особый отдел. Пропуск заказан.

Подобные звонки в то время нас, представителей старой интеллигенции, приводили в ужас. Нам казалось, что вызов в особый отдел означал не что иное, как арест. Для этого было достаточно примеров — отдельные чиновники имели связи со всякого рода тайными организациями и, естественно, за подобную связь расплачивались. Лично я не разделял мнения, что всех интеллигентов должны сажать, но все же без всякого удовольствия принял приглашение явиться в отдел.

Домой пришел далеко не в радужном настроении. Рассказал жене, та приуныла. И ее можно было понять — вызов в секретную организацию не возбуждал оптимизма, если учесть еще, что вызвали не вообще кого-то, а собственного мужа, плюс пропорщика, бывшего адъютанта 1-ой Сибирской Запасной Стрелковой бригады, имевшего в свое время неосторожность сделать предложение дочери бригадного генерала. Солидное основание для уныния.

Обсуждали, вспоминали, гадали. Ничего крамольного в моей биографии на семейном совете не нашли. И все-таки, провожая утром меня на работу, жена с тревогой сказала:

— Буду беспокоиться. Не задерживайся!

Это прозвучало иронически: будто я намеревался по собственной прихоти задержаться в Особом отделе. Вот если меня задержат — другое дело.

Пропуск я получил сразу и вместе с пропуском меня повели к самому начальнику Особого отдела — Воскину. Он принял меня без всякой проволочки. По привычке я постучался в дверь и услышал голос:

— Давай заходи!

Кабинет по тому времени оказался приличным. И человек, который меня принимал, выглядел элегантным, если опять-таки учесть время — разруху, голод, эпидемии. Я, естественно, почувствовал себя неловко в этой обстановке: на мне была выцветшая гимнастерка, старые шаровары и солдатские ботинки с обмотками. Очень робко я представился:

— Юденич! Меня вызывали...

Воскин не обратил внимания на мою фамилию. В лицо не посмотрел, а сразу на костюм, на ботинки, на обмотки.

— Почему плохо одеты?

Прямо скажу, вопрос показался мне издевкой и мгновенно озлобил. Захотелось надерзить этому Воскину.

— Все променял на продукты, — ответил я с вызовом.

Воскин вдруг улыбнулся. Он, видимо, ожидал встретить какого-нибудь буржуа, припрятавшего от власти слитки золота и отрезы шевиота и бархата, а перед ним оказался потрепанный событиями интеллигент.

— Будете работать следователем, — утвердил заранее принятое решение начальник.

— Но... — хотел возразить я, а Воскин прервал меня.

— Никаких но... Вы мобилизованы! Пройдите к моему помощнику, товарищу Зингерову.

Что ж, пришлось идти к помощнику. Разыскал кабинет и снова доложил.

— Я — Юденич. Меня прислал к вам Воскин.

Из-за большого письменного стола поднялся такой же большой человек в кожанке, которая в те годы олицетворяла форму руководящего состава. Кроме кожанки, я обратил

внимание на очень светлые волосы и крупный нос. Больше ничего примечательного в товарище Зингерове не было.

— Садитесь! — предложил строгим тоном Зингеров. — Вам уже известно, что вы назначаетесь следователем?

— Я работаю в Турккомголове, — объяснил я.

— Это не имеет значения. Повторяю, вы назначены следователем... — Он нажал кнопку звонка. Вошел красноармеец, вытянулся на пороге. — Проводите товарища в следственную часть к Богомолу.

Чувствуя, что вопрос мой решается окончательно, я все же пытался противиться:

— Не хочу работать следователем.

— Что-о?! —

Это «что» прозвучало как удивление и негодование одновременно. На меня оно должно было произвести впечатление взводимого курка. Однако я все же сопротивлялся. Не зная задачи Особого отдела, рисовал себе его чем-то вроде старого охранного отделения. Ненависть к жандармам, рожденная еще в студенческие времена, жила во мне. Вспомнил забастовку учащихся в Москве, демонстрацию на Театральной площади вскоре после смерти Льва Николаевича Толстого. Над толпой красные флаги, льются скорбные и величественные звуки: «Мы жертвою пали в борьбе роковой...». И вдруг со стороны Неглинного проезда налетают конные жандармы. Начинается избиение студентов нагайками. Один и меня огрел по плечу. Тогда-то и появилась ненависть, не отвлеченная, а конкретная, так сказать, осязаемая.

Мой протест уловил Зингеров, но не стал объяснять или убеждать. Он передал листочек бумаги красноармейцу и тот повел меня в следственную часть. Я уже почувствовал себя арестованным.

Третья комната, в которой мне довелось побывать в то утро, произвела на меня довольно благоприятное впечатление. Вернее, это была не только одна комната, а две смежные: в одной, маленькой, сидел благообразный старичок, очень похожий на рабочего, во второй — сухощавый брюнет, с проседью на висках, в пенсне. Старичок оказался начальником следственного отдела Богомолу, мужчина в пенсне — следователем Зарембой. Обстановка была простой, как во всяком учреждении, выполняющем большую по объему работу.

Едва я переступил порог, как старичок поднялся и, улыбаясь, пошел мне навстречу, словно когда-то прежде знал меня и теперь рад был увидеть.

— Ну вот и хорошо, молодой человек,— произнес Богомолов, здороваясь.— Будем вместе работать. Спецы нам вот как нужны...

Приветливое, улыбчивое лицо старичка как-то сразу располагало к себе, делало общение с этим человеком приятным, даже интересным. Он усадил меня на стул и ласковым тоном стал расспрашивать, кто я и что умею делать.

Прежде всего, я заявил о своей явной непригодности к той работе, которую делают в Особом отделе. Действительно, у меня был диплом об окончании юридического факультета, но мне не приходилось соприкасаться практически с юридической деятельностью.

— Я тоже не соприкасался, а вот приказали и работаю,— мягко, как бы оправдываясь передо мной, сказал Богомолов.— Надо, контрреволюция за горло берет.

Насчет практики не помогло, тогда я стал излагать свою весьма не революционную биографию, упомянул тестя-генерала.

— Разные генералы бывают,— заметил с улыбкой старичок.— Вон повыше твоего генерала Брусилов, а сразу перешел на сторону Советской власти. Садись, будешь следователем. Товарищ Заремба поможет, он у нас специалист насчет составления всяких протоколов и решений...

Услышав свою фамилию, в комнату вошел мужчина в пенсне и спросил Богомолова:

— Вы меня?

— Познакомьтесь, это наш следователь, товарищ Юденич. Молодой еще, помочь ему надо...

Меня все не покидало чувство, что я попал сюда случайно, сейчас этот удивительный разговор окончится и я покину Особый отдел, вернусь к своей работе в Комиссии по ликвидации голода. А разговор не оканчивался. Он принимал явно конкретный и деловой характер. Богомолов достал из шкафа кипу следственных дел, передал мне. Машинально я принял их, но так настороженно, так неуверенно, что Богомолов поспешил успокоить:

— Да ты не бойся. Дела простые... Беляки.

— Какие беляки?

— Ну всякие там дутовцы, анненковцы, осиповцы... Разберешься. Тех, кто не участвовал в карательных отрядах и не связан с контрразведкой, направляй в реввоенсовет — там спецы нужны, формируется Красная Армия. А кто участвовал, пусть посидят.

— Где? — задал я наивный вопрос.

— В тюрьме, милый. Ты же юрист, знаешь, что за преступления перед народом надо расплачиваться.

Это я, конечно, знал, и не потому, что имел юридическое образование, а потому что в мире существовали нормы и представления, ясные каждому человеку.

Мой новый начальник вышел, а я остался с кипой папок и следователем Зарембой, который иронически смотрел на меня и на мою растерянность перед обязанностями, возникшими так неожиданно. Коллега вынул портсигар, предложил мне папиросу. Закурил молча. Я все еще не в состоянии был свыкнуться со своей ролью. Заремба прервал молчание:

— Работа, конечно, ответственная... Судьбы людей, и главное нет ни кодекса, ни установок. Но если все решать по совести...

По совести. Вот это я запомнил. Это было понятно и в то же время страшно. Совесть может ошибаться, как все, связанное с чувством. Достаточно ли я тверд и мужественен?!

Я вздохнул, встал из-за стола и подошел к окну. И вдруг увидел жену. Бедняжка, она стояла на другой стороне улицы, на тротуаре, укутавшись в шаль. Надо скорее сказать ей, успокоить. Бросаюсь к двери, но на пороге меня останавливает красноармеец.

— Товарищ Юденич, вас вызывает помощник начальника.

Значит, предупредить жену не удастся. Шагаю вслед за красноармейцем в кабинет Зингерова. Он уже не за своим огромным столом, а у входа. Ждет меня.

— Приняли дела?

Пока я раздумывал, как лучше объяснить ситуацию и мои опасения, Зингеров дал распоряжение.

— Останетесь в отделе: работать и ночевать, надо расчистить тюрьму. От контры. Дел много накопилось.

— И домой не отпустите?

— Нет.

— Ну что ж, раз надо...

У меня перед глазами стояла жена, обеспокоенная, бледная.

— Я хотел бы сообщить дома, кое-что из одежды взять...

Зингеров посмотрел на меня с сожалением — ему казалось, наверное, что я напуган и пытаюсь скрыться.

— Прежде прочтите это и подпишите.

Он взял со стола бланк и протянул мне. Я пробежал глазами текст, в котором говорилось, что я обязуюсь держать в секрете государственные тайны. «В случае нарушения обязательства, добровольно обрекаю себя на расстрел», говорилось в конце бланка. Последняя фраза заставила меня побледнеть.

— Как добровольно?

Зингеров спокойно, даже сухо ответил:

— Такой порядок. А вы что, боитесь проболтаться?

Опять посмотрел на меня с сожалением. Я взорвался:

— Ничего не боюсь...

— В таком случае будем считать вопрос решенным.

Подпишите!

Я машинально, с пренебрежением расписался.

— Устраивайте свои семейные дела, — принимая листок, по-прежнему сухо произнес Зингеров. — Приступайте к работе. Предупреждаю — не опаздывать!

На улице я догнал жену, понуро удалявшуюся от Особого отдела, взял под руку.

— Жив! — произнесла она радостно.

— Жив, жив...

— Зачем вызывали?

Я рассказал ей все подробно. Не скрыл и свои сомнения.

— Нужна только честность, так поняла я, — ответила она успокоенно. — Что же ты не решаешься?

— Уже решил.

Она сжала мою руку.

— Может быть, это твое будущее.

Жена оказалась права. Начался незабываемый период в моей жизни...

Решать по совести. Кажется, совершенно ясное понятие, но каким оно становится неопределенным, когда сталкиваешься с событием, участником которого являешься ты сам. Перед тобой человек со всеми своими достоинствами и недостатками. он борется с тобой, борется за себя. В течение каких-то часов, дней, а то и недель происходит по-

единок между обвиняемым и следователем. Тактика следователя одна — наступление, обвиняемого — защита. Но иногда положение меняется, приходится отступать и даже обороняться. В перерывах между допросами следователь работает. Работает порой больше, чем во время встречи со своим противником.

Так вот, в процессе этой работы, а точнее — борьбы, надо решать судьбу обвиняемого. На нас возлагалась обязанность определить преступление и предложить наказание. И то и другое органически связано. Уже в процессе следствия возникает мнение относительно результатов, поэтому формулировка обвинительного заключения по своему тону должна соответствовать решению. Личное отношение следователя к обвиняемому присутствует во всем этом. Прежде всего спрашиваешь самого себя: достоин человек такого наказания? Свою совесть спрашиваешь.

А если я ошибаюсь? Если что-то пропущено, не вскрыто. Если факты, обвиняющие человека, всего-навсего случайное совпадение, и он не в силах доказать противное.

Богомолов говорил мне:

— Чутьем надо узнавать — кто свой, кто контра.

И приводил пример из своей практики:

— В дни осиповского мятежа я был председателем чрезвычайной комиссии в железнодорожных мастерских. Поговоришь с беляком и сразу чувствуешь, чем он дышит.

— Тогда враг действовал открыто, бросался на Советскую власть с оружием в руках, — возражал я. — Теперь он маскируется. Трудно определить, чем он дышит, чутьем его не разгадаешь...

Мой приход в Особый отдел совпал с формированием Красной Армии, с организацией военных училищ, требовались специалисты. А взять их можно было только из кадров старой армии. Но кадры эти были не однородными: часть офицеров, как известно, с первого дня революции и гражданской войны осталась в стане врагов и продолжала бороться с советской властью под знаменами Врангеля, Дутова, Деникина и других царских генералов. Другая часть старого командного состава перешла на сторону революции и верно служила родине и народу. Были и такие, которые симпатизировали в душе Советам, но в силу традиции и дисциплины оказались среди врагов и выполняли волю своих бывших начальников. Таких мы старались привлекать в качестве военспецов при формирова-

нии Красной Армии. Находившиеся в тюрьме пленные, перебежчики пронюхали об этом и быстро перестроили свои биографии в надежде получить в Красной Армии командную должность повыше. Они лгали на допросах, преувеличивали свои чины, хвастались знаниями. Попробуй раскуси такого субъекта?

В первые же дни работы следователем мне попался один белый офицер именно с такой биографией, состряпанной в тюрьме.

Допрос происходил в несколько комической ситуации. Отправляясь утром на работу, я обнаружил, что подметка на одном моем ботинке оторвалась. Время было летнее, и я решил идти босиком, замены не было. Сел за стол, а ноги подобрал под себя. В таком виде меня застал приведенный на допрос офицер. Он мельком взглянул на босые ноги следователя и сделал для себя соответствующий вывод.

— Фамилия, имя, отчество?— поставил я стереотипные вопросы.— Рассказывайте о себе все!

И офицер начал рассказывать. Рассказывал вдохновенно, не стесняясь в преувеличениях, где касалось его военных доблестей и заслуг. Назвал он себя капитаном, сыном священника, выпускником известного в России военного училища. И все это излагалось самыми простонародными словами, с вопиющим искажением военной терминологии. Вначале, фиксируя ответы, я исправлял речь офицера, потом рассердился и стал писать так, как он говорил. Подал ему анкету на подпись. Мой капитан долго прицеливался к тому месту, где следовало приложить руку и, наконец, поставил какую-то малограмотную закорючку.

— Значит, окончили военное училище?— повторил я вопрос.

— Так точно!

Рассерженный, я стал экзаменовать капитана по алгебре, геометрии, географии. Вместо ответов, он мычал и хлопал глазами.

— Кто вы такой?— неожиданно вырвалось у «капитана».

— Офицер, адъютант бригады.

Беляк вскочил, вытянулся и, забыв, что на нем нет шапки, взял под козырек.

— Виноват, ваше благородие!

— Ведь врал все?— не успокаивался я.

— Так точно, ваше благородие! Ефрейтор я...

И «капитан» снова, теперь уже с удивлением посмотрел на мои босые ноги. Это они ввели его в заблуждение — решил, что перед ним какой-то бродяга, которому можно втереть очки без особого труда.

Сидевший за другим столом Богомолов едва не прыскал от смеха.

— Зачем же ты врал? — вмешался он в допрос.

Бывший «капитан» уныло протянул:

— Так что, хотел должностишку побольше получить в армии.

— Дурак, а мы вот теперь за обман советской власти вкатим тебе срок побольше.

Ефрейтор побледнел. Куда девались его самоуверенный тон и хвастливая развязность.

— Дурак и есть, — заикаясь произнес он. — Вижу, люди простые, думал не разберут...

Я стал писать постановление о вынесении приговора ефрейтору. Ему полагалось два года тюрьмы за то, что с умыслом ввел в заблуждение следственные органы.

— погоди! — остановил меня Богомолов. — Признался все же человек... Раскаялся, вроде... — Он повернулся к удрученному ефрейтору, спросил мягко: — Раскаиваешься?

— Так точно... Вы уж простите.

— Трудом и верностью советской власти должен искупить свою прошлую и настоящую вину.

Ефрейтор опять вытянулся в струнку и отрапортовал:

— Буду стараться.

Мы отправили его в военкомат. В сущности, никакой особой вины у него ни в прошлом, ни в настоящем не было. Сам из бедных крестьян, он оказался у белых по мобилизации.

Но этот курьезный случай не только характеризовал обстановку того времени, но и в определенном смысле раскрывал ту самую формулу, что Богомолов выражал фразой «решать по совести». В особые минуты он говорил более точно — решать по революционной совести. Здесь был классовый оттенок, который и помогал находить точку зрения на тот или иной факт. Я понял это скоро, уяснил понятие, казавшееся вначале условным и даже нереальным. Да, революция должна исходить из положений, вызванных существованием враждующих между собой классов, карать поднявших на нее оружие и щадить отбросившего это оружие, отличать чужого по классу от своего, забред-

шего во вражеский стан по ошибке. Если же свой предавал, его настигала жестокая расплата.

Особенно беспощадной была кара, когда свой поднимал руку на своих. Я помню, мне пришлось разбирать одно дело в поселке Троицком. Там формировалась часть для отправки на Ашхабадский фронт. Накануне выступления произошла стычка между красноармейцами и сельчанами, приведшая к убийству. Меня срочно направили в полк для расследования и ареста виновных. Довольно быстро удалось разобраться в происшествии, навести порядок. Но на обратном пути один из лихих кавалеристов, видимо из числа тех, кто был повинен в смуте, решил «посчитаться» со следователем. Группа верховых окружила меня и, размахивая оружием, отобрала лошадь. Инициатор этого насилия присвоил себе трофей, а мне с усмешкой выдали расписку. «Грабеж» сопровождался руганью, щелканьем затворов.

— Стаскивай его с седла!— кричали озлобленно кавалеристы.

— Не жалея канцелярскую крысу!

Первым желанием моим было выхватить браунинг, но благоразумие предостерегло от этого рискованного шага. Против целого полка не повоюешь. Начнется перестрелка, заварится такая каша, что потом ее не расхлебашь. Главное, полк задержат, а ему надо срочно на фронт.

Я отдал коня. Единственное, что смог сделать, это предупредил:

— Лошадь казенная.

— Наплевать.

— Судить будут.

— Это мы еще посмотрим...

В этот же день в Ташкенте, в казарме на Урде, был арестован мародер из кавалерийского полка и по распоряжению начальника Особого отдела доставлен на Уратюбинскую улицу для допроса.

— Что будет?— спросил я сотрудника отдела, выезжавшего в казарму.

— Для поддержания дисциплины Воскин расстреляет мародера, а тебя под суд, чтобы берег казенную собственность.

Во мне заговорила совесть, не общая, отвлеченная, а личная, если так можно выразиться. Я бросился за содействием к Богомолу.

— Выручайте!

— Кого выручать? Этого мародера? Если все начнут грабить народную собственность, нападать на представителей рабочей власти, так мы и недели не протянем.

Все это старичок произнес сухо, со строгостью в голосе, но пошел однако к Воскину выяснить вопрос.

Пробыл он у начальника отдела с полчаса. Вернулся такой же хмурый, но в глазах светился добрый огонек.

— Кремень, этот Воскин. Не уломать его. И молодец, нечего со смутьянами цацкаться: к стенке!

Внутри у меня похолодело: значит, все-таки расстреляют. Теперь, когда событие было уже позади и волнение улеглось, наказание показалось слишком суровым.

— Из-за лошади — смертная казнь! — ужаснулся я.

— Разве в лошади дело, — пояснил Богомоллов. — Дело в нарушении революционной дисциплины.

Добрый огонек продолжал светиться в глазах старика. Он что-то обещал.

— Счастливо отделался, сукин сын, — усаживаясь за стол, закончил свою беспощадную речь Богомоллов. — Тридцать суток ареста вместо расстрела, а тебе выговор... Тоже счастливо отделался...

Я часто вспоминаю этот случай. Он кажется мне, как и случай с ефрейтором-капитаном, характерным для того времени. В сложной обстановке классовой борьбы многие совершали ошибки, попадали под влияние контрреволюционных элементов, но, при всей беспощадности революционных законов, заблудившихся щадили. Поэтому, когда слышишь категорические заявления далеких от событий того периода людей относительно слепой кары времени, чувствуешь необходимость возразить. Я сам находился почти в центре борьбы за революционную дисциплину и как очевидец могу сказать: слепого возмездия со стороны революционной власти не было, днями и ночами мы сидели, разбирая дела контрреволюционеров, копаясь в фактах, просеивая материалы сквозь строгое сито объективности. Враги же, едва захватив где-либо власть с помощью мятежа или вооруженного насилия, немедленно уничтожали всех, кто хотя бы как-то был причастен к советской власти. Достаточно припомнить Осиповский мятеж в Ташкенте, рейды белоказаков в Семиречье, налеты басмачей на кишлаки и города. Везде лилась кровь рекой, горели костры с человеческими телами, грохотали залпы расстрелов.

И революционные органы, несмотря на труднейшую обстановку, в условиях ожесточенного белого террора, старались соблюдать социалистическую законность, пусть условно выраженную, но базировавшуюся на твердых классовых принципах.

Приведу еще пример, подтверждающий эту революционную принципиальность карающих органов советской власти.

В Бостандыкском районе, близ селения Бурчмулла, была организована сельскохозяйственная коммуна. Как всякое начинание, коммуна нуждалась в энергичных, революционно настроенных людях. Именно таким был ее председатель. Он собрал бедняков, отрезал от байских владений кусок земли и принялся строить новую жизнь. В горах родилась коммуна. Много неожиданного, даже романтического было в этом удивительном деле. На склонах хребтов зардели красные флаги, с песнями выходили в поле люди. Самое дерзкое было в том, что председатель начал борьбу против устоев шариата — он мечтал о кишлаке, где женщины станут свободными и равноправными. Он призвал их снять паранджу — вековой позор Востока.

Его убили. Зверски. На базаре подстреканная баями и духовенством толпа стянула его с лошади, закидала камнями, затоптала ногами. Труп бросили в ров.

Мне было поручено выехать в Бурчмуллу, расследовать дело, арестовать зачинщиков и доставить в Ташкент. В помощь занарядили одного конного красноармейца. Ни начальник отдела, ни я не знали положения на месте, не представляли себе, что такое горный кишлак, где только что бай совершили убийство и где практически они хозяйничали.

На лошадях мы доехали до селения, но перебраться на другой берег Чаткала, где находился сельсовет, не смогли. Мост через поток, сожженный осиповцами, не был еще восстановлен, единственным средством сообщения оказался трос с люлькой. Пришлось красноармейца оставить с лошадьми на этом берегу, а самому в люльке одолевать ущелье. Причем и этот способ не был всем доступен. Только мандат Особого отдела открыл мне путь на противоположный берег.

Был уже вечер, когда я добрался пешком до Бурчмуллы и отворил дверь сельсовета.

Не откладывая дела, я стал вызывать жителей кишла-

ка и расспрашивать об убийстве. Первый вопрос: кто подстрекал к убийству председателя коммуны и кто убивал? Видимо, меня уже ждали, вернее, ждали представителя власти, поэтому результат допроса был подготовлен местными баями. Все отвечали одинаково: чьи руки поднимались — не разберешь, кто первый замахнулся — неизвестно. Иначе говоря, все виновники, всех надо судить. Заговорщики провели большую работу. Я не сомневался, что были пущены в ход угрозы, подкуп, во всяком случае целый кишлак отвечал по подсказке. Никаких отступлений, никаких вариаций, точная формулировка: не знаем, не видели, все виноваты.

Баи действовали довольно логично. Приезд следователя — явление кратковременное, поговорит, пошумит и уедет, а сельчане останутся здесь, в горах, за многие километры от города, от власти, от ЧК и, как прежде, под началом богатеев и мулл. Тому, кто проболтается, житья в кишлаке уже не будет, он исчезнет бесследно в пропасти или на дне Чаткала. И, зная это, дехкане упрямо повторяли одно и то же — не знаем, не видели, все виноваты.

Действительно, какова сила одного, пусть даже вооруженного, человека. У него и коня-то нет, оставил где-то за рекой, убежать не на чем. А о том, чтобы убежать, я стал подумывать на второй день следствия. Чем больше я проявлял настойчивости в допросах, тем глуше, сдержаннее отвечали подследственные. Мимо окон постоянно мелькали странные силуэты, ночью к дверям подкрадывались неизвестные и, притаившись, слушали, что я делаю. Сторож сельсовета, приносивший мне светильник и еду, интересовался, стреляет ли мой пистолет и на каком расстоянии можно убить человека. Он же советовал мало спать ночью.

К концу второго дня я прервал допрос, так как заметил слишком уж оживленное движение за окнами. Создавалось впечатление, что весь кишлак собирается около сельсовета. Я встал и подошел к распахнутой раме. Уже темно. Косые лучи солнца освещали багровым светом вершины Чимгана. Улицы кишлака, погруженные в сумерки, скрадывали притаившиеся у ворот и калиток тени. И все это вокруг сельсовета. Тревожная ночь подступала к горному селению.

Что делать? Мне приказано выявить и арестовать зачинщиков самосуда. За два дня я ничего не выяснил.

Оставаться дальше в кишлаке, значит еще больше накалить обстановку. Хан ведут тайную войну против меня, и она вот-вот станет явной. Видимо, сегодня ночью что-то случится. А что, если пойти навстречу врагам — арестовать двух-трех человек из числа этих негласных властителей селения. Ведь они убили председателя коммуны, передового деханина, сына революции. Даже самый элементарный принцип справедливости требовал расплаты за кровь посланника советской власти. Если отступить от этого принципа, что подумают бедняки, у кого им искать защиты и поддержки. Большевики призывают их вступить на новый путь, а когда они делают первый шаг, никто не протягивает им руку. Страшный вывод! Столкнувшись с проблемой наказания не на бумаге, не на судебном заседании, а прямо на месте преступления, начинаешь понимать, насколько важна и необходима кара по отношению к врагам.

Ко мне приходит отчаяние, злость — как непростительно глупо, что я оказался здесь один. Враг должен видеть нашу силу, нашу способность карать за преступление. Маленький браунинг в моих руках — и это все. Смешно даже надеяться на несколько патронов.

Предположим, я остаюсь. Предположим большее, принимаю бой, а что он произойдет, в этом уже нет сомнения — атмосфера накалена. Со мной случится то же, что и с председателем коммуны. Поможет ли это распутать клубок, найти зачинщиков? А наказать всех, просто мстить — бессмысленно. Жертвами окажутся невинные люди, может быть, те же самые бедняки, застрашенные баями.

Вот какой он — рубеж преступления и наказания. Можно ли его переступить? Видимо, нет.

Второе преступление не должно совершиться в кишлаке. Я собираю бумаги, складываю их в портфель. Сторож как-будто ждал этого. Молча входит, засвечивает копилку, ставит передо мной поднос с чайником чая и двумя лепешками.

Спрашивает холодно:

— Уезжаешь?

— Да.

В глазах старика вспыхивает радостная искра. Ему не хочется, чтобы в его кишлаке снова пролилась кровь.

— Если собрался, уезжай сейчас, — советует он.

Сумерки сменялись тьмой. Кишлак затягивается ночным пологом. Непростительно замешкался я. До Чаткала

добираться в такое позднее время трудно и опасно, но и оставаться нельзя. Старик выходит, и тотчас в дверях появляются сельчане — человек десять. Самый пожилой в шелковом халате, в пышной чалме и дорогих сапогах, становится у стола, остальные располагаются вдоль стен. Пожилой с угодливой улыбкой спрашивает:

— Слышали, уезжаете?

— Уезжаю.

— Просим задержаться. Сейчас плов будет.

Те, что прижались к стене, исподлобья смотрят на меня. Ждут ответа.

— Спасибо, не могу. Меня должны встретить на той стороне товарищи.

Я солгал и по лицам людей догадался, что они знают истинное положение дела: разведка у богатеев поставлена хорошо, кроме одного красноармейца за Чаткалом никого нет и не будет. Однако пожилой делает вид, что поверил, и кивает.

— Мы проводим гостя. Темно, дороги не видно.

От этого отказаться нельзя, и я соглашаюсь.

От кишлака до берега два километра. Их надо пройти в сопровождении враждебно глядящих на меня людей.

— Начальник узнал, кто убил председателя?— спрашивает пожилой.

— Нет, не узнал.

— Как, не узнал?— искренне удивился бородатый.— Все убивали, все, кого спрашивал начальник...

— Надо найти первого, бросившего камень,— попытался разъяснить я точку зрения следствия.

— Первого нет,— твердо ответил бородатый, и этим как бы отрезал путь к иному толкованию преступления.— Камни бросал весь базар.

Вести спор было бессмысленно, да и рискованно, он мог перерасти в конфликт с мрачным исходом. Я предложил компромиссный для бородатого вариант.

— Доложу так, как здесь было.

Бородатый шел рядом со мной, остальные десятеро — сзади, на некотором расстоянии. Они упорно молчали, лишь иногда я слышал сдержанное покашливание. Обычно оно сопровождало слова пожилого, как бы подкрепляло их, напоминая о единстве мнений. Вот и сейчас, когда мой спутник произнес решающую фразу, они одобрительно кашлянули. Он сказал:

— Обязательно доложите — убивал весь базар. И пусть никого больше к нам не посылают. Люди не любят повторять одно и то же.

Наконец, в темноте замаячили столбы, держащие трос. Сопровождающие остановились шагах в двадцати от берега, дали мне возможность самому выйти к обрыву. Никто не пожелал счастливого пути, хотя впереди у меня был Чаткал, углая люлька и старый трос, способный оборваться в любом месте и в любую минуту.

В темноте с трудом я отыскал место переправы, отвязал канат. Признаюсь, эти четверть часа, что потребовались для простой процедуры, предшествующей путешествию над рокочущим потоком, мне дались нелегко. Не говорю уже о том, какие мысли приходили мне в голову. Невеселые мысли. Однако все обошлось благополучно. Перебирая руками трос, я достиг противоположного берега. Там меня ждал красноармеец с лошадьми. Он с испугом, а потом с удивлением посмотрел на меня.

— Думал, не вернетесь. Хотел уже в город возвращаться за подмогой.

Вот так приходилось выступать с неравными силами против жестокого врага. Кишлак Бурчмулла находился в относительной близости от Особого отдела и ЧК. А что говорить о далеких селениях, где богатеи считали себя полными хозяевами, притесняли народ, как и в царское время. Всякое проявление нового безжалостно подавлялось, баи и муллы вершили суд и расправу над бедняками-активистами, убивали представителей советской власти. И туда не могла дотянуться карающая рука чекистов!

Выше я подчеркивал ту убежденность в правоте нашего дела, которая рождалась от соприкосновения с врагом. Только когда видишь его, раскрываешь черный мир измены, предательства, становится ясной необходимость очищения нового общества от смертельно жалящих паразитов. Именно этой необходимостью была продиктована посылка отряда в Бурчмулла для ареста убийц председателя коммуны. Революционная власть не могла оставить без следа покушение на своего представителя, а следовательно, и на власть.

А таких покушений было немало. Враги иногда открыто, а иногда тайно наносили удары. Выстрел в красного агитатора, поджог сельсовет, нападение на делегатов съезда — все это разновидности террора, применяемого

контрреволюционными элементами. В кишлаках, расположенных вдали от городов, баи свергали советскую власть с помощью басмачей. День-два царствовал какой-нибудь курбаши, обирал дехкан, глумился над активистами. Потом его прогоняли бойцы ЧОН — частей особого назначения, красные палочники или дружинники из рабочих поселков. Покушения на революционную власть носили самый различный характер, начиная от саботажа, грабежа народного добра и кончая контрреволюционным заговором.

Тайных организаций белогвардейского толка было несколько в Туркестане. Одна из них ТВО — Туркестанская Военная Организация — была связана с иностранными правительствами и по их указке и с их помощью готовила переворот в Ташкенте. Для руководства действиями заговорщиков прибыли агенты американской, английской, французской и немецкой разведок. К моменту восстания приурочивалось наступление английских войск в Закаспии. Пробравшийся на пост военного комиссара республики, бывший прапорщик Осипов был назначен штабом ТВО командующим мятежными силами. Восстание в Ташкенте намечалось на весну 1919 года, но провал группы заговорщиков и выход ЧК на след тайной организации заставил Осипова начать мятеж раньше, а именно в январе. Это был один из страшных ударов в спину революции. Мятежникам удалось захватить большую часть города, подчинить себе почту, телеграф, банк, разгромить все правительственные учреждения. Белогвардейцы залили кровью улицы города, расстреляли стойких сынов революции — четырнадцать ташкентских комиссаров. Советская власть удержалась только в железнодорожных мастерских и в крепости.

Из этих пунктов и началось наступление на мятежников. В короткий срок рабочие под руководством коммунистов смяли и разгромили белогвардейскую банду. Сам Осипов с группой офицеров бежал в сторону Чимкента, но встретил там красный отряд, свернул в горы, перевалил в Ферганскую долину. Дальнейшую свою судьбу Осипов связал с басмаческим главарем Мадамин-беком и эмиром бухарским.

Расследование причин мятежа, выявление всех участников заговора, установление связи ТВО с иностранной разведкой требовали немалых усилий от чекистов. Главная трудность заключалась в том, что заговорщики бежали и находились вне досягаемости карательных органов. Надо

было их вернуть в Ташкент, предать суду трибунала. Полномочный представитель ЦИК РСФСР при эмире бухарском потребовал от имени Советского правительства выдачи из Бухары и выдачи судебным органам Осипова и его сообщников. Эмир упорно затягивал решение этого вопроса. Правитель Бухары не только симпатизировал мятежникам, но предполагал их использовать как военные кадры в будущих провокациях против Советской России. Однако после неоднократных и настоятельных требований ЦИК эмир выдал группу офицеров, а Осипова переправил за границу и этим сберег опасного врага социалистической республики от суда народа.

Заговор белогвардейцев в Ташкенте был лишь частью большого заговора, охватывавшего ряд городов Туркестана и даже России. После провала осиповской авантюры враги затаились. Торопливое расследование дел, проведенное сразу после подавления мятежа, не дало возможности выявить пружины и истоки заговора. И вот Феликс Эдмундович Дзержинский предложил обобщить материалы следствия, осуществить, если надо, дополнительное расследование, вскрыть связи. Это задание Дзержинского передали мне. С помощью двух следователей я принялся за работу. Сотни протоколов допросов, стенограмм заседаний трибуналов пришлось изучить, составить обзор. Кроме этого, предстояло произвести следствие по делам более чем ста участников мятежа. К этому времени из Самары конвой доставил группу осиповских подручных, направленных вначале в следственную часть при штабе Фрунзе, а затем переправленных к нам в Ташкент. Осиповскими молодчиками я и занялся.

Центральными фигурами в этой группе были помощники Осипова офицеры Ботт, Михайловский и др. За то время, пока мятежников перевозили с места на место, они многое обдумали и ко многому подготовились. Поручик Ботт, например, избрал тактику разоблачения Осипова и обеливания остальных участников переворота. «Мы были введены в заблуждение,— говорил он на следствии,— выполняли приказы, не зная их истинного назначения». Ботт категорически отрицал свою причастность к расстрелу комиссаров в штабе мятежников — во втором полку. По другим материалам Ботт проходил как один из главных инициаторов террора в городе после переворота. Свидетель

Шарафутдинов показывал, что поручик лично расстреливал комиссаров. Потребовалась очная ставка.

Я не могу забыть этой ни на что не похожей очной ставки между обвиняемым и свидетелем. Шарафутдинов, возмущенный наглою ложью Ботта, бросился на него и стал душить:

— Предатель!— кричал Шарафутдинов.— Осиповский прихвостень. Если суд тебя не осудит, так я прикончу.

С трудом мне удалось оттащить свидетеля. Но он не успокаивался.

— Расстреляйте его, как он расстреливал наших!

Ботт понял, насколько сильна ненависть к нему, насколько тверда решимость людей отомстить за кровь комиссаров. Он признался в преступлении, совершенном во втором полку.

— Да, я расстрелял несколько человек... но так приказал Осипов.

Мне надо было знать, кто входил в тайную организацию, готовившую мятеж в Ташкенте. Ботт, являясь адъютантом Осипова, мог кое-что слышать от главаря, наконец, видеть, с кем встречался его начальник. Из показаний других офицеров создавалось впечатление, что помимо Осипова и даже в обход его заговорщики формировали будущее белогвардейское правительство. Список этого правительства находился у кого-то из членов ТВО. Не принимать во внимание такой факт нельзя было. Мы знали о противоречиях в стане мятежников, знали о возможной замене Осипова другим контрреволюционным ставленником. Даже больше, заговорщики намеревались после переворота ликвидировать диктатора и взять власть в свои руки. Это тоже было известно из показаний некоторых участников заговора. Но где отыскать список членов правительства? Судя по отношению Ботта к Осипову, он что-то знал и что-то ожидал после переворота. Возможно, члены ТВО ему подсказали, какой тактики следует держаться и на кого ориентироваться в будущем.

Почему нас так интересовал состав несуществующего белогвардейского правительства? Да потому, что члены этого правительства не были арестованы, поскольку список держали в строжайшей тайне и видимо после разгрома мятежа уничтожили. Сами же члены правительства остались и перешли на нелегальное положение. Законспирированные заговорщики находились в городе, работали в

советских учреждениях, держали связь с заграничной агентурой и исподволь готовили новую провокацию против социалистической республики.

На следующий день после очной ставки я попросил у начальника отдела разрешения поехать в тюрьму и продолжать допрос Ботта и других офицеров-осиповцев. Начальник был расстроен чем-то, ответил сухо.

— Следствие прекращается.

— Как прекращается? — не понял я. Мне казалось, что мы нащупали след и теперь сумеем распутать клубок до конца.

— Некого допрашивать, — так же сухо пояснил начальник отдела. — Ночью офицеров расстреляли.

Это было настолько неожиданно, что показалось мне ошибкой. Как можно было расстрелять обвиняемых, еще не выдавших нам главных сведений о белогвардейском заговоре. Получилось так, будто мы сами захлопнули двери в тайну, причем тайну, разгадкой которой упорно занимались.

— Но они знали много важного, — продолжал настаивать я.

— Понимаю, но ничем помочь не могу.

Начальник передал мне официальную версию относительно готовившегося бунта в тюрьме. Чтобы его предотвратить, начальник тюрьмы привел приговор ЧК в исполнение досрочно.

Позже я много думал об этом случае. Во-первых, мне не верилось, что положение было настолько тревожным. Во-вторых, в городе имелось достаточно сил для подавления смуты контрреволюционеров. Внезапный расстрел оборвал нить следствия. Арестованные начали рассказывать и, видимо, кому-то этот рассказ угрожал разоблачением. Кто-то, и не один, был очень заинтересован в молчании. А лучше всего умеют молчать мертвые.

Между прочим, позже лицо, приводившее в исполнение смертный приговор, некий Толмачев, был изгнан из ЧК. Мне поручили вести расследование его дела, но он, узнав об этом, скрылся. Задержать его не удалось. Через некоторое время Толмачева нашли зарезанным. Должно быть, в ту ночь он не случайно поторопился с расстрелом.

Тайна белогвардейского правительства оставалась неразгаданной. Так бы и стерлись имена заговорщиков, скрывавшихся в подполье. Случай помог приоткрыть завесу.

Как-то мне принесли найденную у одного из жителей города листовку, выпущенную Осиповым 19 января. «Воззвание к гражданам» подписали от имени мятежного правительства Осипов, Руднев и Тишковский. Первых двух уже не было, а Тишковский находился в одиночной камере. Вот кто может пролить свет на тайну, решил я и поехал в тюрьму.

Меня провели по коридору и открыли дверь камеры. Я увидел шатена среднего роста, с тонкими чертами лица, обросшего бородой. Это был Тишковский.

Мое появление заставило его побледнеть.

— За мной?

Он был уже приговорен к расстрелу Верховным Трибуналом и ждал исполнения приговора. Моя шинель и кожаная фуражка напугали Тишковского.

— Нет,— ответил я.— Мне нужны дополнительные материалы по январскому мятежу.

— Все сказано и зафиксировано в Верховном Трибунале, добавить мне нечего,— отрезал Тишковский и повернулся спиной, давая этим понять, что разговаривать нам не о чем.

Последний из оставшихся главарей мятежа избирал молчание.

Что делать, как добыть необходимые сведения? Если уйдет Тишковский, то состав белогвардейского правительства останется неизвестным.

— Кто вы такой?— вдруг спросил он.

— Следователь Особого отдела.

Тишковский повернулся и внимательно посмотрел на меня.

— Можете быть откровенным?

— Да. Конечно, в меру моих полномочий...

Заключенный подумал с минуту, что-то решая, к чему-то готовясь. Потом спросил жестко:

— Скажите прямо, что меня ожидает?

Я прямо ответил, что убийство комиссаров во втором полку не может остаться безнаказанным.

— Я это знаю...— кивнул Тишковский.— Зачем же вы пришли ко мне? Или своим новым признанием я смогу облегчить свою участь?

— Мой приход вызван чисто историческими мотивами. Необходима точная и полная картина событий. Вы все знаете и сможете при определенной объективности дать

верную оценку происшедшему, раскрыть причины поражения, назвать настоящее место каждого в трагическом для вас и для них событии. Приговор уже вынесен...

— Разговаривать я не хочу, да и просто не в состоянии, — объяснил довольно спокойно Тишковский. — Но если действительно необходима полная картина, попробую воссоздать ее. Пришлите бумагу и папирос побольше... Без папирос не могу думать...

В тот же день Тишковскому была доставлена стопа бумаги и папиросы. Папиросы, редкая вещь в то время, изыали из особого фонда. Через неделю я получил стопу обратно. Она была сплошь заполнена текстом.

Это были интереснейшие и редчайшие записи о январских событиях в Ташкенте. Отдельные страницы удивляли и поражали нас. В них нашли отражение факты, о которых никто не знал. Были названы фамилии людей, причастных к заговору, фигурировали члены предполагавшегося белогвардейского правительства. В составе «кабинета» оказались лица, занимавшие ответственные должности в различных организациях города. Их поведение во время мятежа было странным, а порой и подозрительным. Теперь эта странность легко объяснялась. Объяснялась и позиция «левых эсеров», медливших в январские дни с выступлением против Осипова. Оказалось, что эсеровская верхушка находилась в сговоре с мятежниками. Белогвардейцы рассчитывали и на содействие некоторых работников охраны города. Не случайно так долго выяснялась обстановка во втором полку и такие туманные сведения поступали в партийные и советские организации города. Большевистские комиссары, поехавшие во второй полк, были неправильно информированы и попали в логово врага.

По записям в отделе установили фамилии людей, помогавших Осипову, и на них были заведены дела и начато следствие.

На основе собранных сведений и следственных материалов удалось довольно полно раскрыть причины и истоки январского мятежа, обнажить связи между различными контрреволюционными организациями, уточнить роль иностранных разведчиков Бейли, Тредуэлла. Часть фактов, приведенных Тишковским, в дальнейшем была подтверждена самим Бейли в его книге «Миссия в Ташкент». Мы эти факты узнали на несколько десятков лет раньше.

Своеобразная работа проводилась ЧК в районах, где орудовали басмачи, прежде всего в Ферганской долине. Из Москвы прибыл агитпоезд «Красный Восток», назначение которого — пропаганда идей советской власти среди местного населения, в основном сельского, мобилизация дехкан на борьбу с контрреволюционным басмачеством, выявление враждебных элементов, тормозивших процесс становления новой жизни на социалистических началах. Масса бывших чиновников, урядников, полицейских, разгромленных в открытых боях белогвардейцев, осела в маленьких городах и поселках и исподволь продолжала борьбу с Советами. К агитационному поезду прикрепили группу чекистов, задача которых заключалась в том, чтобы помочь трудовому населению разоблачить притаившихся врагов, свободнее выступать на собраниях, не боясь угроз и террористических актов со стороны баев, басмачей, белогвардейцев. По опыту мы уже знали, как мстят враги беднякам за свободное слово, за открытую поддержку советской власти, за разоблачение враждебной деятельности контрреволюционеров.

Чекистская группа имела взвод охраны и специальный вагон для проведения следствия на месте и для изоляции задержанных преступников. Это была летучая ЧК с чрезвычайными полномочиями — защищать самым решительным образом советских активистов, беднейшее дехканство от насилия и террора врагов. Такие полномочия обуславливались обстановкой — в Ферганской долине шла гражданская война и целые районы контролировались басмачами. Враг был жестоким, беспощадным и коварным. Поезд, как говорится, двигался в самое пекло.

Руководили агитпоездом три человека: представитель ЦК ВКП(б) Сольц, Народный комиссар юстиции Туркесреспублики Елагин, Председатель Туркестанской ЧК Домбровский. Остальной коллектив состоял из культработников, которые должны были проводить лекции, выступать с концертами, распространять агитационную литературу. Вагоны выглядели нарядно, художники разрисовали стены, расписали лозунгами, украсили красными полотнищами. Поездка предстояла горячая. И мы это почувствовали, как только миновали станцию Горчаково. Нас обстреляли басмачи.

Здесь, в Ферганской долине, встречи с врагом стали явлением обычным. Не только в кишлаках, но и в горо-

дах действовали террористы. В Андижане к начальнику агитпоезда пришел с жалобой комендант городской крепости. Каждую ночь кто-то убирал с поста часового. Удар наносился ножом в грудь. Никакие предосторожности не помогали: ни проверка постов, ни обход территории крепости, ни назначение начальниками караулов коммунистов. Методически преступник расправлялся с часовыми. Загадочные убийства встревожили гарнизон крепости, породили панику. Никто не хотел становиться на пост в ночное время.

Надо было расследовать это дело. Прежде всего, решили использовать опыт прифронтовой полосы. В первую же ночь поставили, кроме часовых, еще и подчасков. В секрете, естественно, и с правом применять оружие в случае необходимости. Об этой операции знал только комендант крепости.

Утром поступило сообщение: часовый убит. Как всегда — ножом в грудь. Но убийцу заметил подчасок и выстрелил в него. Преступник бежал пригибаясь, пуля угодила ему в живот. Раненого нашли шагах в двадцати от места преступления. Таинственным убийцей оказался не кто иной, как начальник гарнизона. Умирающего допрашивали прямо в госпитале, необходимо было выяснить мотивы, заставлявшие террориста нападать на часовых.

Месть Советской власти — так объяснил начальник гарнизона. Бывший курбаши, перешедший на сторону Красной Армии, он только внешне принял личину искренне раскаявшегося человека. Борьба его с новой властью продолжалась, только теперь скрытая, коварная. Жертвами оказались ни в чем неповинные люди, простые красноармейцы, принимавшие смертельный удар от собственного командира. Начальник гарнизона знал пароль и пользовался им, чтобы свободно подойти к часовому и внезапно ударить его ножом в сердце.

Убийцу должны были расстрелять, но он скончался от раны в это же утро. С такими событиями мы встретились в Андижане, на очереди новые события, новые столкновения с врагами. Началась проверка аппарата, выявление окопавшихся приставов, полицейских, белых офицеров, басмачей. Весь путь агитпоезда пролег в горячей полосе. Ощущение близости вооруженного противника было постоянным.

Я выше говорил о применении суровых мер по отношению к контрреволюционерам, выступавшим против народной власти и ее представителей. Но часто и даже очень часто средствами «наказания» были разъяснения, убеждения, предупреждения и, как это ни странно, дискуссии. Дискуссии в почти фронтовой обстановке, в комнате для допросов. Должен подчеркнуть, что первое слово советской власти к своим врагам было прощение и предупреждение, наконец, предложение трудиться, отдавать свои знания, свое умение народу. Масса бывших чиновников откликнулась на призыв.

И даже к тем, кто не захотел отдавать свои знания, свои силы новому строю, отношение было сдержанным. Я помню, как уговаривали идти работать в военные комиссариаты, штабы бывших царских генералов, полковников, капитанов, как пытались создавать им материальные условия, хотя вся республика была лишена самого необходимого для существования.

Церковь долго не признавала новой власти. С амвона попы слали проклятия большевикам. Ни одна белогвардейская организация не обходилась без участия служителей культа. Священники сопровождали Врангеля, Колчака, Деникина и других крупных и мелких главарей контрреволюции, они объявляли поход против рабоче-крестьянской власти делом, угодным богу. И все-таки служителей культа не трогали без серьезного основания на то. Только активное участие в заговорах или открытое преступление против советской власти было причиной ареста или следствия. Чаще со священниками спорили. Порой следствие превращалось тоже в дискуссию.

Однажды поступили сведения о подпольной поповской организации, налаживавшей связь с белогвардейцами. Донесение было тревожным, и ЧК приняло срочные меры к пресечению заговора. Все оперативные работники и следователи получили секретное задание проверить замешанных в антисоветской деятельности служителей культа. Мне поручили произвести политический обыск у двух попов.

К часу ночи я закончил обыск, изъяс переписку и доставил ее вместе с попами в Турчека.

Начался допрос. Разговор с попом получился непростым. Отец Андрей, священник привозкальной церкви, держал себя довольно независимо, на вопросы отвечал обстоятельно, стараясь выразить свою собственную точку

зрения. Прежде всего, он отверг подозрение относительно заговора.

— Собирались мы. Это верно, но не для крамолы, а для выяснения своего отношения к советской власти. Не все ее признают,— заявил отец Андрей.

— Вы, батюшка, признаете?— поинтересовался я.

— Всякая власть еще от бога.

Неопределенный ответ: вроде признает, но в то же время не сердцем, а по необходимости. Мне хотелось уточнить:

— А большевиков?

— Их послал бог в наказание за грехи наши.

Я невольно улыбнулся, но записал ответ в протокол.

— Вы знакомы с программой большевиков?

— А как же! И Ленина читал, и Маркса, и Энгельса...—

Отец Андрей, должно быть, искал случая поговорить с новой властью, в данном случае в лице следователя ЧК. Он стал говорить о концентрации капитала, которая, по Марксу, предшествует экспроприации средств производства, и о захвате власти рабочими.— Полной концентрации капитала еще не произошло в России, власть брать рано,— категорически заключил отец Андрей.

— Значит, большевики поторопились?— раздался голос у меня за спиной.

Увлечшись следствием, я и не заметил, как в комнату вошел зампред Турчека Перволюцкий. Вошел и стал слушать наш разговор со священником.

— Именно,— повернув голову, ответил поп.— Обошли стадию концентрации капитала...

— Ну, а если рабочий класс созрел для захвата власти и революционным путем подошел к социализму, минуя стадию концентрации капитала?— снова спросил Перволюцкий.

— Так не бывает.

— Октябрьская революция доказала, что бывает.

Поп не сдавался:

— Я изучал марксизм, несколько раз прочитал «Капитал», настаиваю на своем...

Спор разгорелся. Я перестал записывать вопросы и ответы, поскольку они уже не имели прямого отношения к следствию. Это была дискуссия в прямом смысле слова. И Перволюцкий, и отец Андрей все дальше и дальше углублялись в философию, причем оба подкрепляли свои мысли

ссылками на труды Маркса, Энгельса, Ленина. Священник без сомнения был начитанным человеком, любознательным, умным, но его познания в области марксизма носили дилетантский характер. Он приспособливал теорию научного коммунизма к христианству и многое объяснял проявлением высшего разума. Однако отдельные высказывания были интересными, острыми, ставящими Перволюцкого в затруднительное положение. Ему приходилось обходными путями переубеждать попа. Мы, несколько работников ЧК, тоже увлеклись спором, забыли о допросе. Стало уже светать, когда я спросил Перволюцкого:

— Надо все заносить в протокол?

Он спохватился, устало улыбаясь, ответил:

— Зачем же? Это дискуссия... Извините, увлекся.

Спор не окончился. Многое обоим хотелось высказать, много возникло противоречий, но время подстегивало. С уважением и даже интересом смотрели друг на друга чекист и священник. Идейные противники. Если бы не горячая, жестокая и труднейшая пора, можно было бы спорить, искать истину, побеждать высокими идеалами революции. Так всем хотелось. Но враг обращал на нас не только слова, он обнажал оружие, приходилось отвечать тем же. Впрочем, в данном случае оружие отсутствовало, если не считать мыслей. Видя, что Перволюцкий собирается уйти, я спросил его:

— Как поступить с батюшкой?

Дискуссия дискуссией, а долг долгом. Зампред Турчека пробежал глазами протокол допроса, внимательно прочел место, где говорилось о встречах попов и беседах о советской власти. Нахмурился.

— Палки в колеса советской власти вы все пытаетесь вставить?

— Не все,— с достоинством и твердо ответил отец Андрей.

— Проверим...— Перволюцкий снова встретился глазами с батюшкой, впился в них.— Вам, положим, я верю. Но все же вы дадите подписку о невыезде. Встретимся еще, поговорим...

Отпустили в ту ночь и остальных попов. Позже некоторых выслали за пределы республики. Не все занимались дискуссиями!

В той большой работе, что вела ЧК, решающим был авторитет ее сотрудников и их кристальная чистота,

неподкупность, принципиальность. Наши враги знали — чекиста нельзя ни разжалобить, ни соблазнить, ни испугать. Органы борьбы с контрреволюцией воспитывали своих бойцов в духе непримиримости к врагу, в духе высокой ответственности перед народом и партией за порученное дело. Каждый, кто вступал в чекистскую гвардию, брал на себя трудное бремя рыцаря революции и если по малодушию отступал, обрекал себя на моральную смерть. И не только моральную. В начале, рассказывая о своем поступлении в Особый отдел, я упомянул о подписке, которую взяли с меня. Там перед подписью поступающего стояла фраза. «В случае нарушения, добровольно обрекаю себя на расстрел». Да, поступивший против чести, нарушивший клятву, не мог рассчитывать на прощение. В «Оптимистической трагедии» есть сцена, когда революционные моряки бросают за борт старуху, оклеветавшую честного человека. Запятнавших себя не щадили и в ЧК. И это было закономерно, это отвечало революционному духу органов государственной безопасности.

Я на себе испытал, что означает принцип высокой чистоты чекистской гвардии. Наказание смертью почти коснулось меня. Месяц я ходил под угрозой расстрела. Много раз за свою жизнь приходилось вспоминать те тридцать дней и никогда не вызывали они мысли о несправедливости. Единственное, о чем я сожалел, это о своем неумении доказать правоту, вернее, отвергнуть ошибочность обвинения, предъявленного мне.

В 1921 году мне дали на проверку дело одиннадцати сотрудников Андижанского чека, обвиненных в использовании служебных обязанностей в преступных целях. Всем одиннадцати угрожала высшая мера наказания. Четыре толстых тома содержали в себе документы, показания свидетелей, протоколы допросов. Дни и ночи сидел я над изучением дела. Оно было запутано. Преступление по существу совершили два человека, но по служебной линии причастными оказались еще девять. Все девять должны были отдать жизнь, так как запятнали честь чекистов, оказались невольными участниками вражеской провокации. Некая Предит, женщина сомнительной репутации, использовала ЧК для выуживания денег у состоятельных людей Андижана. Она писала на них доносы, обвиняя в контрреволюционной деятельности, на основании ложных обвинений сотрудник ЧК, близкий знакомый Предит, ее сообщ-

ник Козлов подвергал жителей аресту. Пока рассматривались дела арестованных, Предит обходила родственников, взятых по ее же доносам, и, обещая освобождение, требовала деньги. Обвинения, естественно, не подтверждались, так как представляли собой чистейший вымысел, и арестованные получали свободу. Деньги делили между собой Предит и Козлов, остальные работники Турчека просто выполняли свой долг и рассматривали дела, не подозревая о провокации. Объективно они, конечно, содействовали двум преступникам творить свое черное дело.

Кто эти девять человек? Честные, преданные революции бойцы. Достаточно сказать, что председателем Андижанского чека был старый большевик, потомственный рабочий Галегов, немало сил отдавший завоеванию и утверждению советской власти.

После двухнедельного изучения дела я пришел к выводу, что виноваты только двое, остальные девять подлежат освобождению.

Мое заключение было рассмотрено коллегией Турчека и утверждено. Все получалось так, как подсказывала справедливость.

На этом дело можно было закончить, но кто-то усомнился в моей объективности. Даже больше, доложил полномочному представителю ВЧК Петерсу, что я заинтересован в освобождении андижанцев.

На следующее утро меня вызвал Петерс и спросил:

— Сколько получили за освобождение андижанцев?

Сказано было не просто, а со стальной ноткой в голосе. Мы все знали Петерса, как железного и беспощадного человека, выше всего почитающего принципы верности революции. Ему принадлежала заслуга разгрома контрреволюционеров после убийства Урицкого в Петрограде, это он покончил со штабом анархистов в Москве. И такой человек заподозрил меня во взяточничестве, в потере чести. Обвинение было настолько чудовищным, что я сразу не мог даже опровергнуть его. Меня охватило возмущение, и единственное, на что я оказался способен, это крикнуть с обидой:

— Неправда!

Петерс тоже был возмущен. Ему казалось, что просто так девять человек освободиться не могли, тут определена совершена сделка.

Выбежав из кабинета я так хлопнул дверью, что стекла зазвенели. Я приходил на работу точно в девять утра, садился и ждал. Ждал весь день. Ареста. Расстрела. Передать чувства, одолевавшие меня, невозможно. Обида захлестывала все. Тысячу раз я задавал себе вопрос: «Почему на меня пало подозрение? Чем проявил себя в делах, по отношению к людям? Ведь из чего-то складывается представление о человеке». Ответа не находил. Не было ответа. Работая в Особом отделе и ЧК, я много раз сталкивался с лицами, готовыми дать взятку, отблагодарить за содействие или услугу. Совершая облавы на спекулянтов, производя обыски, мы часто буквально ходили по золоту. И никто не притрагивался к нему. Брезгливо отталкивали его. В нашем представлении это было богатство, против которого боролись, которое ненавидели всем своим существом.

Доказывать свою честность я не хотел. Если товарищ допускает возможность такого преступления, значит я похож на взяточника. Пусть решают сами.

Думал, конечно, о семье. Это было больно. Жена извелась, почернела. Уже не спрашивала, как мои дела, только смотрела и ждала.

До меня дошли слухи, что Петерс андижанское дело передал для перепроверки секретарю партбюро Полису. Все-таки не решался на основе лишь одного подозрения осудить человека к высшей мере, захотел убедиться в моей недобросовестности, предвзятости. Десять дней Полис изучал протоколы допросов и документы. Через некоторое время Полис мне сказал:

— Перепроверка закончена.

Я замер. Легко было теперь объяснить испуганный взгляд товарища. Что решено?

— Твое заключение правильное,— продолжал Полис.— Я присоединяюсь к нему.

Не помню, говорил еще что-нибудь секретарь партбюро или ушел сразу, я стоял пораженный и, кажется, оперся о стенку, чтобы не пошатнуться.

— Товарищ Юденич, зайдите к Петерсу,— донеслось до меня издали. Кто-то нашел меня в коридоре и передал распоряжение полномочного представителя.

Петерс, как всегда, был строг и холоден. Он молча вынул из ящика стола браунинг и протянул мне:

— Ну и горячий ты,— произнес он после того, как я зацепил кобуру на пояс.— Нельзя быть таким, а еще чекист...

Я не знал, что ответить ему. Слишком много пережил и слишком был взволнован. Петерс посмотрел на меня и вдруг улыбнулся.

— Извини, я подумал о тебе плохо... Это самое страшное... Теперь все кончено... Оставайся таким, каким был. Верность революции и чистота души — наше оружие...

Снова продолжалась работа. Без отдыха и сна. Работа, которую мы называли служением долгу. Теперь ее именуют чекистской работой.

Адамович Михаил Михайлович

1897 года рождения, член КПСС с 1918 года, в органах ВЧК, ОГПУ и МГБ работал с 1919 по 1944 год. Персональный пенсионер.

Вскоре после разгрома Польши Германией глава польского эмигрантского правительства, нашедшего себе приют в Лондоне, генерал Сикорский огласил декларацию, содержавшую ряд требований, направленных против территориальной целостности Советского Союза. Домогательства польской реакции свидетельствовали о том, что некоторые государственные деятели США и Англии вели двойную игру, стараясь использовать эмигрантское правительство в целях шантажа СССР.

Изменившаяся международная обстановка вынудила США и Великобританию заключить с СССР союз о совместной борьбе с фашистской Германией, а затем оказать давление на польское эмигрантское правительство Сикорского, чтобы оно предприняло шаги по урегулированию своих отношений с СССР.

В результате 30 июля 1941 года в Лондоне состоялось подписание советско-польского соглашения, предусматривающего оказание взаимной помощи и поддержки в войне против гитлеровской Германии. Правительство СССР выражало согласие на создание воинских подразделений из числа солдат и офицеров польской армии, оказавшихся на территории нашей страны после разгрома Польши фашистской Германией.

Соглашение между Верховным главнокомандованием СССР и Верховным командованием Польши было заключено в Москве 14 августа 1941 года. Оно предусматривало, что общая численность польской армии в СССР составит 30 тысяч человек, причем, в соответствии с пожеланиями польской стороны, было признано целесообразным, что по мере подготовки та или иная дивизия будет немедленно направлена на советско-германский фронт. Для осуществления мероприятий, связанных с формированием армии, польским властям были предоставлены военные лагеря, дан беспроцентный заем.

В декабре 1941 года генерал Сикорский посетил Советский Союз. В результате переговоров была подписана советско-польская декларация. Она намечала программу боевого сотрудничества СССР и Польши в борьбе с гитлеровской Германией. Советское правительство согласилось на увеличение контингента польской армии в СССР до 96 тысяч человек.

На торжественном приеме в Бузулуке под бурные аплодисменты представителей союзных правительств и армий генерал Владислав Андерс, командующий формируемой польской армией, заявил: «Лично для меня было бы огромным счастьем получить первый оперативный приказ Советского Верховного Главнокомандования о выступлении на фронт».

Одновременно польское эмигрантское правительство и генерал Андерс для облегчения подготовки попросили перебросить войска на юг, в теплые края, и выбрали Среднюю Азию.

Итак, армия генерала Андерса обосновалась «где-то в Средней Азии», как сообщалось тогда в газетах. Теперь можно назвать это «где-то». Войска Андерса были расквартированы под Ташкентом. Рядовой состав содержался на казарменном положении. Зато привилегированная верхушка этого войска, офицеры, близко стоящие к Андерсу, были завсегдатаями Ташкента. Сборным местом стала гостиница «Националь», в которой жили некоторые гражданские лица польской национальности.

Советские среднеазиатские республики гостеприимно приняли на свои просторы миллионы эвакуированных советских людей и граждан ряда других стран, подвергшихся разбою Гитлера. Ташкент — город с миллионным населением — стал арсеналом победы.

Сюда эвакуировались многие заводы и фабрики. Здесь они оживали и работали для фронта, для победы над фашизмом

Неудивительно, что столица социалистического Узбекистана привлекла к себе внимание вражеских разведок. В органы государственной безопасности все чаще и чаще стали поступать заявления от советских граждан, сообщавших о том, что некоторые военнослужащие армии Андерса ищут тех, кто может продать им золото, драгоценности, иностранную валюту. Поступали заявления от рабочих промышленных предприятий, что какие-то люди, по ряду признаков это были иностранцы, интересуются, что производят заводы, откуда поступает сырье и т. д. В итоге проверки устанавливалось, что излишнее любопытство проявляют военнослужащие армии Андерса или гражданские лица, связанные с чинами штаба Польской армии.

В рядах армии Андерса много осело небоеспособного элемента: бывших полицейских, чиновников разных ведомств, дельцов, коммерсантов и даже артистов театров и ночных баров. Самого генерала окружала шляхетская аристократия вроде князя Сапеги, графа Тышкевича, графа Потоцкого и им подобных. Здесь же находились и многие офицеры, явные пилсудчики, враждебно настроенные против Советского Союза. В их среде были и офицеры 2-го отдела Польского генерального штаба, специализировавшиеся на подрывной разведывательной работе против нашей страны. Сам генерал, Владислав Андерс, также хорошо известен, как ярый враг первого в мире социалистического государства. Это был помещик, ближайший друг и соратник Пилсудского, когда-то служивший в русской гвардии. В польскую армию он вступил, бежав из России после Великой Октябрьской социалистической революции. Верный сподвижник Пилсудского, маршала Рыдз-Смиглы и полковника Бека, в 1919 году Андерс был прикомандирован к особой англо-французской миссии. Большую дружбу он завел с возглавляющим миссию французским генералом Вейганом, которому было поручена руководящая роль в защите Варшавы, когда Красная Армия была уже на подступах к этому городу, после разгрома белополяков Пилсудского. В 1919—1920 годах Андерс играл роль подстрекателя в организации военных авантюр Пилсудского против молодой советской республики.

И вот в тяжелый для нашей Родины момент многотысячная, разнокалиберная армия, возглавляемая этим оголтелым врагом, оказалась на территории Советского Узбекистана. Было бы наивным полагать, что сотрудники 2-го отдела штаба не воспользуются благоприятной обстановкой для сбора различных конфиденциальных сведений, не попытаются использовать свое пребывание в Средней Азии для шпионажа. Необходимо также знать истинные цели генерала Андерса, тем более, что, несмотря на просьбы Советского правительства, воинские подразделения все еще «не были готовы» к сражению против гитлеровцев на советско-германском фронте.

Перед органами государственной безопасности стояла задача парализовать активность польской разведки, выявить агентуру и постараться выяснить истинные намерения генерала Андерса.

Однажды на черном рынке, который в то время был в Ташкенте, задержали польского гражданина Зигмунда Корецкого в момент, когда он покупал на большую сумму золотые монеты царской чеканки. Это — один из дельцов-валютчиков, которых в те годы немало находилось в Ташкенте. Они скупали золото, дорогие ковры, антикварно-ювелирные ценности. Были в этой разношерстной толпе и маклеры, и простые шулеры, занимавшиеся своим промыслом еще в Варшаве. Попадались среди спекулянтов солдаты и офицеры польской армии.

Корецкий числился музыкантом струнного оркестра. В Советский Союз он попал в сентябре 1939 года в составе батальона, разгромленного гитлеровцами после начала военных действий на территории Польши. На следствии он показал, что золотые монеты скупал не для себя, а по поручению полковника Михася Тронбицкого — офицера для поручений при штабе Андерса. За приобретение валюты Тронбицкий обещал Корецкому комиссионные.

Для советских органов безопасности представляли интерес показания Корецкого (со слов Тронбицкого и других офицеров штаба) о том, что армия Андерса не намерена сражаться против гитлеровцев на советско-германском фронте.

В кругах, близких к генералу Андерсу, распространилась версия, что армия будет уведена из пределов Советского Союза на Ближний Восток. Все, кто в какой-то мере знали об этом, старались запастись иностранной валютой,

золотом, различными ценностями. Особенно активно действовали люди, только формально числящиеся в армии — чины полиции, аристократы, помещики.

Показания Корецкого подтвердили имевшиеся уже сведения об измене долгу, готовящейся Андерсом. Органы государственной безопасности приняли решение глубже внедриться в жизнь польской эмиграции, точнее знать все планы польского командования.

Среди польской интеллигенции, находившейся в то время в Ташкенте, обращала на себя внимание варшавская певица Нина Кульчицкая, занимавшая номер в гостинице «Националь».

Выступления известной польской артистки, исполнявшей арии из оперетт Кальмана, Легара, Штрауса, пользовались неизменным успехом у публики.

Кульчицкая была всегда окружена поклонниками, главным образом из числа офицеров Польской армии. Она гостеприимно встречала своих многочисленных поклонников, веселилась, как будто кровопролитная война, идущая в мире, ее не касалась. На политические темы разговоров никогда не заводила.

Однажды ее гости засиделись допоздна и, несмотря на намеки хозяйки, что пора отправляться по домам, продолжали веселиться. После того, как многие захмелели, видимо не желая поднимать шум, артистка постучала в соседний номер, где, как она знала, проживала молодая вдова Софья Дальская, по происхождению поляка, эвакуированная из Риги. До этого вечера соседки были мало знакомы и только вежливо раскланивались.

Кульчицкая рассказала Софье о сложившихся обстоятельствах и попросила разрешения отдохнуть у нее. С этого времени отношения между двумя женщинами стали приятельскими, хотя Софья и была человеком другого склада. Она рассказала Нине, что из Риги эвакуировалась вместе с братом Тадеком, который живет в старом городе, снимая угол в частном доме. В Риге осталась мать с ее четырехлетней дочерью, а у Тадека — жена и двое детей.

Вскоре Софья познакомила Кульчицкую со своим братом. Это был шатен среднего роста, немного располневший. Артистка обратила внимание, что он всегда безукоризненно одет, костюмы сшиты из английской шерсти, вещи, которые он носил, исключительно добротны и изящны. Как-то актриса высказала Тадеку предположение, что

ему приходилось бывать за границей. Он не отрицал этого. Тадек стал чаще заходить к сестре. Они посещали концерты, контрамарками на которые их снабжала Кульчицкая. Потом они возвращались в гостиницу и проводили вечера вместе с группой гостей, которые обыкновенно бывали у Кульчицкой. Постепенно брат и сестра вошли в круг обширных знакомых артистки. Кульчицкая сердилась, когда Тадек и Софья покидали ее до окончания пирушки. Но они уходили, как только начинался разгул.

Как-то после очередного концерта в саду Дома Красной Армии Кульчицкую увязался провожать офицер Польской армии Франтишек Эбавицкий. Это был варшавянин лет 27—28, довольно развязный, но вежливый, одетый в приличный штатский костюм. Шел с ними еще один поклонник таланта певицы — врач, некогда известный в Варшаве. Руки его украшали массивные золотые перстни с дорогими, хорошего вида бриллиантами. Он уверенно подхватил под руку Кульчицкую, и второму поклоннику, Франтишеку, не оставалось ничего делать, как вести разговор с Тадеком и его сестрой. Они шли втроем и разговаривали. Тадек рассказал, что до установления Советской власти в Латвии он был приемщиком бекона от крупной английской фирмы. С установлением Советской власти и до эвакуации в Ташкент он работал на Рижской скотобойне.

Так, беседуя, они дошли до «Националя». Эбавицкий попрощался с Тадеком и его сестрой как с хорошими, давними знакомыми.

Прошла неделя. Как-то вечером Тадек, зайдя к Софье, застал там Эбавицкого. Тот смутился.

— Тадек,— обращаясь к брату, сказала Софья,— господин Эбавицкий, видимо, считал, что и ты здесь живешь. Он пришел к тебе.

— Да, да, я к вам, господин Дальский.— сказал Эбавицкий.

— Спасибо, что зашли. У нас с сестрой мало знакомых в Ташкенте. И мы рады знакомству с вами. Не так ли, Софья?

— Конечно, конечно,— сказала сестра.

— Ну, раз так, закрепим нашу дружбу в ресторане. Я приглашаю вас в сад Дома Красной Армии. Поужинаем там и подождем нашу несравненную актрису.

Этот вечер еще больше сблизил Эбавицкого и Тадека. Во время ужина новые знакомые рассказывали друг другу

о своей жизни. Дальские вспомнили Ригу, Латвию, своих близких. Збавицкий интересовался, чем они заняты теперь. Он рассказал и о себе.

Отец Збавицкого служил в царской армии, а после Октября вернулся в Варшаву. Там его мобилизовали в Польскую армию. После демобилизации служил у генерала Рыдз-Смиглы в качестве оружейного мастера. Генерал часто выезжал с многочисленными друзьями на охоту. В ней участвовали дипломаты, сановники, иностранные гости. Збавицкий всегда сопровождал своего патрона. Во время одной из охот Рыдз-Смиглы, взбешенный двумя осечками, кинул ружье в него и перебил ему левую руку. Потом, через несколько дней, когда генерал «поостыл», он пожалел о своем поступке, но рука была перебита. С тех пор генерал протезировал сыну оружейника. Когда Франтишека призвали в армию, он был рядовым в одном из пехотных полков. Рыдз-Смиглы на кого-то нажал и его направили в школу армейских писарей. После нападения гитлеровской армии на Польшу Збавицкий вместе с другими солдатами разбитых частей попал на территорию Советского Союза, где и был интернирован. При формировании армии Андерса один из близких адъютантов Рыдз-Смиглы, хорошо знавший старшего Збавицкого, пристроил его сына в канцелярию генерала.

— Я теперь работаю по законвертованию исходящей почты и передаче ее фельдъегерям,— самодовольно сказал Франтишек. Он надеялся, что и после войны Рыдз-Смиглы не забудет его.

Каждая очередная встреча сближала Франтишека и Тадека. Да и сестра его стала более внимательна и приветлива к новому знакомому. Встречи эти проходили иногда за бокалом вина, но чаще всего это были просто беседы на самые разнообразные темы. Вспоминали прошлое, говорили о положении на фронтах, строили прогнозы. Франтишек много рассказал о жизни армии Андерса, штабных новостях и сплетнях. Для него не было секретом, что многие сослуживцы, особенно занимающие высокие посты, стремятся запастись иностранной валютой, золотом и другими драгоценностями, которые служили бы за границей деньгами с высоким курсом.

Как-то вечером Франтишек пришел в «Националь» к Софье. Там был Тадек, принесший ей часть своего продовольственного пайка. Мужчины были рады встрече.

Вечером в Польском клубе выступали популярные артисты Варс и Петербургский. Софья имела приглашающий билет. Когда сестра ушла, Тадек предложил Франтишке пойти в кино, но тот заявил, что у него есть важный разговор и лучше им побыть в гостинице.

Збавицкий откупорил принесенную им бутылку «Портвейна» и наполнил вином бокалы. С бокалом в руке он несколько торжественно обратился к Тадеку:

— Господин Дальский! Я хочу сегодня с вами очень откровенно поговорить. На это я имею право, ибо считаю, что мы стали душевными друзьями. Вы, господин Дальский, поляк, хотя и очень плохо говорите на своем родном языке. Но в вас течет польская кровь. И это главное. Мы подружились, и дружба наша стала прочной. Но мы ничего, как поляки, не сделали на почве этой дружбы ради интересов Польши. Поэтому я сегодня позволю себе попросить вас, чтобы вы не только как друг, но и как поляк, помогли бы нам.

Франтишек достал пачку папирос и начал шарить по карманам спички.

— Пожалуйста, пожалуйста, я слушаю вас, продолжайте, господин Збавицкий.

Франтишек глубоко затянулся и продолжал:

— Так вот, дело в том, господин Дальский, что мне нужна ваша помощь. В наших патриотических интересах мне в штабе генерала Андерса поручено собрать сведения о проживающих в Ташкенте гражданах польского происхождения. Вначале надо узнать о каждом — его фамилию, возраст, действительно ли он поляк, кто он — рабочий или интеллигент. Главное — уточнить, где он работает, какова его специальность. Имея такие данные, надо с каждым познакомиться, выяснить его политические настроения, узнать, каково материальное положение. В дальнейшем я подскажу вам, что делать. Такие люди могут для нас представлять интерес.

— Для кого? Для вас? — непонимающе спросил Тадек.

На лице Франтишека появилось удивление.

— О, господин Дальский, как же вы не можете меня понять! Наш штаб, штаб генерала Андерса, очень интересуется таким контингентом. Ведь о нашем знакомстве я доложил шефу. Он благодарен за помощь и будет рад познакомиться с вами лично.

Тадек не дал возможности продолжать разговор. Он извинился, что прерывает, встал из-за стола и заговорил:

— Такого разговора я никак не ожидал. Воздержимся пока обсуждать, какого сорта люди вас интересуют. Я понял ваше предложение, но, прежде чем сказать да или нет, прошу ответить на мои вопросы. Из ваших же слов, господин Збавицкий, известно, что на спекулятивных сделках вы зарабатываете кое-какую мелочь. За то, что для своего начальства на советские деньги скупаете ценности, рискуя оказаться в советской тюрьме, получаете грошовые комиссионные. Я уверен, что вы немного получаете от вашего начальства за участие в той миссии, в которую намерены меня втянуть. Из всего, что мне известно с ваших же слов, главное это то, что вам нужны деньги. Так вот, давайте разговаривать как деловые люди, а патриотизм, о котором вы мне сегодня говорили, тут не при чем. Вам нужны деньги — это и может привести нас к реальному разговору и реальному решению.

— Мы, люди Запада, деловые люди и реальные политики, — продолжал Дальский. — Мы стоим близко друг к другу, хотя у нас с вами и разные шефы. Я тоже уполномочен переговорить с вами. Мои высокие инстанции интересуют состояние армии генерала Андерса. Они не удовлетворяются докладами ни из кабинетов Польского правительства в Лондоне, ни из штаба генерала Андерса. Вам известно, что Польская армия скоро выедет из пределов Советского Союза на Ближний Восток. Я от вас должен знать, кого больше в армии — левого элемента или сторонников политики Лондонского правительства. Нам надо знать, кто бунтует в армии Андерса. Таких вывозить не следовало бы.

Збавицкий глубоко вздохнул. На лбу выступили капли пота. Он выглядел как боксер, побитый партнером на ринге.

— Я все понял, господин Дальский, — с ноткой покорности сказал Франтишек. — Но ваше предложение так неожиданно. Мне даже трудно собраться с мыслями. Дайте подумать.

— Думайте, думайте. Торопиться некуда. Ваше здоровье! — Тадек уже поднял бокал, в котором искрилось вино, но опустил его и снова заговорил:

— Я хочу сказать вам еще два слова. Скоро армия генерала Андерса уйдет на Ближний Восток. Я берусь

обеспечить ваше личное благополучие там, но при одном условии — если в наших делах будете благоразумны, правдивы. Вы должны прекратить операции на черном рынке в Ташкенте. Иначе можете угодить в руки советской прокуратуры. Если скажете — да, с сегодняшнего дня берем вас на пенсию.

Тадек жестом пожелал здоровья Эбавицкому, поднял свой бокал и залпом осушил его.

Эбавицкий к вину не прикоснулся. Закусив, он взволнованно заговорил:

— Этот вечер для меня оказался весьма сложным. Вы, господин Дальский, очень убедительно доказали, что я действительно могу быть полезен и это не пойдет во вред польским интересам. Но дайте мне все же подумать.

— Ну, что ж, думайте, решайте. Лучше сейчас все взвесить и только тогда сказать да или нет,— решительным тоном заявил Тадек.

Эбавицкий задумался.

— Хочу еще вас предупредить. Вы сегодня начали мне рассказывать, что штаб генерала Андерса интересуется военной промышленностью Советского Союза. Этот участок деятельности моих патронов не интересует. И в мою компетенцию не входит. Другое дело, если это будет частью вашей информации.

Тадек налил еще один бокал вина:

— Итак, дело за вами, господин Эбавицкий.

Минуты две царило молчание. Затем Эбавицкий поднял свой бокал и, обращаясь к Тадеку, сказал:

— Ваше доверие меня обязывает. Думаю, что и вы, господин Дальский, будете довольны, и я не буду в обиде. Я поднимаю бокал в знак принятия вашего предложения. За наши общие цели.

Они чокнулись и выпили. В этот вечер они о многом еще говорили. Эбавицкий подробно рассказывал о жизни в штабе армии Андерса. Прощаясь, Тадек просил Франтишека подготовить подробную информацию о тех чинах и рядовых, кто не хочет выезжать из Советского Союза или кого сам Андерс не захотел брать с собой на Ближний Восток.

Снова встретились они через неделю. В номере опять никого не было. Софья вместе с Кульчицкой ушла в цирк. У Тадека и Франтишека оказалось достаточно времени для разговоров. Франтишек успел подготовить подробную информацию о деятельности тех частей армии Андерса,

которые были дислоцированы в Узбекистане. Страницы его конспекта были строго выдержаны в рамках требований Дальского.

На столе опять появилось вино. Тадек внимательно слушал Франтишека, который после двух бокалов стал развязнее и принялся потчевать своего друга рассказами из жизни штабных.

— Вы, конечно, не слышали о сенсационном происшествии с Казимиром Матуйским. Весь штаб переполошился. Дня три назад он пошел в баню. Да, да, в самую обыкновенную баню. Номер достать было невозможно, но Казимиру повезло. Один любезный господин пригласил его в свой номер. Однако минут через десять незнакомец покинул Матуйского, сказав банщику, что забыл выключить в квартире электроплитку и только сейчас вспомнил об этом. Через несколько минут Матуйский начал стучать в дверь — оказалось, что исчезла вода. Банщик сказал: сейчас позову водопроводчика.

Через минуту он постучал, и Матуйский открыл дверь. К нему в номер зашли двое мужчин, как оказалось, сотрудники органов безопасности. Вода появилась, он смыл мыло, оделся и в их сопровождении уехал на автомобиле. Все это видел подпоручик Шипский, который специально был взят Матуйским для наблюдения на время встречи с агентами. Он-то думал, что, назначая встречу в бане, перехитрил советскую контрразведку, а оказывается сам попал в ловушку. Ну да, немногие в штабе жалеют Матуйского. Не очень его у нас любили. Пить не умел, был заносчив, все хвастал, что он большой специалист по советским делам. Вот и нахвастался.

Збавицкий задумался. Видимо, история с Матуйским его не на шутку встревожила.

У Тадека скапливалось все больше и больше материалов о тех офицерах и рядовых, которые должны были остаться на территории Советского Союза после ухода армии Андерса. Как использовал эти материалы господин Дальский, Збавицкий не знал. Но ему это было безразлично. Кроме деловых отношений, которые установились теперь между ним и Дальским, Франтишек нашел в Тадеке приятного собеседника, умеющего слушать. А поговорить он и сам любил.

В один из вечеров Збавицкий пришел немного взволнованный. Тадек ни о чем его не расспрашивал. Он знал —

о всех интересных событиях Франтишек расскажет сам. И действительно, после первого же бокала вина Эбавицкий с таинственным видом спросил:

— Вы, господин Дальский, конечно слышали фамилию Радзивиллов.

— О, конечно, древнейший род князей литовских. Какой поляк не знает об этом!

— Мало этого, мало, господин Дальский. Старейший в этом княжеском роде Константин Карлович, аристократ до мозга костей, своими родственными связями близок к Савойскому дому и сановным кругам Великобритании. Вильгельм второй во время первой мировой войны прочил его короновать королем Литвы. Так вот, где вы думаете сейчас старейший Радзивилл?

— Не знаю. Вероятно, в Англии или Франции. Мою инстанцию он не интересуется.

— В Ташкенте! — выпалил Эбавицкий.

— В Ташкенте? — с недоверием переспросил Дальский.

— Именно в Ташкенте. И где он служит? В зоопарке. — Франтишек самодовольно наблюдал за впечатлением, которое произвел на Дальского его рассказ.

Он выпил еще бокал и продолжал:

— Представьте, идет солдат по улице. И встречается на Пушкинской самого князя Радзивилла. Узнали друг друга. Солдат этот до войны служил у князя объездчиком в его имении под Вильно. Солдат обрадовался, князь не меньше. Князь пригласил солдата в какую-то каморку и за стаканом чая поведал ему о своих злоключениях. В общем потоке эвакуированных из Литвы князь на открытой платформе доехал до Полоцка, а затем в эшелоне приехал в Ташкент. Когда он узнал от своего бывшего объездчика, что недалеко от Ташкента находится Польская армия, то написал короткую записку генералу Андерсу. И просил передать, что переезжает на новую квартиру, более благоустроенную.

Когда солдат вернулся в лагерь, то доложил о встрече с князем дежурному офицеру штаба. Через несколько минут его вызвал к себе Андерс. В его роскошном кабинете собралось несколько старших офицеров. Солдат подробно доложил о встрече с Радзивиллом. Что было потом! После ухода солдата Андерс был вне себя — подумать только, его друг, старейший представитель аристократии в качестве сторожа в зоопарке! Было решено

вывезти его в одном из эшелонов, который в ближайшее время отправлялся из Ташкента в Иран. Генерал вызвал к себе князя Сапегу, старого друга Радзивилла, и приказал ему лично, вместе с офицерами второго отдела штаба, разработать план вывоза князя. Сапега должен украсть Радзивилла у русских!

— Ну и бог с ним,— сказал Тадек.— Видимо, князь в записке Андерсу «расплакался» и запросился в Европу. Надо полагать, что у него в Европе родственников больше, чем у вас долларов.

Дней за десять до отправки эшелона, в котором Эбавицкий должен покинуть Советский Союз, он снова встретился с Дальским. Тадек получил очень важную информацию — копии списков рядового и начальствующего состава, которые под разными предлогами будут оставлены в Советском Союзе. В числе их был полковник артиллерии Берлинг, осужденный военным судом армии Андерса якобы за растрату казенных средств, а на самом деле за либеральные убеждения. Берлинг открыто высказывал несогласие с политической линией Польского правительства в Лондоне и действиями генерала Андерса. Он ратовал за участие Польской армии в борьбе с фашизмом на советско-германском фронте.

В конце встречи Тадек ради любопытства поинтересовался дальнейшей судьбой князя Радзивилла.

— О, это интересно,— воскликнул Франтишек.— Мне рассказывал поручик Розинский. Два дня он ходил в зоопарк, но никак не мог встретиться с князем. Тогда было решено, что к нему на квартиру под видом ташкентского знакомого отправится сам князь Сапега. Так и сделали. Сапега постучал в калитку. Открыла ему хозяйка-узбечка. Старый князь, узнав своего давнего друга, расстроился и прослезился. Он запер дверь комнаты, и часа два они конфиденциально беседовали. Видимо, тогда они и разработали план увоза Радзивилла ближайшим эшелоном. Они договорились, что накануне отъезда князь объявит день своего рождения.

— Да, любопытно все это. Конечно, Радзивилл представляет для Андерса, и не только для него, большую ценность.

Эбавицкий и Дальский тепло попрощались. Тадек сказал, что после выезда из пределов Советского Союза к Франтишеку придут его друзья, скажут пароль, и он

сможет продолжать работу, которую начал здесь, в Ташкенте.

Через несколько дней Франтишек Збавицкий покинул Советский Союз. Что же касается князя Радзивилла, то, несмотря на хорошо разработанный сценарий, он выехать не сумел. А произошло вот что.

Именины удались на славу. Князь задумал сподать своих гостей — хозяйку и соседку, учительницу французского языка, чтобы на рассвете, когда должен был приехать на автомашине князь Сапега, он смог тихонько улизнуть из дома. Вечером неожиданно пришел брат хозяйки. Его тоже гостеприимно усадили за стол. Князь пил много, стараясь увлечь своим примером гостей. Видимо, считая, что ничего уже не может помешать реализации задуманного плана, полупьяный князь проговорился, что это его последняя ночь в Ташкенте, а на рассвете за ним придет Сапега.

Сапега действительно приехал. Его встретила хозяйка квартиры и провела раннего гостя в комнату князя. Тот спал непробудным сном. Когда Сапега с большим трудом разбудил Радзивилла, тот никак не мог понять, почему ему не дают выспаться. Он попробовал отыскать свои ботинки, брюки, сорочку, но ничего найти не смог. Рассерженный князь снова лег спать, заявив, что никуда не поедет, пока как следует не выспится. Сапега выругался по-польски. Потом извинился перед хозяйкой и учительницей и, хлопнув дверью, ушел. А князь продолжал храпеть.

Эшелоны с войсками генерала Андерса один за другим покидали Среднюю Азию. Они устремились на Ближний Восток. А князь Радзивилл остался в Ташкенте.

Таким образом, группа чекистов выполнила поставленную перед ними задачу. Большое число патриотически настроенных польских военнослужащих не выехали вместе с генералом Андерсом, а остались на территории Советского Союза. Впоследствии они вошли в состав сформированной здесь армии польского народа.

Под именем Тадека Дальского выступал автор этих строк. В разработке и проведении мероприятия также принимали участие полковники Н. Н. Филимонов, А. М. Исаев, подполковник С. Я. Епишев и другие оперативные сотрудники. Им активно помогали Софья, хозяйка квартиры и учительница французского языка.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие генерал-майора Киселева С. И.	5
Желтиков Ф. Н. Грозами опаленные. Литературная запись М. Гребенюка	7
Норейко Н. К. Страницы жизни. Литературная запись В. Барбонова	48
Журавлев А. М. Вторая Памирская экспедиция. Литературная запись В. Барбонова	61
Сабиров А. По горячим следам. Литературная запись В. Барбонова	68
Абуталипов Ч., Алеев Н. Верный солдат революции .	74
Калмыков С. В. Посланец из Турции. Литературная запись В. В. Акимова	84
Хамзабаев Д. Обелиски на дорогах. Литературная запись В. Барбонова	124
Валишев А. Н. Агент английской разведки Ибрагим-бек. Литературная запись Э. Арбенова	138
Гишман-Ивановский И. Д. В далекие двадцатые. Литературная запись Б. Пармузина	159
Мухамедов К. Особое задание. Литературная запись Э. Арбенова	165
Галиев Х. Г. Это было в Хорезме. Литературная запись В. Барбонова	197
Юденич Н. К. Следователь ЧК. Литературная запись Э. Арбенова	203
Адамович М. М. Где-то в Средней Азии. Литературная запись С. Нестеровича	234

ЧЕКИСТЫ

Воспоминания

Составитель
С. Я. Епишев

Редакторы М. А. Писманик и Е. П. Яковенко
Художник В. Ворохов.
Худ. редактор М. Э. Гумаров
Техредактор А. Бахтияров
Корректор С. Сайфуллаева

Сдано в набор 16/VI 1967 г. Подписано к печати 14/IX 1967 г. Формат 84×103^{1/32}.
Печ. л. 7,75. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 13,03. Тираж 20000. Р 12093. Издательство
«Узбекистан», Ташкент, Навои, 30. Договор 69—67. Отпечатано на бумаге № 1.

Набрано и отмастрировано в типографии № 2 Комитета Совета Министров УзССР
по печати. Заказ № 4942. Цена 60 коп.

Отпечатано в типографии Объединенного издательства ЦК Компартии Узбекистана, г. Ташкент, «Правда Востока», 26.

ЧЕКИСТЫ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ